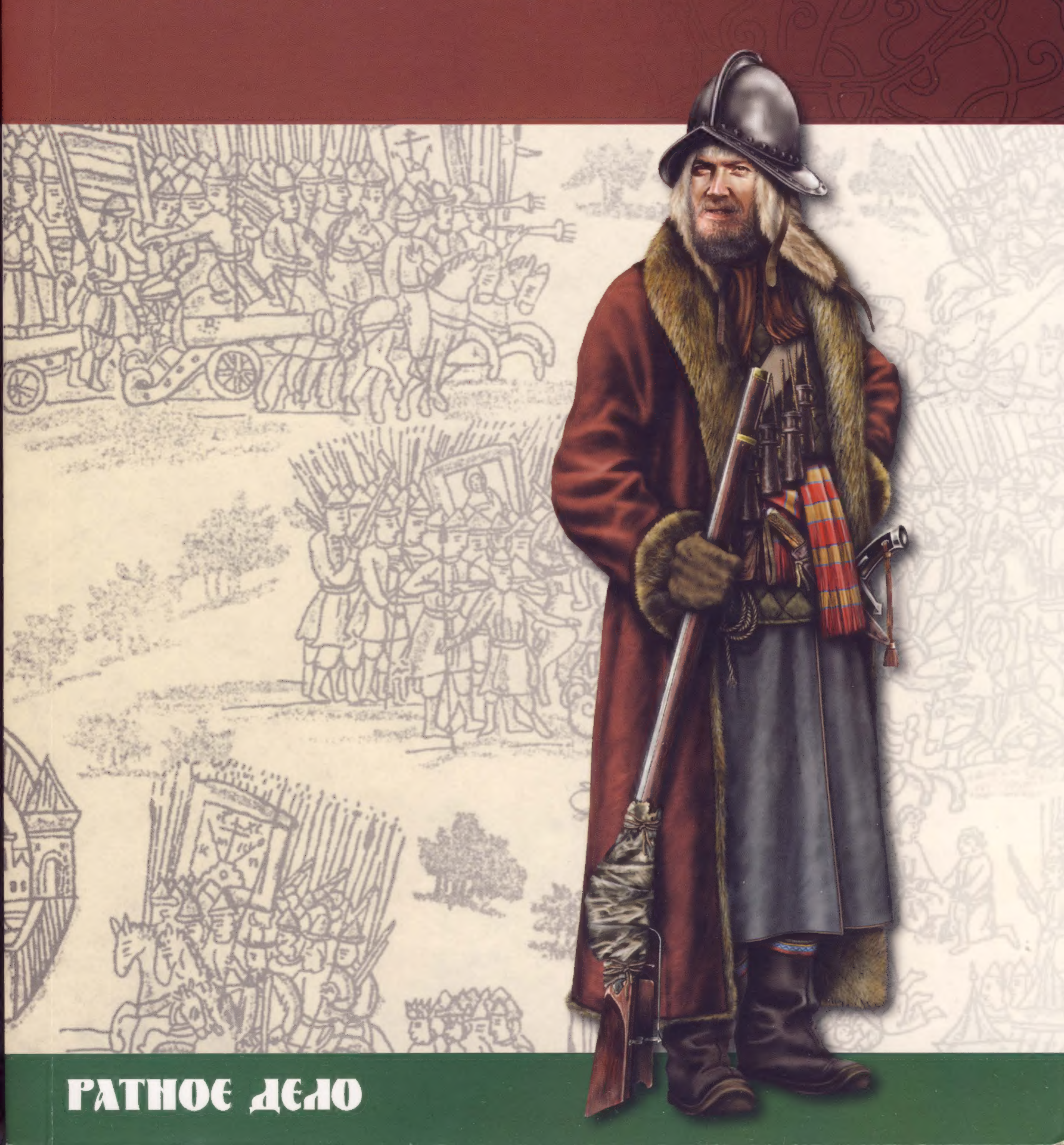
Д.Н. Никитин • Н.И. Никитин

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ

Войны и походы конца XVI – начала XVIII века

РАТНОЕ ДЕЛО

Походы московских ратей против Югорских князей.
Карта-схема А.П. Зыкова, С.Ф. Кошкарова, Д.А. Редина, А.Ф. Агзамова

РАТНОЕ ДЕЛО

Д.Н. Никитин,

Н.И. Никитин

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ

Войны и походы конца XVI – начала XVIII века

Москва
2016

УДК 355.483(571.1/.5)»15/16»:94(571.1/.5).04/.05
ББК 63.3(2)43-69+68.35(253.1)4
Н 62

Никитин, Д.Н.
Покорение Сибири. Войны и походы конца XVI – начала XVIII века : [12+] / Д.Н. Никитин, Н.И. Никитин. – М. : Фонд «Русские Витязи», 2016. – 124 с. : ил. – (Ратное дело). – ISBN 978-5-990603-77-6.
I. Никитин, Николай Иванович.

Научный редактор: **А.В. Малов**

Рецензенты:
доктор исторических наук **Андрей Сергеевич Зуев**
(декан Гуманитарного факультета, проф. кафедры отечественной истории ГФ Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск),

доктор исторических наук **Дмитрий Алексеевич Редин**
(зав. кафедрой истории России Уральского федерального университета, г. Екатеринбург),

кандидат исторических наук **Константин Иванович Зубков**
(старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург)

Книга посвящена истории присоединения к России сибирских земель. В отличие от большинства работ, вышедших в прошлом столетии, в этой книге акцентируется внимание прежде всего на военной составляющей – включении Северной Азии в состав Российского государства. Перед читателем пройдет галерея образов выдающихся военачальников и отважных первопроходцев, которые тяжелым ратным трудом раздвигали и защищали восточные пределы нашего Отечества и заслужили благодарную память потомков.

На обложке:
Сибирский городовой казак, вторая половина XVII в.
Рисунок Ю. Юрова

На второй странице обложки иллюстрация к стр. 8:
Походы московских ратей против Югорских князей
Карта-схема А.П. Зыкова, С.Ф. Кошкарова, Д.А. Редина, А.Ф. Агзамова

На третьей странице обложки иллюстрация к стр. 10:
Сибирское ханство
Карта-схема А.П. Зыкова, С.Ф. Кошкарова, Д.А. Редина, А.Ф. Агзамова

ОГЛАВЛЕНИЕ

Гордиться славою своих предков
не только можно, но и должно,
не уважать оной есть постыдное малодушие

А.С. Пушкин

ОТ АВТОРОВ

Стремление к территориальному росту своего государства было естественным для минувших эпох, в том числе – для Средневековья и раннего Нового времени, на которые, собственно, и пришлось присоединение Сибири к России. При господстве в стране феодальных отношений, когда общество, вследствие слабого развития производительных сил, не может успешно развиваться без внешних приращений и приобретений, территориальная экспансия народов была обычным явлением. Россия в этом отношении ничем не отличалась от других государств, но у нее имелась уникальная возможность раздвигать свои пределы на сибирский простор – в богатые природными ресурсами, но слабо заселенные земли Северной Азии. И Россия этой предоставленной самой Природой и Историей возможностью сумела воспользоваться в полной мере. Как же происходило русское движение на восток, «встречь солнца»?

Большинство наших соотечественников пребывает в твёрдой уверенности, что Сибирь досталась русскому народу удивительно легко, что отряды землепроходцев на огромном пространстве от Урала до Тихого океана если и преодолевали трудности, то в основном «туристического характера», связанные с суровыми климатическими условиями края. Это, однако, далеко не так, и причиной искажённых представлений о присоединении Сибири явился тот крен в сторону показа прежде всего мирных способов освоения новых земель русскими людьми, который господствовал в нашей исторической литературе в 1950–1980-х годах по причинам не столько научного, сколько политического характера. Одни родоплеменные объединения Сибири принимали российское подданство, действительно, без сопротивления и даже добровольно (по собственной инициативе) – либо понимая бесперспективность силового противостояния с русскими, либо рассчитывая на их помощь в борьбе с соседями (что, впрочем, не исключало в дальнейшем «измен» со стороны таких подданных). Другие решительно и энергично сопротивлялись попыткам привести их «под высокую государеву руку». Третьи (не только сибирские, но и сопредельные народы) сами проводили активную экспансионистскую политику, стремились подчинить себе племена, попадавшие в сферу российского влияния, а также уничтожить или изгнать русских переселенцев. Так что в конце XVI – начале XVIII века Северная Азия представляла собой клубок неразрешимых геополитических противоречий и арену ожесточенных сражений, реальной же возможностью прекратить эту «войну всех против всех» тогда обладал только самый сильный ее участник – Россия. И путь к «замирению» края в тех условиях у нее был тоже только один – вооруженный.

В ходе выполнения этой исторически неизбежной, не зависящей от воли отдельных людей миссии наши предки совершили немало ратных подвигов, память о которых должна быть достоянием всего народа и в первую очередь – молодежи, содействуя воспитанию подлинных граждан своей страны.

Глубоко ошибочной является также широко распространенная в XX веке тенденция к принижению роли государственного начала в присоединении Северной Азии к России. Государству, часто отождествлявшемуся с «царизмом», в связи с покорением Сибири нередко давались только негативные характеристики (как «угнетателю», «эксплуататору» и т. д.), игнорировались его организаторская и цивилизаторская функции, тесное переплетение государственного и вольнонародного начал в освоении края, невозможность его присоединения к России без активной работы центральной и местной администраций.

В нашей книге роль государства в присоединении Сибири выдвигается на первый план, но чтобы избежать схематизма в изложении событий, мы пытались уделять внимание и «человеческому», «личностному» фактору – деятельности конкретных людей в конкретной обстановке. Перед читателем пройдет галерея образов выдающихся военачальников и отважных первопроходцев – тех, кто тяжелым ратным трудом раздвигал и самоотверженно защищал восточные пределы нашего Отечества. Вполне достойным противником мы стремились показать и воюющую с Россией сторону – тех, кому ходом истории было предопределено покориться силе русского духа и русского оружия и войти в единую семью народов нашей страны. Надеемся, что эта книга не оставит читателя равнодушным и убедит его в объективной неизбежности включения Сибири в состав Российского государства.

Путь в «страны неведомые полнощные»

Первые сведения о Сибири

Сибирь – самая северная часть Азии. На тысячи километров простираются к востоку от Уральских гор холодные сибирские просторы – болотистая тундра, дремучая тайга, засушливые степи. С юга на север текут по Сибири полноводные реки: Обь с Иртышом, Енисей с Ангарой, начинающейся из «славного моря» – озера Байкал, Лена, а дальше на восток – Яна, Индигирка, Колыма. За Становым хребтом у границ Китая несет свои воды могучий Амур. Ныне Приамурье считается Дальним Востоком, но раньше и эти земли, как и омываемую Тихим океаном Камчатку, считали частью Сибири.

Хотя первые люди появились в Сибири еще в незапамятные времена, в остальном мире о ней долгое время не было известно почти ничего. В древности и в Средневековье европейцы, правда, слышали об Уральских горах, которые называли тогда Рифейскими или Гиперборейскими. Но что находится дальше, никто не знал. Одни думали, что та страна необитаема из-за вечного холода и тьмы. Другие всерьез верили в живущих там чудовищных людях – одноглазых, собакоголовых, обросших шерстью, с лицами на груди, козлоногих или одноногих, умирающих осенью и оживающих, «наподобие лягушек», весной и т. п.[1]

Далекой «страной Мрака», где водятся ценные пушные звери, интересовались восточные купцы. Им уже были знакомы южные окраины Сибири, вблизи которых проходил Великий шелковый путь торговли с Китаем. Один из арабских купцов, Ибн Баттута, в XIV веке решил было отправиться дальше на север, но на полдороге передумал. Слишком опасным представился ему путь в «страну Мрака», и слишком мало прибыли надеялся получить он от этого путешествия. Тем не менее Ибн Баттута записал услышанное от других. По их словам, если из столицы Волжской Болгарии ехать 40 дней на повозках, запряженных собаками, по пустыне, где нет ни дерева, ни камня, ни жилища, а только снег и лед, то можно добраться до таинственного народа, который на оставленные в условленном месте товары охотно меняет драгоценные меха[2].

От волжских болгар арабы узнали и другое название этой страны – Югра, а также то, что за ней находится «море Мрака», по которому плавают, без нужды и цели, а лишь прославляя себя, какие-то люди. Кто же были те, кто не боялся плавать в таинственную Югру? По всей видимости, восточные купцы слышали рассказы о русских, ходивших на своих кораблях по «Студеному морю» – Ледовитому океану – в «полуночные» (северные) страны[3].

Новгородцы за Уралом

Весь север Древней Руси охватывали владения богатого торгового города Великого Новгорода. Там издавна были наслышаны о стране Югре, или Югории, лежащей по обе стороны Уральских гор. В русской летописи под 1095 годом был записан рассказ о первой поездке к Уралу. Знатный новгородец Гюрята Рогович послал своего «отрока» (слугу) на реку Печору. Оттуда слуга отправился к жившим у высоких гор югричам. За горами же, по их словам, находились неведомые люди, говорившие на непонятном языке, которые предлагали пушнину в обмен на железные ножи и топоры[4].

Перенос лодки через волок на севере.
Рис. из книги Олауса Магнуса «История северных народов» (XVI в.)

Русский летописец посчитал, что речь шла о крае земли, где за неприступными горами легендарный Александр Македонский запер до конца света «нечистые народы». Но новгородцы не испугались ни высоких гор, ни рассказов о «скверных людях» и скоро стали ходить за Урал. Ватаги новгородской вольницы обычно отправлялись в дальние походы на лёгких быстроходных ладьях – «ушкуях» – и потому назывались «ушкуйниками». Далеко не всегда эти походы бывали успешными. Однажды югричи уничтожили целый отряд ушкуйников. После этого из Новгорода были посланы с войском воеводы Александр Абакумов и Степан Ляпа. Сообщение об их походе, занесённое в летописи под 1364 годом, стало первым описанием путешествия русских в Западную Сибирь. Перейдя Урал, новгородские воеводы разделились. Один поднялся вверх по Оби, другой спустился вниз по Оби до самого моря. Югра признала власть Великого Новгорода и согласилась платить дань.

Постепенно Новгород слабел в борьбе с Московским княжеством, собиравшем вокруг себя русские земли. Новгородцы стали терпеть неудачи и за Уралом. Когда в 1446 году в Югру пришла многочисленная новгородская рать, часть новгородцев во главе с Василием Шенкурским обосновалась в выстроенной крепости-острожке, других воевода Михаил Яковль повел вглубь Сибири. На словах югорские правители соглашались принести дань, на деле же готовились к войне. Наконец, собрав силы, югричи внезапно напали на новгородский острожек. Вернувшись, воевода Яковль нашел разрушенную крепость и отступил обратно в Новгород, где встретили с великой скорбью весть о гибели многих удалых людей[5].

Походы в Сибирь московских воевод

Место Новгорода во главе движения русских людей на восток заняла Москва. Московские князья присоединили к своим владениям приуральскую Пермь. Русские ближе познако-

мились с югорскими племенами Сибири и уже различали между ними остяков и вогулов (сейчас эти народы называют ханты и манси).

Воинственные сибирские вогулы часто нападали на пермские земли. От вогульских набегов страдали и русское, и коренное население Пермского края – зыряне и пермяки (нынешние коми). В 1455 году «безверные вогуличи» подкрались на плотах, замаскированных ветками, к самой резиденции пермского епископа, где в тот момент шла торжественная церковная служба. Праздничное богослужение закончилось кровавой бойней, в которой погиб крестивший «Пермь Великую» епископ Питирим. Нападение организовал правивший на реке Пелым в Зауралье вогульский князь Асыка.

На следующий год по указу московского великого князя на вогулов отправился воевода Василий Скряба. К русским присоединились зырянские воины во главе с князем Василием Ермоличем. Войско перешло Урал и нанесло вогулам поражение. Однако Асыка сумел укрыться в глухих лесах. Правда, вскоре его пленил отряд, пришедший из Вятки – последнего оплота лихих новгородских ушкуйников. Но Асыке удалось бежать. Возможно, вятчане, враждовавшие в Москвой, просто отпустили пелымского князя.

В 1481 году Асыка вновь напал на пермские земли. Было сожжено много деревень и поселков. В бою с вогулами погиб зырянский князь Михаил Ермолич, брат ходившего с русскими за Урал Василия Ермолича. Был осажден главный город Пермской земли Чердынь. Но на выручку уже спешил отряд из Устюга. В битве, разыгравшейся под стенами Чердыни, вогулы были обращены в бегство[6].

После «вогульского разорения» по приказу великого князя всея Руси Ивана III в Пермский край были собраны ратники со всех северных городов. Под началом воевод Федора Курбского Черного и Ивана Салтыка Травина летом 1483 года русское войско перешло Урал по рекам Вишера и Лозьва и вступило в вогульское Пелымское княжество. Юмшан, сын умершего к тому времени Асыки, уже ждал русских на реке Тавде. В жарком бою облаченные по большей части в костяные и кожаные доспехи вогульские воины не выдержали удара русской «кованой рати».

Югорские воины XIII–XIV вв.
Реконструкция А.П. Зыкова,
рис. А.К. Грефенштейна

С остатками разбитого войска Юмшан отступил в тайгу, а московские воеводы спустились вниз по Тавде к Иртышу. Там жили враждовавшие друг с другом сибирские татары. С одними русские заключили мир, с другими бились и одержали победу. Лодейная флотилия Федора Курбского и Ивана Салтыка доплыла до «великой реки Оби». Там московские воеводы покоряли остяков, брали один их укрепленный городок за другим. Однако болезни и голод оказались для русских ратников опасней вражеских стрел и копий. Осенью поредевшее войско Курбского и Салтыка вернулось с Оби на Русь.

На следующий год в Москву прибыли с просьбой о мире вогульские и остяцкие князья. Клятву «добрыми быть» сибирские князья дали по своему обычаю, встав на расстеленную медвежью шкуру. На мир с Москвой отказалось пойти одно только Ляпинское княжество. В 1499 году против ляпинского князя было послано сильное войско, которым

командовали Петр Ушатый и Семен Курбский, сын воеводы, ходившего в Сибирь за 16 лет до этого. Семен Курбский отличался благочестивым характером и строгим отношением к себе. Весь поход он прошел пешком, наравне с простыми ратниками. Петр Ушатый хорошо знал север. Три года назад он совершил поход в Норвегию «Студеным морем-океаном».

На этот раз московские воеводы пошли северным маршрутом. В низовьях реки Печоры был основан город Пустозерск, ставший базой дальней экспедиции. Дождавшись, когда замерзнут реки и выпадет снег, русские воины пошли на лыжах через Уральские горы. Как рассказывал Курбский, его люди потратили 17 дней, чтобы взойти на горный хребет, вершины которого раздирали облака. Дальше ратники шли глубоким ущельем.

В горах на русских напали самоеды – так тогда называли ненцев, кочевавших с оленными стадами у арктического побережья. Русские отбили нападение и сами захватили стадо оленей. Спустившись с Уральских гор, Курбский и Ушатый обрушились как снег на голову на Ляпинский городок и захватили столицу враждебного княжества. К воеводам прибыли с изъявлением покорности князья обдорских остяков и самоедов. Русское войско продвигалось по заснеженным просторам Сибири на оленьих и собачьих упряжках, призывая местных правителей присягать на верность московскому государю и подчиняя силой непокорных. Зимний поход был очень тяжелым, в низовьях Оби погиб отправившийся в Сибирь вместе с русскими зырянский князь Петр Вымский. Весной 1500 года Семен Курбский и Петр Ушатый вернулись обратно на Русь[7].

Мангазейский морской ход

Русские ходили в Сибирь разными маршрутами. «Проведанный» новгородцами «чрезкаменный путь» шел по рекам Северная Двина, Мезень и Печора. С одной реки на другую переходили по притокам и волокам. С верховий Печоры перебирались через Каменный пояс (Уральские горы) к реке Сосьве и по ней спускались в Обь. Другой путь – из Пермских земель – начинался на Каме. Уральский хребет здесь ниже, чем на севере. Перевалив горы, можно было выйти к притокам Тобола. По Тоболу спускались в Иртыш и далее – в Обь.

Но самый северный маршрут в Сибирь пролегал не по рекам, а по Ледовитому океану. Этот путь освоили поморы – русские, жившие на побережье Белого моря. Для плавания во льдах обычные корабли не подходили. Соловецкие монахи первыми додумались делать у своих судов толстую обшивку там, где борта трутся о лед. Такую обшивку называли «шуба ледяная», или «коца». Вначале появились «кочневые лодки», а потом и большие кочи – морские корабли, на которых можно было отправляться через льды в дальние плавания[8].

На кочах поморы ходили из Белого моря в Мурман (Норвегию), забирались на северные острова – Новую Землю и Грумант (Шпицберген). Наиболее же протяженный маршрут вел на восток. Поморские флотилии проплывали мимо всего побережья Европейского Севера, проходили проливом Югорский шар в Карское море и брали курс на полуостров Ямал, пересекали его по мелким рекам и волоком по болотистой тундре, чтобы выйти в гигантский залив – Обскую губу, или Мангазейское море.

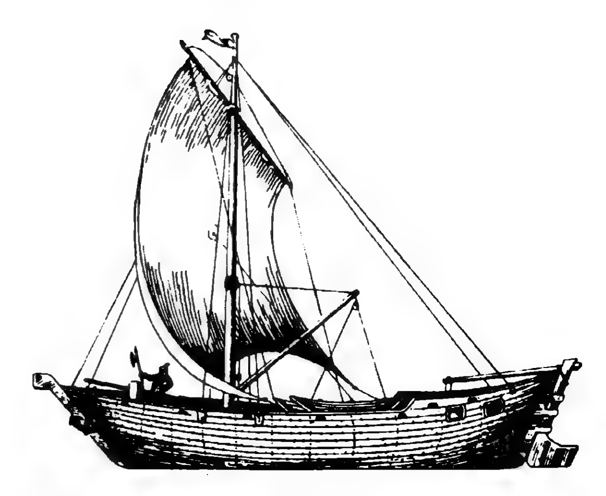
Мангазеей называли земли на реке Таз, впадающей с востока в Обскую губу. Эти земли были фантастически богаты пушниной – «мягким золотом». «Златокипящая» Мангазея и была главной целью вольных поморских мореплавателей, проложивших этот маршрут – «Мангазейский морской ход»[9].

К началу XVI века русские люди уже неоднократно бывали за Уралом. Сведения о русских открытиях дошли до Западной Европы. В самой России был составлен специальный «Югорский дорожник» о путях в Сибирь. В сочинении «Сказание о человецах незнаемых в Восточной стране» давались довольно точные описания ближайших к России сибирских народов. Но о более отдаленных племенах «Сказание», подобно западноевропейским сочинениям, сообщало самые фантастические

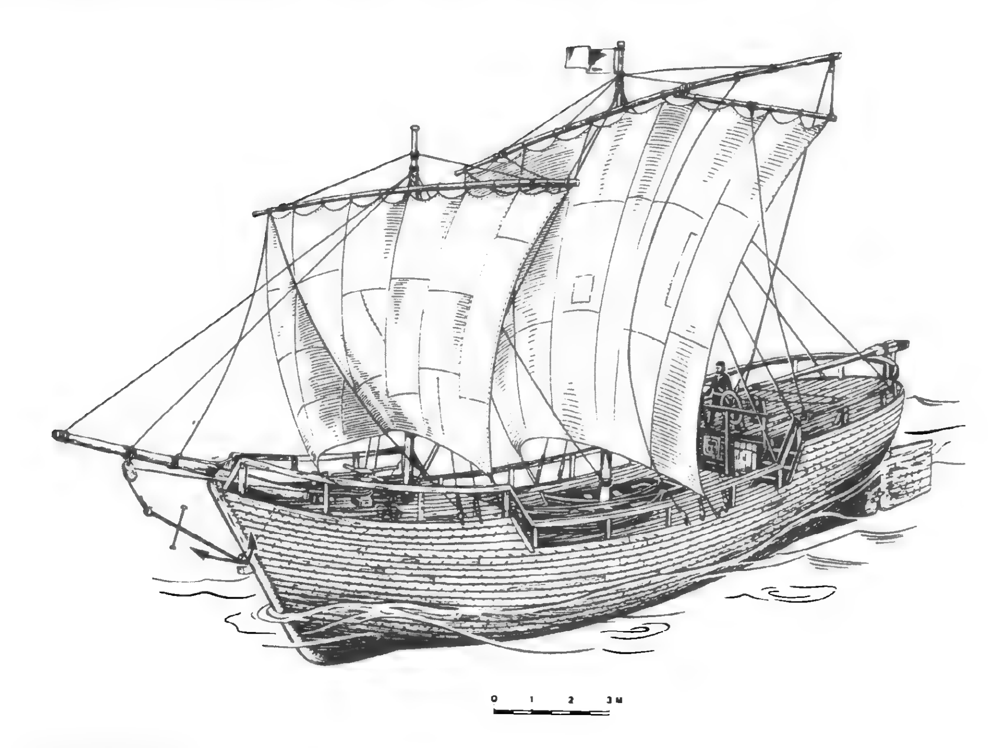
вещи: говорилось о людях со ртами на темени или между плечами, умирающих зимой и воскресающих весной и т. д.[10]

Прочно закрепиться в Сибири, проложить дорогу дальше на восток России мешало отсутствие налаженных путей за Урал. «Мангазейский морской ход» через льды и шторма годился для отважной поморской вольницы, но не для отрядов ратных людей и мирных переселенцев. Слишком труден был и северный «чрезкаменный путь». Удобней всего было бы идти в Сибирь через Пермь и Прикамье. Но попасть из центра страны на Каму можно было только кружным путем – через Устюг вверх по реке Вычегде. Прямой путь по Волге преграждало враждебное Казанское ханство, которое русским приходилось обходить с севера, затрачивая много времени и сил.

Пока Казань стояла на пути в Сибирь, Россия не могла там утвердиться. Хотя великий князь Московский и всея Руси Иван III включил в свой торжественный титул слова «князь Югорский и Обдорский» и считал себя повелителем земель на нижней Оби, на деле остяки и вогулы признавали власть России лишь тогда, когда до них добиралась кружными путями русская рать, через короткое время уходившая обратно.

Малый коч.
Реконструкция М.И. Белова

Большой коч.
Реконструкция М.И. Белова

ПОДВИГ ЕРМАКА

На границе с Сибирским ханством

В 1552 году армия Ивана Грозного овладела Казанью. Русским наконец открылся прямой путь на восток. По Волге мимо Казани можно было легко попасть на Каму, а по ней – в Предуралье. В ту пору, когда русские вышли на Урал, среди живших в Западной Сибири татар боролись за власть две династии. Тайбугиды были местным княжеским родом, а Шейбаниды вели происхождение от самого Чингисхана. В конце XV века Тайбугиды изгнали Шейбанидов в южные степи и разрушили их столицу Тюмень (Чимги-туру). Татарские властители стали править в городе Кашлык, который именовали также городом Сибирь.

Сибирские татары не раз совершали набеги на пограничные русские земли. Главный пермский город Чердынь они осаждали в 1506 и 1547 годах. После падения Казанского ханства Тайбугиды опасались сердить Россию. К тому же не успокаивались Шейбаниды, получавшие поддержку от своих родственников – правителей Бухары. В 1555 году сибирские князья Едигей и Бекбулат попросили Ивана Грозного взять их «под свою руку» и защитить от врагов. Отныне русский царь стал именовать себя «всей Сибирской земли повелитель». Однако из-за начавшейся Ливонской войны Россия не смогла направить своих ратников за Урал.

Между тем Шейбаниды в 1563 году собрали большое войско, вторглись в Сибирь, взяли Кашлык и убили Едигея и Бекбулата. В 1569 г. сибирским ханом был провозглашен Кучум. Утвердив свою власть над местными татарами, новый хан стал усиленно насаждать среди них ислам, покорять соседние племена остяков и вогулов. Племянник Кучума Маметкул перешёл Уральские горы и опустошил русские деревни по реке Чусовой. У Ивана Грозного не было сил защищать приуральские земли. Поэтому царь поручил оборону восточных рубежей страны купцам Строгановым[11].

Строгановы разбогатели на соли. Без нее не могла обойтись ни одна русская семья, ведь засолка была тогда главным способом консервирования и хранения мяса, рыбы, грибов и овощей. Строгановы владели подземными источниками соляного раствора и «варницами», где получали готовую соль. Помимо соли, купцы торговали хлебом, рыбой и пушниной. Иван Грозный передал во владение купцам пустынные земли по Каме. Строгановы могли добывать здесь соль, заводить пашни, строить города и иметь собственные военные отряды. Осваивая край, Строгановы продвигались за Урал, но Кучум повернул это движение вспять. Сибирский хан захватил восточную часть строгановских владений и готовился завоевать все остальное.

Строгановских ратников не хватало даже на охрану соляных варниц. Из-за частых набегов татар и союзных им вогулов половина варниц была заброшена. Летом и осенью 1581 года вогульские князья дважды приходили с войной в пермские земли. Русские не могли выйти из укрепленных городков, пахать землю, пасти скот, рубить лес, варить соль. Чтобы защититься от вражеских нападений, Строгановы решили пригласить к себе на службу вольных казаков и послали гонцов к волжскому атаману Ермаку Тимофеевичу[12].

Казачья дружина идет за Урал

На Волге ермаками называли большие артельные котлы, а также поваров, пребывающих при этих котлах. Возможно, будущий покоритель Сибири начинал простым

кашеваром, отсюда и его прозвище. Однако имя Ермак встречалось на Руси не только на Волге. Так могли переиначить имена Ерм, Ермолай, Ермил, Еремей, Герман. Как бы то ни было, когда к Ермаку прибыли посланцы Строгановых, атамана уже почтительно называли по имени и отчеству. Ермак Тимофеевич много лет возглавлял отряд волжских казаков, у которых пользовался большим уважением, поскольку был, по словам летописца, «мужественен и всякой мудрости доволен».

Казаки вели вольную жизнь в «Диком поле» у южной границы Руси. В большинстве своем это были люди, бежавшие от притеснений бояр и помещиков, но готовые верой и правдой служить России. Казаки защищали степные рубежи от татарских набегов, сами нападали на татар и турок, храбро сражались в составе русских войск с немцами, поляками и шведами. Нередко, правда, казакам случалось грабить как иноплеменных торговцев, так и своих купцов. Предводителей – атаманов и есаулов – казаки выбирали на общем собрании – «круге». Там же принимали все важные решения[13].

Гонцы от Строгановых нашли отряд Ермака на реке Яик (сейчас – Урал). На Яик казаки пришли из-под Смоленска, где они участвовали в войне с поляками. Кроме ермаковских казаков, на Яике находился отряд атамана Ивана Кольцо. До того он напал на татар, ехавших вместе с русским послом. Теперь атамана Кольцо искали, чтобы казнить по царскому указу. Когда Ермак отправился к Строгановым, Кольцо пошёл вместе с ним. Другими казачьими командирами были атаманы Иван Гроза, Матвей Мещеряк, Никита Пан, есаул Богдан Брязга. С Яика Ермак перешел на приток Волги Иргиз и поднялся по Волге и Каме до строгановских владений. Купцы «с честью» встретили Ермака и 540 его товарищей[14].

Казаки прибыли вовремя. Кучум послал в поход на русские земли своего старшего сына Алея и князя пелымских вогулов Аблегирима. Ермаковские казаки отбили врага от Чусовского городка. Но татары и вогулы прорвались дальше – сожгли Сылвенский и Яйвинский острожки, вырезали жителей Соли Камской, осадили Чердынь. Затем отряды Алея и Аблегирима двинулись вверх по Каме, разорив округу на 200 верст. В пепелище превратились Кай-городок и десятки деревень. Только с приближением зимы сын Кучума и пелымский князь повернули с награбленным обратно в Сибирь[15].

Вместо того чтобы гоняться по Предуралью за воинами Алея и Аблегирима, Ермак стал собираться в далекий поход на восток. Стало ясно, что с Кучумом не справиться, ограничиваясь обороной строгановских городков. Необходимо было нанести удар врагу в его собственном логове. Но как Ермак мог решиться отправиться всего с полутысячью ратников во владения Кучума, державшего в страхе пограничные русские земли?

Сибирское ханство не было особенно многолюдным, но все же Кучум, по сведениям московских властей, мог собрать против ермаковцев до 10 тысяч бойцов. Правда, воины сибирского хана были вооружены только холодным оружием – копьями, саблями, луками со стрелами, а казаки имели пищали и даже небольшие пушки. Но огнестрельное оружие было хорошо знакомо татарам и не могло вызвать у них панического страха. Они давно сталкивались с русским «огненным боем» и не боялись нападать на крепости, со стен которых гремели ружейные залпы и орудийные выстрелы. Конечно, пуля из пищали била дальше стрелы и пробивала доспехи. Однако скорострельность ружей была тогда небольшой, и татарский лучник успевал выпустить десяток стрел, пока русский перезаряжал свое оружие[16].

Казакам помогало то, что они передвигались в Сибири в основном по рекам. На стругах русские были недоступны для превосходящих сил татарской конницы. Но решающая победа могла быть одержана только в рукопашной схватке. Тут ермаковцам помогало воинское искусство, выработанное нелегкой и опасной жизнью на степной границе. Главное же преимущество отряда Ермака перед воинством Кучума состояло в превосходстве боевого духа русских ратников. В состоящей из

вольного люда казачьей дружине один был за всех и все за одного. Они сами выбирали себе командиров, зато потом подчинялись им беспрекословно и верили как себе. Кроме того, у казаков была высокая цель: они, как говорил летописец, «забыли честь и славу этого мира» ради победы над врагом, многократно нападавшим на Русь.

Что касается войска хана Кучума, то оно состояло из разноплеменных отрядов татар и покоренных ими народов. Многие из сибирских воинов участвовали в войне не по своей воле и не хотели жертвовать жизнью за деспотичного правителя, силой утвердившегося на ханском престоле. Татарские князья-мурзы, вожди вогульских и остяцких племен поддерживали Кучума, пока его войны приносили им богатую добычу. Однако стоило хану потерпеть поражение, и его положение в Сибири сразу бы пошатнулось.

Осенью Ермак выступил в поход. Строгановы выдали в дорогу на каждого казака по пуду сухарей, два пуда крупы и три пуда ржаной муки. Вверх по притоку Камы реке Чусовой ермаковцы дошли до Серебрянки и стали подниматься по ней. Речка становилась все мелководней, и казакам пришлось устраивать «живые» запруды. За кормой судна поперек течения натягивали парус, и струг проходил по поднявшейся воде. Когда же в горах речка совсем обмелела, суда потащили «волоком» – на бревнах-катках. Часть больших судов пришлось бросить. Долго еще в Уральских горах путешественники видели ермаковские струги, сквозь которые уже проросли деревья[17].

Пройдя 25 верст горного «волока», казаки спустили свои суда в Тагил, впадающий в реку Туру. Путь в Сибирское ханство был открыт. На Туре правил татарский князь Епанча. Его воины осыпали стрелами казачьи струги. Ответный залп рассеял неприятельский отряд. По Туре Ермак доплыл до Тобола, где его поджидали сразу шесть татарских князей. На этот раз казаки дали врагу бой на берегу и одержали полную победу. В другом месте, чтобы остановить Ермака, татары перегородили Тобол цепью. Как повествует летопись, Ермак пошел на хитрость. На стругах установили чучела в казачьих одеждах. Пока татарские стрелы летели в чучела на сбившихся у цепи судах, казаки обошли врагов по берегу и ударили по ним с тыла.

Еще одна опасность подстерегала русских под крутым берегом Тобола. Казачьи пищали не доставали с реки до татар, расположившихся наверху. Враги же могли засыпать струги тысячами стрел. Ермак решил прорываться, не тратя время на бесполезную стрельбу. Защищаясь сделанными из прутьев щитами, казаки быстро проплыли под дождем стрел опасный участок реки.

Встревоженный приближением Ермака к своей столице, Кучум послал навстречу казакам своего лучшего полководца племянника Маметкула. У татарского селения Бабасанские юрты разгорелся жестокий бой. Вначале татары напали из засады на плывший в дозоре передовой «ертаульный» струг. Казаки-разведчики сумели продержаться, пока не подоспели остальные суда. Русские ратники высадились на берег Тобола. Маметкул притворно отступил, заманивая казаков подальше от стругов, а затем повел свою конницу в новую атаку. В этот миг русский строй внезапно исчез... Казаки успели вырыть окоп и в решающий момент спрыгнули туда. Из окопа по вражеским всадникам в упор хлестнул ружейный залп. Охваченные паникой татары повернули назад.

Казачьи струги вышли из Тобола в Иртыш. Совсем рядом находился Кашлык – столица Сибирского ханства. Кучум собрал все что мог, – татарские, вогульские, остяцкие отряды. У него нашлись даже две большие пушки, когда-то привезенные то ли из Бухары, то ли из Казани. К ним, правда, не было ни пушкарей, ни пороха. На преграждающем путь к Кашлыку высоком Чувашем мысу (современное урочище Подчеваш) по приказу Кучума построили укрепления из поваленных деревьев – «засеки».

Многочисленность врагов устрашила казаков. Многие предлагали повернуть назад – на Русь. Созвали казачий круг. Ермак сумел убедить сомневающихся в необходимости сражаться до конца. Если позорно отступим, го-

Западносибирский воин конца XVI – начала XVII в.
Реконструкция А.П. Зыкова, рис. А. Грефенштейна

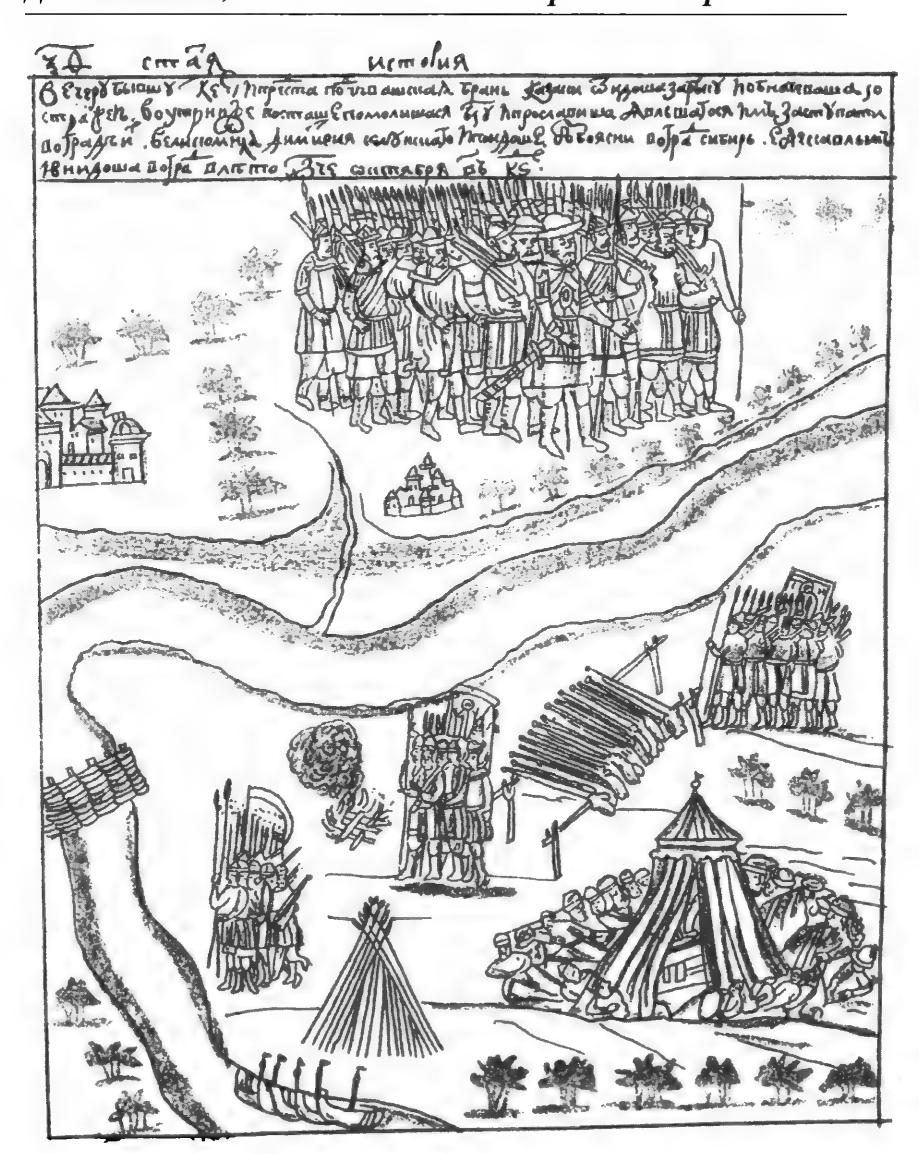
ворил атаман, то все равно погибнем на обратном зимнем пути от голода и холода – возвращаться слишком поздно. А если пойдем вперед и победим, то завоюем целое царство и вечную славу. Ермак напомнил о бедах от нападений татар, об убитых и угнанных в рабство русских людях. То, что на каждого из казаков приходится большое количество врагов, не страшно, утверждал атаман, не от множества воинов бывает победа.

На следующее утро казаки пошли на штурм укреплений Чувашева мыса. Первый русский приступ был отбит. Тогда ермаковцы отошли, выманивая врага из укреплений. Думая, что победа уже за ним, Кучум послал в атаку конницу Маметкула. Татары сделали проломы в своих засеках и ринулись вперед. Тогда казачьи ряды повернулись и ударили на врага. На берегу Иртыша вспыхнула отчаянная рубка. Лучшая татарская конница была разбита наголову. Раненого Маметкула слуги еле-еле спасли, увезя за реку на лодке. Казаки прорвались через засеки. Татары столкнули на штурмующих свои выставленные для устрашения, а на деле бесполезные пушки. Ермаковцы успели расступиться, и два огромных пушечных ствола рухнули с обрыва в реку. Войско Кучума быстро распадалось. Первыми увели свои отряды остяцкие князья, следом сибирского хана покинули вогулы. Увидев, как над Чувашим мысом взвилось русское знамя, бежал и сам Кучум. Он спешно покинул свою столицу и ушел с остатками войска на юг, в степи.

26 октября 1582 года Ермак вступил в опустевший Кашлык. Была одержана великая победа. Русский летописец особенно подчеркивал, что одержать эту победу было уготовано не царскому воеводе высокого рода, а простому, незнатному человеку – атаману Ермаку. Вольным казакам удалось то, что не сумели сделать куда большие рати новгородских и московских военачальников – утвердиться в сердце Сибири[18].

Тяжеловооруженный конник Сибирского ханства XVI в.
Реконструкция А.П. Зыкова

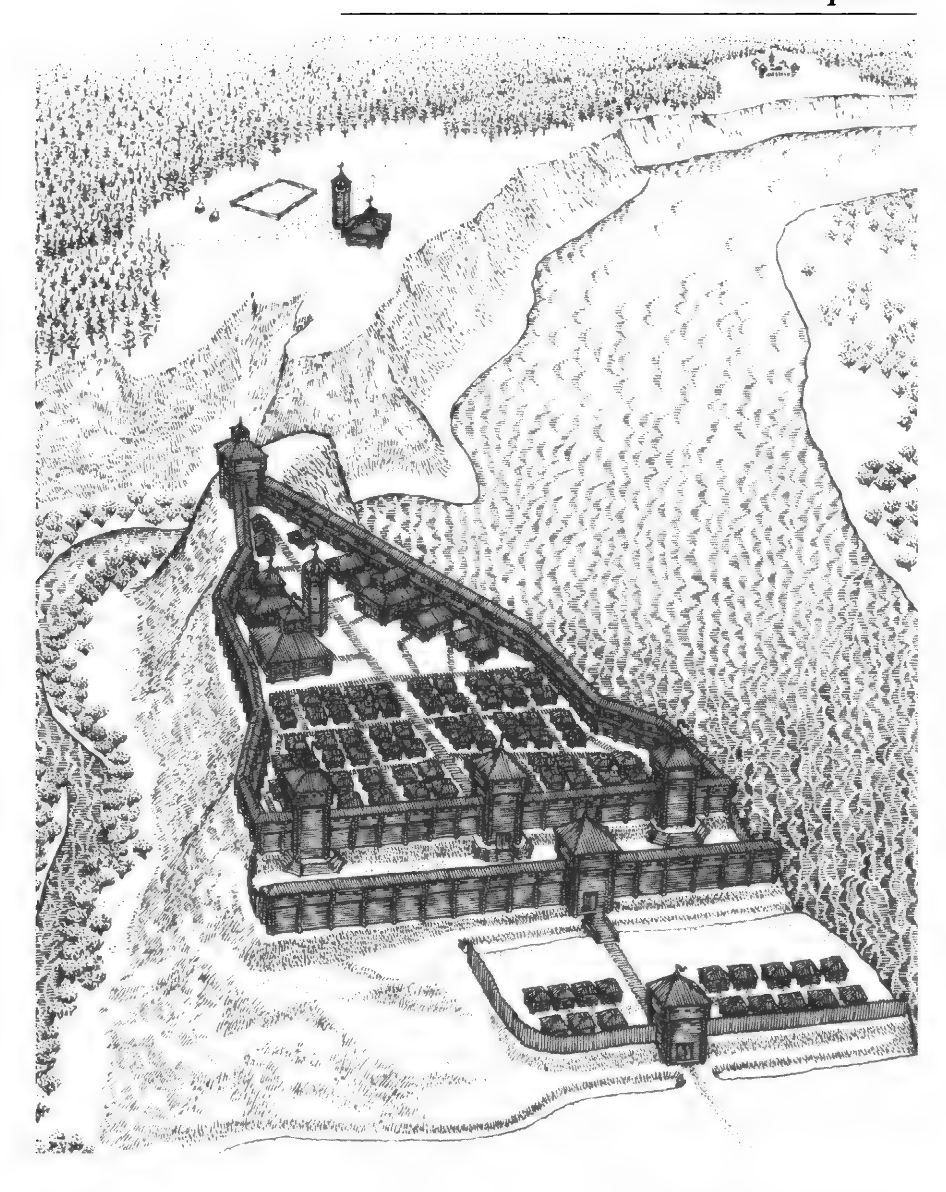

Казачье войско на отдыхе после битвы. *Рис. из Ремезовской летописи (конец XVII в.)*

Новые походы и сражения

Перед самым началом суровой сибирской зимы казаки Ермака стали обустраиваться в бывшей вражеской столице – небольшом городке, состоящем из кирпичных, глинобитных и деревянных зданий, расположенных на крутом берегу Иртыша и «с поля» защищенных тройным рядом рвов, валов и деревянных стен с башнями. Скоро у русских в Сибири появились друзья. Остяцкий князь Бояр первым явился в Кашлык с мехами и продовольствием. Затем Ермака посетили с дарами вогульские князья Ишбердей и Суклем. Они дали «шерть» – присягу на шкуре жертвенного животного, что будут верны русским. С ответными дарами гости ушли в свои таежные княжества.

Не забывали казаков и враги. Хан не решился открыто напасть на всю дружину Ермака, но наносил внезапные, коварные удары. В декабре 1582 года два десятка казаков рыбачили на озере Абалак в 15 верстах от Кашлыка. Там их подстерег отряд Маметкула. Лишь одному казаку удалось спастись и принести Ермаку весть о гибели товарищей. Разъяренный Ермак немедленно выступил к Абалаку и нагнал врага. Недалеко от озера русские схлестнулись с татарами. Маметкул был разбит и бежал с немногими уцелевшими воинами. Павших казаков Ермак похоронил на ханском кладбище, рядом с могилами былых правителей Сибири[19].

Город Сибирь (Искер) в XVI в. *Реконструкция А.П. Зыкова, рис. А. Берестецкого*

Той же зимой Ермак отправил на Русь посольство с вестью о победе над Кучумом и присоединении к России нового «царства» – Сибири. Вогулы Ишбердея провели гонцов через Уральские горы тайной «волчьей» тропой. Некоторые из ермаковских казаков в России были приговорены к смерти. Но царь Иван Грозный простил покорителям Сибири былые прегрешения и щедро наградил посланцев Ермака. По преданию, самому Ермаку Тимофеевичу тоже был послан царский подарок – дорогие доспехи.

Тогда же из Кашлыка по зимнему пути выступил на север отряд казаков. Он спешил на помощь дружественному остяцкому князю Бояру, на которого напали соседние князья Демьян и Роман. Услышав о приближении русского отряда, воины Романа и Демьяна отступили в крепость, стоящую на холме. В крепости был золотой идол, сидящий в чаше. Остяки пили воду из этой чаши, после чего считали себя неуязвимыми и храбро дрались с русскими. Два дня казаки безуспешно штурмовали крепость. Однако на третий день вера в идола ослабла. Когда ермаковцы пошли на решающий приступ, остяцкие воины оставили крепость, а их князья дали клятву больше не воевать с русскими и платить ясак – дань мехами. Славная победа досталась дорогой ценой, под стенами крепости сложил голову атаман Никита Пан.

Но казаки все же продолжили путь на север, куда их послал Ермак. Едва на Иртыше со-

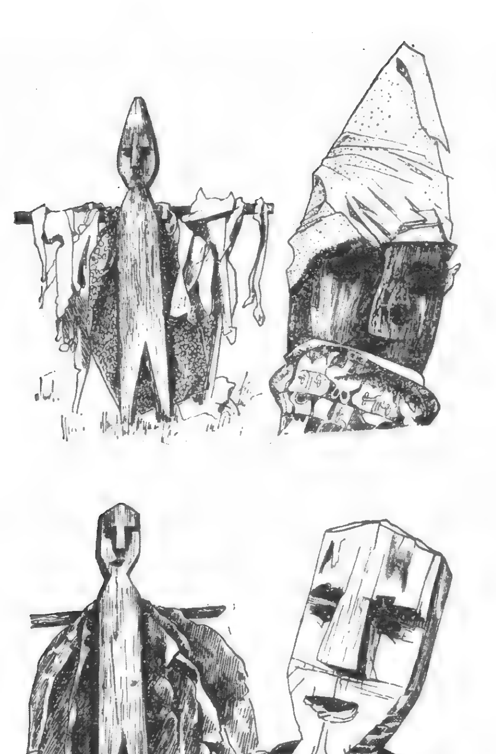
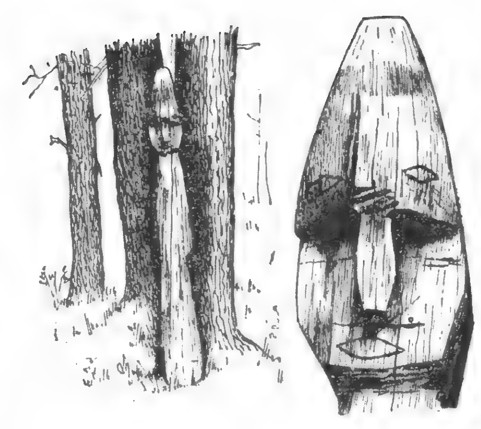
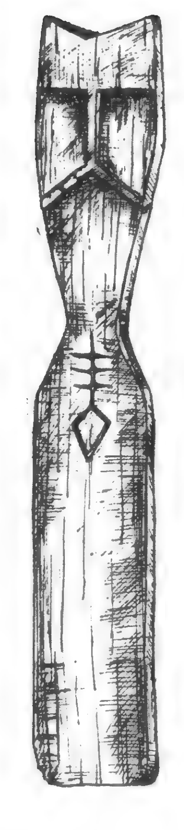

Покорение Нижнего Прииртышья.
Рис. из Ремезовской летописи (конец XVII в.)

шел лед, они пустились в плавание на стругах. Отношения с местным людом у казаков складывались по-разному. Однажды таежные жители перекрыли течение реки бревнами. Когда русские струги приблизились к берегу, остяки выскочили из леса и стали цеплять суда крючьями, но разбежались после нескольких выстрелов. За поворотом Иртыша перед ермаковцами предстала картина брошенного поселка. Ничего не тронув, казаки стали дожидаться возвращения жителей. Один за другим остяки осторожно вернулись к своим жилищам и, видя, что пришельцы не причиняют им вреда, гостеприимно приняли русских.

В Белогорье при впадении Иртыша в Обь располагались главные остяцкие святилища. Владеющий ими князь Самар призвал себе на помощь еще восемь остяцких правителей. Ночью русские струги незаметно прошли речной протокой к самой ставке белогорского князя. Застигнутый врасплох Самар погиб в недолгой сече. Другие остяцкие дружины рассеялись по лесам. Выйдя на простор Оби, казаки подплыли к Коде – обширным владениям князя Алачея. Тот сам прибыл в русский стан и предложил заключить дружественный договор. Остяцкое Кодское княжество стало надежным союзником России. Собрав богатый ясак, казаки вернулись в Кашлык после трехмесячного похода[20].

Летом среди татарской знати начались раздоры. Один мурза известил Ермака, что

Божества вогулов и остяков.
Публ. И.Н. Гемуева, А.М. Сагалаева и А.И. Соловьева

Маметкул кочует на реке Вагай в ста верстах от Кашлыка. Полсотни русских всадников во главе с Иваном Грозой стремительно проскакали это расстояние и обрушились ночью на лагерь племянника Кучума. Лучший полководец сибирского хана был схвачен и привезен в Кашлык. Оттуда Маметкула отправили в Москву, где его приняли с почетом. Татарский «царевич» стал верно служить России.

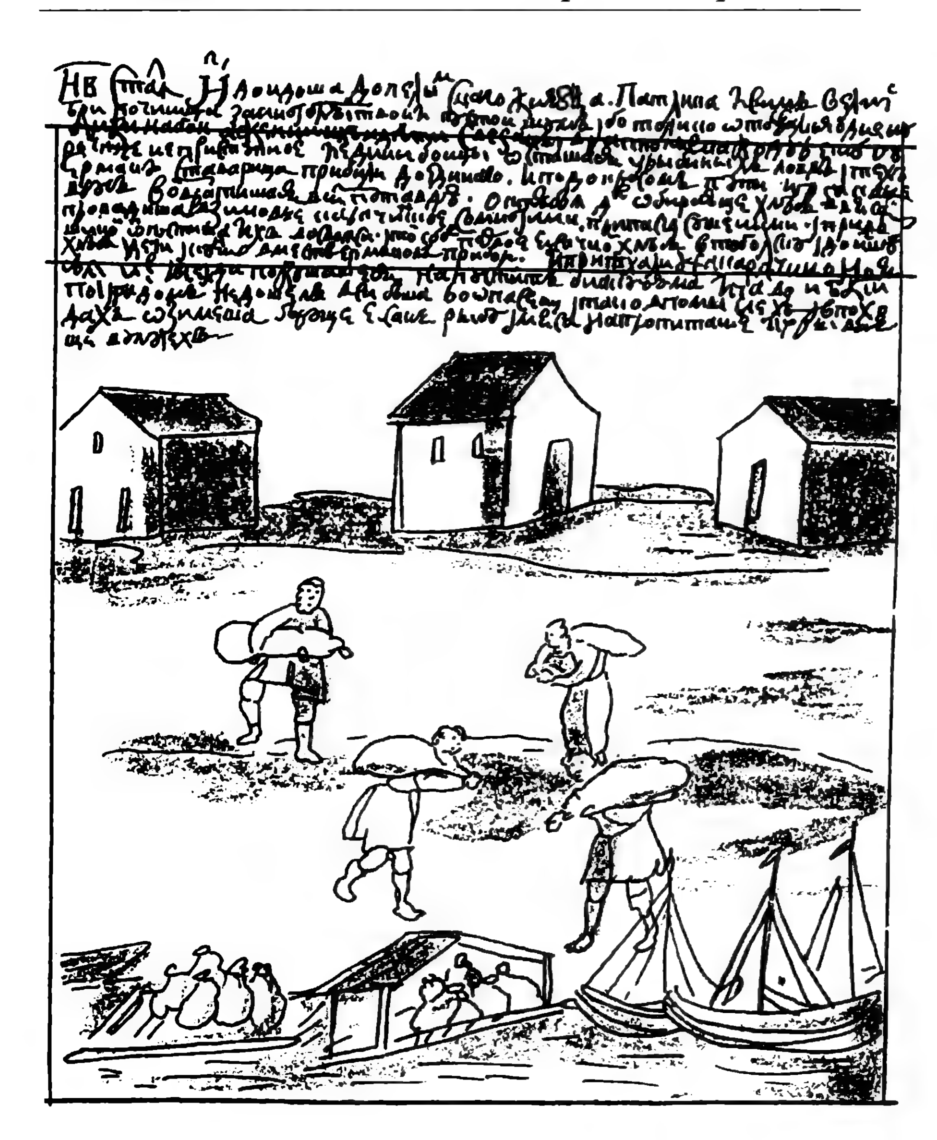
В конце лета в поход из Кашлыка отправился сам Ермак. В его войске кончались продовольствие и боеприпасы. Казаки заждались обещанной Иваном Грозным помощи. И атаман решил пойти навстречу царской рати, которая, как он думал, уже шла ему на подмогу. Ермак поплыл по рекам Тоболу и Тавде в сторону Урала. Увы, на Тавде вместо царских стрельцов казаков ждали отборные татарские и вогульские воины. На этот раз «сибирцы» бились с необычайным упорством, их отряд полностью погиб в бою, но не отступил. Большие потери понесли и казаки.

Струги Ермака поднялись еще выше по Тавде, где-то рядом в лесах находилась резиденция предводителя пелымских вогулов, прославившихся своими кровавыми набегами. На горизонте уже маячили отроги Уральских гор. За ними лежала Россия, почему-то запаздывавшая с подмогой. Долго простояла казачья дружина в этих местах, откуда, казалось, рукой подать до Руси.

Возможно, Ермаку в этот момент приходила мысль о возвращении на Родину. Он мог бы вернуться с громкой славой и богатой до-

Один из городков кодских князей в XVI в.
Реконструкция А. Зыкова, рис. В. Никишина

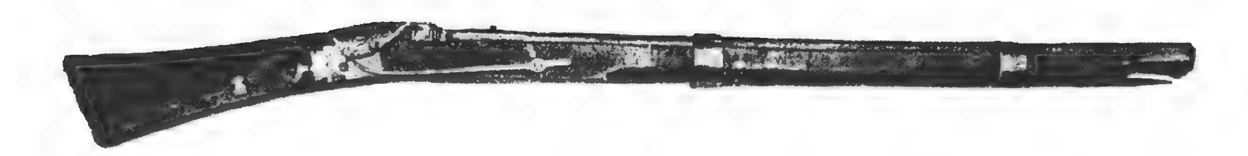
Сбор хлебного ясака на Тавде.
Рис. из Ремезовской летописи (конец XVII в.)

бычей, продолжить прежнюю вольную жизнь. Но чувство долга пересилило сомнения. С началом осени, так и не дождавшись царских воевод, Ермак поплыл по Тавде обратно, навстречу новым испытаниям. С местных жителей дань предусмотрительно брали не мехами, а хлебом. Казаков ожидала еще одна и, как мы увидим, самая тяжелая зимовка. Хлеб в Сибири русские стали ценить дороже соболей[21].

В кольце врагов

Иван Грозный в это время был занят войной на западе и не мог послать на восток большое войско. Для похода на помощь Ермаку было собрано всего 300 стрельцов. Ими командовал молодой неопытный воевода Семен Болховский. Строгановы были обижены, что казаки завоевали Сибирь не для них, а для царя и всей России. Отряд Болховского не получил от купцов необходимых припасов. На пути в Сибирь царские ратники построили Тагильский острог. В крепости осталось полсотни стрельцов под началом Рюмы Языкова, а остальной отряд поспешил к Ермаку. Управитель Тагильского острога погиб нелепой смертью. Он возил с собой большого кота. Однажды кот напал на спящего Рюму и «переел» ему горло[22].

Несчастья преследовали войско Болховского. До Кашлыка стрельцы добрались лишь поздней осенью, «по последней воде». Радость казаков от встречи была недолгой. Новая рать

Пищаль конца XVI – начала XVII вв.

прибыла в Сибирь без хлебных припасов и даже без теплой одежды. Продовольствия в городе было мало, скоро начался голод. Зимой от истощения умерло много казаков и почти все стрельцы вместе со своим воеводой.

У русских появилась надежда на спасение, когда в Кашлык прибыл гонец от главного советника Кучума – карачи. Карача сообщал, что он порвал с Кучумом, и предложил помочь с продовольствием. За это татарский вельможа просил прислать ему казачий отряд для охраны от недругов. По решению круга к караче поехали 40 человек во главе с Иваном Кольцом. Все они были предательски убиты. Карача собрал большое войско и осадил весной Кашлык. Татары не подпускали к пережившим голодную зиму казакам дружественных остяков и вогулов, которые могли доставить мясо и рыбу. Карача надеялся уморить русских голодом. С наступлением лета положение в осажденном городе стало совсем безнадежным.

Ермак решил послать полсотни наименее истощенных казаков на вылазку. Ночью русские во главе с Матвеем Мещеряком незаметно вышли из Кашлыка и подкрались к ставке карачи в двух верстах от города. Внезапно они обрушились на вражеский лагерь, перебив много сонных татар. На рассвете, опомнившись, воины карачи попытались расправиться с горсточкой храбрецов. Но казаки Мещеряка укрылись в кустарнике за телегами из захваченного обоза и отбили все атаки меткой стрельбой. Из Кашлыка двинулся сам Ермак с главными силами. Оказавшись меж двух огней, войско карачи отступило от сибирской столицы.

Враги собирали силы на юге. Чтобы упредить их, Ермак отправился в поход вверх по Иртышу. Яростным приступом казаки взяли городок татарского князя Бегиша. Другой князь – Елыгай – принес русским дань. В качестве особого «дара» он также предложил Ермаку свою дочь, за которую незадолго до того сватался один из сыновей Кучума. Ермак отказался от татарской красавицы и под страхом смерти запретил кому бы то ни было из казаков прикасаться к ней.

Выгребая на стругах против течения Иртыша, русские подошли к сильной крепости Кулары, прикрывавшей от нападений южные рубежи Сибирского ханства, и были вынуждены признать, что «Кулары в Сибири крепче нет». Пять дней Ермак с оставшейся у него «невеликой дружиной» безуспешно штурмовал крепость, после чего отступил, пообещав «прибрать» Кулары на обратном пути. Далее к югу простирались крайне скудные, разоренные набегами из степи земли. Видя нищенское существование местных жителей, Ермак приказал казакам ничего у них не брать.

Между тем неудача русских под Кулары приободрила татар. Кучум решил напасть на отряд Ермака. Подосланные ханом люди сообщили казакам о прибытии каравана бухарских купцов, которых якобы задержал Кучум. Чтобы защитить купцов, Ермак повернул назад, спешно «прогребаючи» татарские городки на Иртыше, в том числе так и не взятый Кулары. В поисках каравана отряд поднялся по реке Вагай, притоку Иртыша. Не найдя бухарцев и потратив зря много времени, усталые казаки устроились на ночлег на речном острове при впадении Вагая в Иртыш.

Разведчики Кучума все время внимательно следили за Ермаком. В ночь с 5 на 6 августа татары внезапно напали на спящий казачий стан. Многих русских зарезали во сне. Избежавшие гибели, отбиваясь, отходили к стругам. Ермак прикрывал отступление товарищей. Согласно одному из преданий, в бою у атамана расстегнулся ремешок шлема. Когда казаки уже были на стругах, вражеское копьё поразило Ер-

Роковая ночевка в устье Вагая.
Рис. из Ремезовской летописи (конец XVII в.)

мака в незащищенное горло. Раненый покоритель Сибири упал в воду, и тяжелый панцирь утянул его на дно.

Через неделю мертвого Ермака нашли в Иртыше местные рыбаки. Боясь гнева духа грозного атамана, татары с почетом похоронили Ермака. Место его могилы, тщательно скрываемое от русских, считалось священным. Оружие и доспехи Ермака Тимофеевича как священные реликвии разделили между собой самые знатные татарские мурзы и остяцкие шаманы[23].

В Сибири еще оставалось около сотни русских ратников. Ими командовали атаман Матвей Мещеряк и стрелецкий начальник Иван Глухов. После гибели Ермака казаки потеряли уверенность в своих силах и решили возвращаться на Русь. Мещеряк и Глухов не рискнули прорываться прямо на запад через татарские заслоны и поплыли на север. Спустившись по Иртышу и Оби, их отряд благополучно перевалил через Уральские горы и кружным путем добрался до русских земель.

Казаки не знали, что им на помощь спешил хорошо подготовленный к походу отряд воеводы Ивана Мансурова. Когда его струги подплыли к Кашлыку, столицу Сибирского ханства уже занял сын Кучума Алей. Осторожный воевода не решился на битву с многочисленным татарским войском и проплыл мимо Кашлыка. Русский отряд добрался до Оби, где его застигла зима. Лед сковал реки, и Мансурову пришлось устраиваться на зимовку. Напротив впадения Иртыша в Обь русские по-

Последний бой Ермака.
Рис. из Ремезовской летописи (конец XVII в.)

строили деревянную крепость – Обский городок. Мансуров зазимовал в Белгородском княжестве остяков, рядом с их главными святилищами. Это не могло понравиться местным жителям.

Несколько остяцких князей решили прогнать русских из священного места. Обский городок осадило большее войско. Целый день кипел жаркий бой. Не сумев взять приступом русскую крепость, остяки принесли к ее стенам особо почитаемого идола и стали молиться ему о даровании победы. Из Обского городка раздался пушечный выстрел, и метко пущенное ядро разнесло идола на куски. Охваченные суеверным ужасом, остяки отступили. Через несколько дней их князья явились к Мансурову с ясаком. Повелитель ляпинских остяков Лугуй даже отправился в Москву просить принять его народ в русское подданство. Весной Мансуров вернулся на Русь северным «чрезкаменным» путем. Русские ушли из Сибири на короткое время. Ермак ценой своей жизни проложил России дорогу на восток. Хан Кучум так и не оправился от поражения, нанесенного ему казачьим атаманом. Русским властям оставалось продолжить начатое Ермаком дело[24].

НАЧАЛО НОВОЙ СИБИРИ

По пути Ермака

В 1586 году по указу сына Ивана Грозного царя Федора за Урал отправился с 300 ратниками воевода Василий Сукин. В отряде состояли и бывшие соратники Ермака. Но теперь они уже были не вольными казаками, а государевыми (царскими) служилыми людьми. Отныне в Сибири все казаки подчинялись воеводам и получали за службу жалованье вместе со стрельцами (служили «по стрелецкому уряду»).

В отличие от Ермака, царские воеводы продвигались в глубь сибирских земель осторожно. Прежде чем идти дальше, на новом месте строилась крепость. Первой рядом с развалинами древней татарской столицы Чимги-тура появилась Тюмень, старейший из существующих поныне русских городов Сибири.

Татары в это время были заняты собственной междоусобной войной. У правившего до Кучума сибирского князя Бекбулата был сын Сейдяк. Теперь он собрался мстить за отца. На сторону представителя династии Тайбугидов перешел влиятельный карача. При поддержке приведенного из казахских степей войска Сейдяк захватил Кашлык.

Между тем к русским в Сибирь прибыло подкрепление – 500 человек. Пришло время сделать новый шаг вперед по уже проделанному Ермаком пути. В 1587 году к столице Сибирского ханства приблизился отряд Данилы Чулкова. Всего в 15 верстах от Кашлыка при впадении в Иртыш Тобола ратники основали крепость Тобольск. Город возвели очень быстро, для первых построек использовали доски разобранных судов.

Вскоре возле Тобольска появились владельцы Кашлыка – Сейдяк, карача и казахский князь Ураз-Магомед, которые охотились с ястребами в сопровождении многочисленной охраны. Чулков пригласил их к себе на пир и переговоры. Сейдяк не считал себя врагом России, но служившие в Тобольске ермаковские казаки не могли простить караче предательского убийства Ивана Кольца. Повод нарушить обычай гостеприимства был быстро найден. Когда Сейдяку предложили выпить за дружбу большую чашу вина, он, видимо, непривычный к подобным напиткам, поперхнулся. Это было истолковано русскими как доказательство злых намерений князя. Его схватили вместе с карачой и казахским «царевичем». В жестокой схватке с татарской охраной погиб ермаковский атаман Матвей Мещеряк[25].

Уцелевшие соратники Ермака вскоре разошлись по разным городам и острогам вместе с прибывающими из России казаками и стрельцами. Судя по сохранившимся челобитным делам, служба с ермаковцами считалась в Сибири особой честью[26].

Узнав о пленении Сейдяка, Кашлык покинули последние жители. Второе название города – Сибирь – перешло на всю страну, открываемую землепроходцами за Уралом. Рядом с запустевшим городищем рос Тобольск – столица новой русской Сибири. Место, где стоял Кашлык, татары стали называть «Искер», что значит «старый, мертвый город». Сейдяка и других знатных пленников увезли в Москву. Там последний хозяин Кашлыка был встречен с большим почетом и принят на царскую службу. Население Сибирского ханства стало вновь признавать власть России[27].

Конец Кучума

Сибирский хан не мог смириться со своим поражением и стал жестоко мстить бывшим

подданным. В 1590 году Кучум внезапно объявился у Тобольска, не посмел напасть на крепость, но предал огню окрестные селения. Затем хан пошел вверх по Иртышу, убивая множество мирных татар. Летом 1591 года тобольский воевода Владимир Кольцов-Мосальский отправился в поход на Кучума. Вместе с русскими против своего бывшего правителя выступили татарские отряды. На озере Чиликуль тобольские ратники обнаружили лагерь Кучума. Его войско было разгромлено, один из сыновей попал в плен. Сам хан бежал еще до начала сражения.

Под властью Кучума оставался юго-восток Сибирского ханства – Барабинская степь. В 1594 году туда отправился в поход воевода Андрей Елецкий. Перед ним была поставлена задача построить крепость и «Кучума царя истеснить». Из полутора тысяч ратников Елецкого большинство составляли татарские и башкирские воины. Отрядом «служилых» татар из Тобольска командовал соратник Ермака Черкас Александров. Он хорошо знал обычаи своих бывших врагов, и это не раз помогало ему в службе[28].

Поднявшись из Тобольска вверх по Иртышу, воевода Елецкий выстроил по соседству с Барабинской степью город Тару. Рядом на плодородных землях сразу были распаханы пашни. Русская крепость стала надежной защитой местного населения от мести бывшего правителя. Опасаясь, что его последние подданные перейдут на сторону русских, Кучум стал угонять татар дальше на юг, в глубь степей.

Разведчики доложили в Тару, что сын Кучума Алей уводит жителей к Черному городку. Не теряя времени, русский отряд во главе с Борисом Доможировым выступил в поход и сжег Черный городок. В другой раз Доможиров двинулся вглубь Барабинской степи и захватил вражескую крепость Тунус. Русские ратники хотели идти дальше на Кучума, но тут стал таять снег. Отряд Доможирова двигался по зимней степи на лыжах, поэтому был вынужден спешно возвращаться в Тару.

Кучум отступил еще дальше на восток, к верхней Оби. Московские власти предлагали мир и почетную службу старому хану. Его племянник Маметкул и сын Аблегаир писали Кучуму, что верно служат русскому царю. Бывшего правителя Сибири приглашали в Москву, где его ждала бы щедрая царская милость. Кучум ответил отказом и попросил только вернуть захваченный русскими в одном из боев тюк с лекарством для больных глаз.

Полуослепший Кучум вновь и вновь жег татарские селения, подговаривал к войне с Россией другие народы. Летом 1598 года, чтобы наконец покончить с опасным врагом, из Тары выступил русско-татарский конный отряд под началом воеводы Андрея Воейкова. На разведку воевода послал Черкаса Александрова. Тот разузнал, что Кучум стоит на Оби недалеко от Ирмени (ее левого притока), и «в собранье» при нем около 500 воинов. Воейков быстро повел своих людей вперед и 20 августа на рассвете атаковал вражеский стан. Кучумляне хоть и успели изготовиться к бою, но потерпели полное поражение. В ожесточенном сражении, длившемся до полудня, погибли четыре «царевича» (в том числе брат Кучума), более 20 других ханских приближенных и знатных татар, а также 150 простых воинов. Около сотни попытались под огнем русских спастись вплавь через Обь и почти все утонули. Пятьдесят побежали в степь, где были настигнуты и перебиты. Пятьдесят попали в плен. Кроме того, в русском плену оказались пять младших сыновей Кучума, двое внуков и восемь «цариц» из его гарема.

Сам Кучум в разгар сражения переплыл реку на лодке и скрылся на противоположном берегу. Русские соорудили плоты, искали сбежавшего хана, плавая по Оби и в прибрежных лесах, но ему и на этот раз удалось уйти от погони. Когда Воейков покинул место боя, Кучум вернулся туда с тремя сыновьями и оставшимися 30 воинами и два дня хоронил убитых.

У бывшего сибирского владыки не осталось ни одежды, ни лошадей, чтобы «подняться». В ответ на просьбу о помощи соседний мурза прислал ему лишь одного коня и шубу. Русские власти еще раз передали Кучуму предложение почетной капитуляции, обещая вернуть жен, детей и обеспечить «царским жа-

лованьем». Гордый хан ответил, что отказался ехать к русскому царю, когда был здоровым и сильным, и тем более не поедет в Москву, став «глух, и слеп, и безо всякого живота».

Крохотный ханский отряд пробирался по степи среди разноплеменных кочевников. Потеряв осторожность, люди Кучума угнали лошадей у калмыков. Те устремились в погоню, настигли и разгромили последних воинов сибирского хана. Кучум искал спасения у ногайцев, но и у тех нашлись к нему свои счеты. Старый хан погиб бесславной смертью около 1600 г.[29].

Враги и союзники на севере

В таежных лесах между Уральскими горами и Обью правили князья пелымских, кондинских, ляпинских и обдорских остяков и вогулов. Многие из них, особенно пелымский князь Аблегирим, прославились опустошительными набегами на русские земли. Пелымцы и кондинцы враждовали с жившими восточнее, на правом берегу Оби, кодскими остяками. Кода сразу поддержала пришедших в Сибирь русских. Кодский князь Алачей заключил договор о дружбе еще с дружиной Ермака. Верным союзником России стал сын Алачея Игичей, о котором русские говорили, что он «вож» (проводник) опытный и надежный. Несшие воинскую службу жители Коды были освобождены от уплаты ясака[30].

После пленения Сейдяка власть России признали все входившие в Сибирское ханство таежные княжества, даже враждебные прежде к русским. Однако когда в 1590 году Кучум совершил свой опустошительный набег под Тобольск, пелымский князь Аблегирим решил ударить на русских с севера, угрожая перерезать дорогу между Сибирью и «коренной» Россией.

До этого, терпя поражение в открытом столкновении с русскими отрядами, пелымские вогулы находили надежное укрытие в соседних болотистых лесах, где правил союзный Аблегириму кондинский князь Агей. Чтобы навсегда покончить с угрозой с севера, надо было лишить враждебных вогулов их лесного убежища. Наступление развивалось в несколько этапов. В Сибирь были переброшены ратники из приуральских земель, где хорошо помнили вогульские набеги. К ним присоединились тобольские казаки, а также верные вогулы из строгановских владений и кодские остяки князя Игичея.

В 1593 году этот отряд спустился из Тобольска по Иртышу и Оби до реки Сосьвы и построил там сильную крепость – город Березов, ставший опорным пунктом для последующих военных походов. Летом русские ратники и кодские остяки поплыли из Березова на север – в низовья Оби. Правивший там обдорский князь пытался оказать сопротивление, но его «столица» – городок Войкар – был взят и сожжен. На его месте появилась еще одна русская крепость – Обдорск.

Зимой 1594 года русский отряд выступил из Березова в сторону Конды. Кодский князь Игичей со своими людьми провел царских ратников по замерзшим болотам прямо к резиденции кондинского князя – городку Картаушу. Отряд из Березова вышел с востока в тыл главным силам пелымских вогулов. Одновременно с запада наступал другой русский отряд из основанной на реке Тавде крепости Пелым. Зажатые со всех сторон враждебные вогулы потерпели полное поражение.

Но не всегда русским удавалось одерживать на таежном севере столь убедительные победы. На следующий, 1595 год сам Березов оказался осажденным войском ляпинских остяков, к которым присоединились пришедшие из тундры самоеды. Остяцкие и самоедские воины осыпали город горящими стрелами, защитникам Березова пришлось одновременно бороться с пожарами и отражать вражеские приступы. Полгода держались березовцы в осаде, пока из Тобольска не подошел с отрядом Черкас Александров. Среди вырученных из беды казаков березовского гарнизона был товарищ Александрова по дружине Ермака Алексей Галкин.

Разбитый под Березовым ляпинский князь Шатров Лугуев признал вину и поклялся жить в мире. Однако через 13 лет, в 1607 году, Лу-

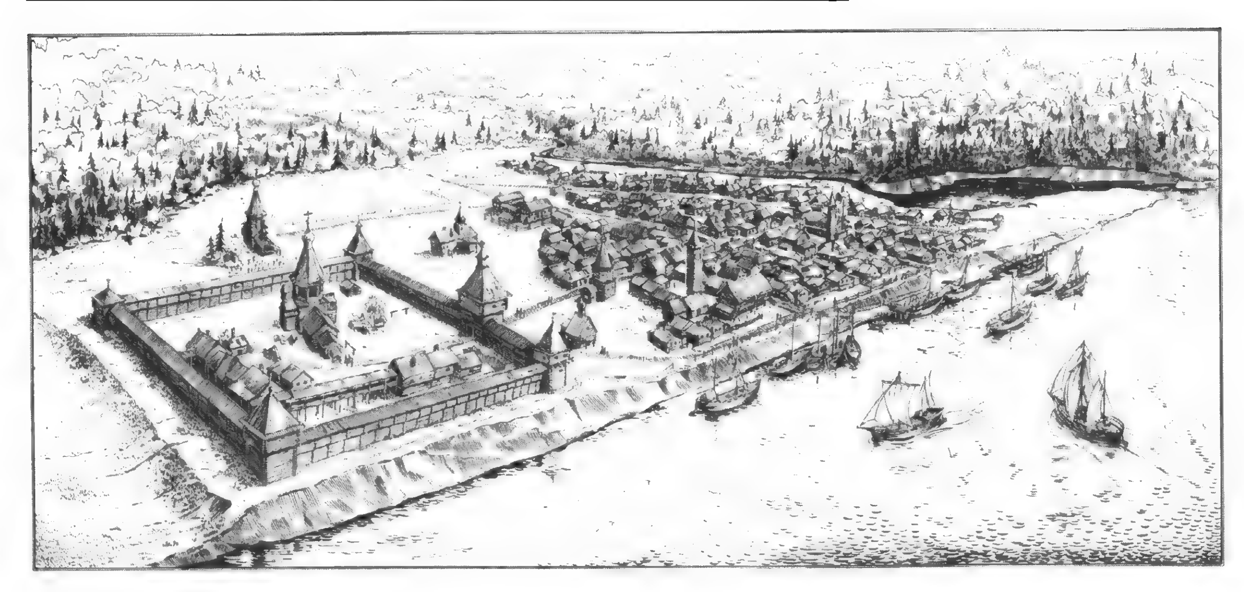

Пелым.
Реконструкция и рисунок Н. Павлова. Рис. из кн. «История Ханты-Мансийского автономного округа...» (Екатеринбург, 1999)

гуев нарушил клятву. Ляпинский и обдорский князья договорились напасть на Березов и перебить там русских всех до единого. К заговору присоединился даже верный союзник России – кодский князь. Как знак к восстанию по тайге в соответствии с древним обычаем передавали из рук в руки священную стрелу, украшенную магическими фигурками «шайтанов»[31]. Скрытно собираясь, отряды остяцких и вогульских воинов приближались к Березову.

Сын одного из знатных остяков все же сумел сообщить русским об опасности. Вокруг Березова успели выстроить новые укрепления. Вскоре город осадили 2 тысячи вражеских воинов. Им противостояло всего 300 русских ратников. Осада продолжалась два месяца. К счастью, кодские остяки одумались и вновь приняли сторону русских. Ляпинцы и обдорцы потерпели поражение. Их князей Шатрова Лугуева и Василия Обдорского судили и приговорили к казни за измену[32].

Более опасным врагом для русских оказались самоеды. Самой большой опасности подвергался северный Обдорск, стоявший на границе с тундрой. Оттуда часто накатывали волны самоедских оленных упряжек. Воинственные самоеды были храбрыми воинами, меткими стрелками из луков. Бороться с самоедами в тундре, где не было ни укрытия, ни леса для постройки укреплений, русским было очень трудно. И все же они продвигались все

Мангазея.
Реконструкция М.И. Белова, О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова

дальше на север, в сторону уже открытой русскими поморами Мангазеи.

Властям не нравилось, что без их ведома и контроля в Сибирь приходят по Студеному морю поморские кочи, что в «златокипящей» Мангазее ведется беспошлинная торговля мехами. Кроме того, существовала опасность, что вслед за поморами в Сибирь могут приплыть европейские завоеватели. В полярных водах уже появились английские и голландские корабли.

В 1600 году по указу царя Бориса Годунова в Мангазею был направлен отряд в 90 человек во главе с князем Мироном Шаховским. Путешествие царских ратников было очень тяжелым. Выйдя из Тобольска, они спустились по Оби и вышли в Мангазейское море – Обскую губу. Там речные суда затерло льдами, людям пришлось искать спасения на берегу.

Дружественные остяки дали русским оленей, чтобы добраться до Мангазеи по суше. Однако следом налетели самоеды. Отряд Шаховского потерял 30 человек убитыми, а также всех оленей. Царские ратники двинулись пешком по зимней тундре и, пройдя 300 верст, все же достигли реки Таз, где и был основан «государев» город-крепость Мангазея.

На несколько десятилетий Мангазея стала самым богатым городом Сибири. Каждый десятый добытый здесь соболь шел в царскую казну. Хотя царские власти вскоре запретили «Мангазейский морской ход», который им было трудно контролировать, на север был проложен новый маршрут – через Обь и Обскую губу. Из Мангазеи открывался путь в новые богатые земли. Вверх по реке Таз поднимались до волока на текущую на восток реку Турухан. По нему русские добрались до новой великой сибирской реки – Енисея. На нижнем течении Енисея в 1607 году было построено Туруханское зимовье, выросшее позднее в город Туруханск, называвшийся также Новой Мангазеей[33].

Мангазейская служба была тяжелой. Много русских погибало в Мангазейском море или в схватках с самоедами. Нашел свою смерть в этом краю и ермаковец Алексей Галкин. Обычными бывали случаи, когда на русские суда, выброшенные бурей на берег, тут же нападали самоеды, убивавшие всех уцелевших. Пиратским нападениям самоедов порой подвергались даже находившиеся на плаву корабли. Неспокойно было и в горах Полярного Урала, по которому проходил «чрезкаменный путь» в Сибирь. Этот путь часто использовали для доставки на Русь добытых в Мангазее мехов. На горных перевалах русских подстерегали самоеды и пытались захватить «государеву соболиную казну»[34].

Особой жестокостью отличалась «юрацкая кровавая самоядь». Юраки вытеснили самодийские племена мангазеев, давших имя краю. Из-за юрацких нападений население города Мангазеи находилось в постоянной опасности, русские боялись выходить поодиночке на охоту и рыбную ловлю. Славившиеся коварством юраки однажды мирно пришли в Мангазею и принесли с собой много бересты, якобы на продажу. Когда же из-за стены взвилась сигнальная стрела, проникшие в город самоеды подожгли бересту. Во многих местах начались пожары. Тут же из тундры в город ворвались сотни юрацких воинов. Вражеская атака была отбита, но половина Мангазеи сгорела.

Самоеды иногда сговаривались о совместных нападениях на русских с остяцкими князьями. Чтобы вымолить у языческих богов победу, приносились человеческие жертвы. Но чаще остяки просили русских о защите от самоедских набегов. В остяцкие поселения на границе с тундрой высылались казачьи дозоры[35].

Вверх по Оби

Одновременно с походами на север русские шли вглубь Сибири и юго-восточным маршрутом. Летом 1594 года запылал Обский городок, построенный И. Мансуровым при слиянии Иртыша и Оби в 1585 году. Но это не было вражеским нападением. Сами русские сожгли крепость, гарнизон которой присоединялся к войску, посланному в поход вверх по Оби. Под началом воевод Федора Борятинского и Владимира Оничкина было 150 русских ратников из Тобольска, Березова и Обского городка, а также 200 остяцких воинов кодского князя Игичея. На стругах и лодках войско продвигалось вперед, преодолевая обское течение. Над рекой возвышался на холме хорошо укрепленный городок остяцкого князя Бардака. Он не оказал сопротивления и признал власть России. На берегу Оби вырос город Сургут.

Князь Бардак стал союзником России и первым сообщил об угрозе, возникшей со стороны Пегой Орды, что располагалась выше по течению Оби. Пегую орду населяли селькупы, родственные по языку самоедам, а по образу жизни сходные с остяками. Русские считали селькупов одним из остяцких племен. По словам Бардака, правитель Пегой Орды князь Воня собрал для нападения на Сургут 400 воинов и даже вступил в переговоры с Кучумом, еще кочевавшим тогда в южносибирских степях. Чтобы предотвратить угрозу объединения двух вражеских сил, в поход на Воню выступили 200 русских казаков, 100 служилых татар и 250 остяков князей Игичея и Бардака. В 1598 году эта рать поднялась по Оби, разгромила Воню и основала в бывшей Пегой Орде город Нарым. Земля селькупов вошла в состав России[36].

Дальше по Оби лежали уже земли тюркских народов, которых русские называли татарами. Один из местных князей, Тоян, кочевал по реке Томь, притоку Оби. Тоян попросил построить в его землях русскую крепость для защиты от врагов, пообещав верно служить России и платить дань. В 1604 году русские служилые люди во главе с Гаврилой Писемским и Василием Тырковым вместе с кодскими остяками князя Онжи Юрьева основали во владениях Тояна город Томск, ставший для местных жителей защитой от вражеских набегов со стороны степей[37].

С востока в Обь впадала река, которую русские по жившим на ней племенам кетов назвали Кетью. Кеты признали власть России и просили защитить от нападений тунгусов, приходивших со стороны Енисея. Тунгусами раньше звали племена эвенков и эвенов, населяющих огромную территорию от Енисея до Тихого океана. В 1609 году в ответ на набег тунгусского князя Данула небольшой отряд сургутских казаков совершил поход в верховья Кети. Вместе с кетами русские разбили тунгусов. Затем казаки перебрались на Енисей и доплыли на лодках до устья Ангары, откуда открывался путь дальше на восток.

Тунгусский князь Данул не успокаивался. Его отряды продолжали переправляться через Енисей и нападать на кетов. Для защиты от набегов тунгусов русские казаки и кодские остя-

Тунгус в зимней одежде.
Рис. XVII в. Из кн. И. Идеса «Записки о русском посольстве в Китай»

Тунгусский воин.
Рис. XVIII в. Из. собрания Музея народов СССР

ки в 1618 году построили в верхнем течении Кети Маковский острог. Вскоре эту крепость осадило большое тунгусское войско. На выручку Маковскому острогу отправился отряд тобольского «сына боярского» (так назывался низший дворянский чин) Максима Трубчанинова. В 1619 году он отбросил тунгусов и дошел, преследуя врага, до Енисея. На левом берегу этой великой сибирской реки был заложен Тунгусский острог, ставший затем городом Енисейском, плацдармом для дальнейшего продвижения русских в Восточную Сибирь[38].

«ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА»

С Енисея на Лену

Сорок лет прошло с похода Ермака. Равнины Западной Сибири были присоединены к России. Впереди, за Енисеем лежали необозримые гористые просторы Сибири Восточной. Продвижение туда русских было стремительным. Западносибирские города и остроги основывались по царским указам специально присылаемыми из-за Урала отрядами. За Енисеем было по-другому. Решения о «проведывании» и присоединении новых «ясачных земель» чаще принималось не в Москве, а в одном из сибирских городов, откуда направлялись в дальние походы ватаги служилых и «промышленных» людей (охотников-промысловиков). Как правило, эти отряды не были многочисленными. Если в Западной Сибири счёт участников экспедиций в новые земли шел на сотни, то в Восточной Сибири – обычно на десятки человек[39].

Главными путями продвижения русских землепроходцев на восток – «встречь солнца» – по-прежнему были реки. Освоение Восточной Сибири шло двумя маршрутами – северным и южным, которые позволяли переходить из одной речной системы в другую. Вначале русским стал известен северный маршрут: суда плыли из Тобольска вниз по Оби, затем Обской губой в Мангазею, оттуда реками Таз и Турухан выходили на Енисей. С востока в него впадали три больших притока. По берегам этих рек жили племена тунгусов (эвенков), поэтому русские назвали все три реки Тунгусками: Нижней, Подкаменной и Верхней, за которой также закрепилось имя Ангара.

Первыми в Восточную Сибирь устремились русские промысловики. В погоне за соболем они продвигались все дальше вверх по течению самой северной – Нижней Тунгуски. Согласно преданию, около 1624 года ватага промысловиков во главе с Пендой добралась до самых верховий Нижней Тунгуски и оттуда впервые перебралась через волоки в речную систему следующей великой сибирской реки – Лены[40].

Слухи о богатствах Лены давно уже ходили в Мангазее, обрастая самыми фантастическими подробностями. Пенда не нашел в Ленских землях ни легендарных царств, якобы основанных самим Александром Македонским, ни больших каменных городов. Зато русские промысловики встретили на Лене якутов, сильно отличавшихся по быту от соседних племен. Якуты жили в рубленых бревенчатых домах, разводили лошадей и коров, умели добывать железо из руды. В ту пору якутские земли представляли собой сравнительно небольшую территорию в среднем течении Лены – своеобразный островок лесостепи, вокруг которого по тайге расселялись племена охотников-тунгусов.

С тунгусами русским часто приходилось сталкиваться во время соболиного промысла. Обычно русские ходили на охоту группами по четыре-пять, а то по два-три человека. В тунгусских же отрядах было по 50 и более воинов. «Люди воисты, боем жестоки», – говорили о тунгусах русские. «К войне они склонные и на соседей часто нападают», – отзывались о тунгусах западноевропейские путешественники. Не умея сами добывать железо, тунгусы выменивали его у других народов, чтобы выковать себе оружие: наконечники для стрел, копий и пальм (ножей на длинных древках), крючья для растаскивания бревенчатых укреплений. Воевали тунгусы в шлемах и куя-

ках, обычно кожаных и костяных, пешими или верхом на оленях. На юге Восточной Сибири обитали и «конные тунгусы». Русские охотники должны были то и дело укрываться от врага в промысловых зимовьях, которые тунгусы подолгу осаждали. Промысел срывался, а богатейшие соболиные угодья становились для русских недоступными. Промысловики не могли понять, почему тунгусы нападают на них, называя те или иные места «своими». На Руси дикие леса испокон века считались общими («божьими»). «Промышленные люди» жаловались на «разбой» тунгусов и просили власти о защите[41].

Из Москвы в Сибирь пришел приказ собирать ратников. Летом 1627 года в дальний путь отправилось полсотни тобольских, березовских и мангазейских служилых. К ним присоединились и три десятка остяцких воинов из Кодского княжества. Поход этого маленького войска возглавлял Самсон Навацкий. С большим трудом отряд добрался до Нижней Тунгуски. Три года воевали ратники с воинственными тунгусскими племенами. Кодским остякам, опытным проводникам на западносибирских равнинах, действовать в гористой Восточной Сибири оказалось «не в обычай». Русским пришлось рассчитывать лишь на себя.

От пленного тунгусского шамана Навацкий узнал о пути в земли якутов. Туда отправились 30 человек во главе с Антоном Добрынским. Его отряд перебрался с притока Нижней Тунгуски Чоны на Вилюй – приток Лены. По Вилюю русский отряд поплыл на восток и достиг Якутской земли. Там служилыми был построен небольшой острожек. Оттуда половина отряда во главе с Мартыном Васильевым отправилась с ясаком назад, а оставшиеся осенью 1630 года были осаждены соединенными силами пяти якутских князей-тойонов. Якуты вышли на бой в доспехах-куяках из нашитых на кожаную одежду железных пластин. Оборона острожка продолжалась полгода. Пережив голодную зиму, Добрынский все же сумел нанести осаждавшим поражение и вернулся со своими людьми обратно, заинтересовав доставленными сведениями не только тобольские, но и московские власти[42].

Из Москвы пришло распоряжение готовить к отправке на Лену еще один отряд, всё тем же северным путем. Но в это время был уже проложен более удобный, хотя тоже не легкий, южный маршрут на Лену. Этот путь шел вверх по Оби и ее притоку Кети к Маковскому острогу, а оттуда волоком к Енисейску. Рядом с этим городом в Енисей впадала Ангара, ставшая новой дорогой на восток. На бурной, порожистой реке на русских часто нападали из засады отряды тунгусских воинов. Особенно был опасен Тасей, опытный и смелый вождь, объединивший несколько родов тунгусов[43].

В 1625 году, чтобы покончить с Тасеем, из Енисейска отправился атаман Василий Тюменец с 25 казаками. Три недели они двигались вверх по Ангаре, но не обнаружили неприятеля. На обратном пути Тасей сам внезапно напал на отряд Тюменца, утомленный долгим безрезультатным походом. Русские едва прорвались назад. Через два года 200 тунгусов напали из засады на атамана Максима Перфильева, когда тот также возвращался из тяжелого похода.

Важный речной путь оказался под угрозой. Енисейский воевода запросил помощи из Москвы, но енисейский сотник Петр Бекетов, не дожидаясь подмоги, отправился на Ангару всего с 30 ратниками и сумел «замирить» тунгусов. На перемену настроений тунгусских племен, видимо, повлияло не только русское оружие, но и смерть князя Тасея, погибшего в схватке с бурятами[44]. Сами далеко не кроткие, тунгусы отзывались о живших выше по Ангаре бурятах как об «воистых» (воинственных) людях, опытных и жестоких в бою. Кочевники буряты были мастерами в изготовлении железных доспехов, в которых выезжала на бой их многочисленная конница[45].

Подчинив приангарских тунгусов, Бекетов поплыл в бурятские земли. Сотник первым из русских преодолел страшный Шаманский порог на Ангаре, где «в щепы изломало» струг с продовольствием. За порогами расстилались кочевья бурят, паслись их многочисленные стада. Ослабленные междоусобными войнами, бурятские князья встретили русских миролюбиво и по доброй воле признали

Обряд «шертования» (приведения к присяге) тунгусов в русском городе.
Рис. XVII в. из кн. И. Идеса «Записки о русском посольстве в Китае»

над собой власть России. На их землях вырос Братский острог – русские тогда называли бурят «братами».

Перезимовав среди бурят и собрав ясак, Петр Бекетов вернулся в Енисейск, где ему был устроен торжественный прием. Дорога по Ангаре была разведана, оставалось найти путь на Лену, о богатствах которой в Енисейске были наслышаны не меньше, чем в Мангазее. По разведанному Бекетовым пути в 1628 году пошел десятник Василий Бугор. С притока Ангары Илима он перешел на впадающую в Лену речку Куту. Оставив на ней шестерых товарищей, Бугор поспешил с вестями в Енисейск. Зимой на маленький Усть-Кутский острожек напали тунгусы и перебили находившихся там русских. Их кровью было оплачено открытие нового пути на Лену[46].

В Якутской земле

У погибшего в Мангазее ермаковского казака Алексея Галкина был сын – енисейский атаман Иван Галкин, унаследовавший от отца отвагу и решительность. Однажды 40 служилых людей под началом Ивана Галкина были посланы на юг собирать ясак на речке Кан. В заснеженной тайге русские неожиданно столкнулись с ордой тубинцев – кочевников, пришедших «войной» с верховий Енисея. Многочисленное тубинское войско окружило русских со всех сторон. Галкин приказал быстро составить круг из воткнутых в снег лыж и нарт. Укрывшись таким образом от вражеских стрел, енисейцы пять дней отбивали атаки кочевников. Враги отошли, но устроили засаду на лесной тропе. Галкин провел своих лю-

дей стороной. Раненых несли на сделанных из лыж носилках. Вернувшись в Енисейск, Галкин и его товарищи «по обету» пожертвовали свою военную добычу на постройку церкви, в благодарность за спасение[47].

Летом 1630 года атаман Иван Галкин с отрядом в 30 человек отправился из Енисейска на восток по разведанному Василием Бугром пути. Тот волок с Илима, что отыскал Бугор, годился только для малых судов, а у Галкина были большие струги. Подружившийся с русским атаманом тунгус указал более удобный маршрут перехода на Лену. Устраиваясь на зимовку на Ленском волоке, Иван Галкин выслал вперед разведку. Осенью пять разведчиков на берестяных тунгусских лодках спустились по Лене. Они встретили двух казаков, которые уцелели при нападении тунгусов на острожек, построенный Василием Бугром. Получив ценные сведения о воинственных племенах тунгусов и якутов, разведчики вернулись в лагерь Галкина.

После зимовки весной 1631 года русский отряд поплыл вниз по Лене в Якутскую землю. Отражая нападения враждебных якутов, казаки Галкина продвигались вперед. Они перешли на приток Лены Алдан и поднимались по нему с боями четыре недели. Утвердиться в Якутии Ивану Галкину не удалось. Более того, правитель якутского племени кангалассцев старец Тыгын поклялся не выпустить русских живыми из своих владений. Угроза не была пустой.

Тыгын (русские звали его Тынином) по праву гордился многими победами над соседними племенами якутов и тунгусов. Согласно якутской легенде, казаки сумели ускользнуть от мести тойона благодаря парусам. Никогда их не видевшие якуты были поражены, как «крылатые» русские суда шли наперекор речному течению. Отряд Галкина с трудом пробился назад в Енисейск. Тыгын скоро умер, но с его наследниками – «тынинёнками» – русским еще не раз предстояло сойтись в боях на берегах Лены[48].

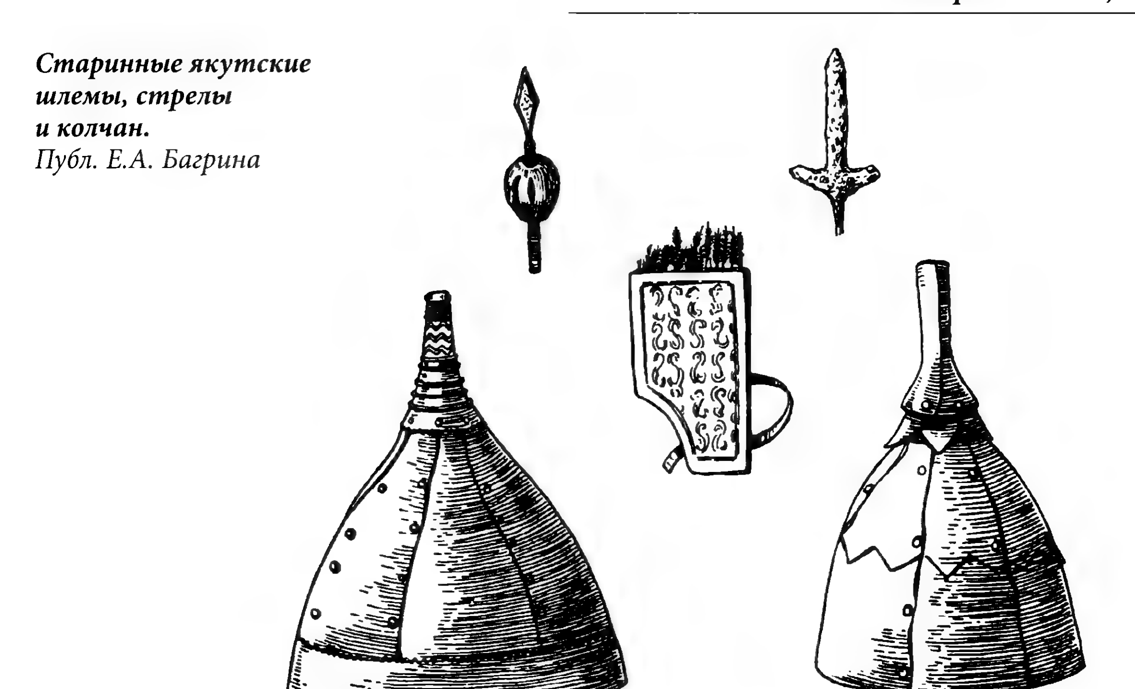
На смену атаману Ивану Галкину уже шел сотник Петр Бекетов. Осенью 1631 года он привел отряд в 20 человек на верхнюю Лену, где попытался договориться с бурятами. На этот раз их князья встретили русских враждебно и осадили казаков, которые едва успели соорудить для обороны «крепь» из деревьев. Буряты собирались сжечь русское укрепление вместе с защитниками, но ночью Бекетов повел своих людей на прорыв. Казаки захватили бурятских лошадей и ускакали к Лене. Там был построен Тутурский острог, закрепивший ленские верховья за Россией.

На следующий год Бекетов получил из Енисейска в подкрепление 14 человек и поплыл в Якутию. На Средней Лене, в самом центре расселения якутов, 25 сентября 1632 года русскими был заложен Ленский острог – будущий город Якутск. Оттуда служилые люди приступили к постепенному подчинению края. Справиться с якутами оказалось нелегким делом. Они высылали дозорных – «караульщиков», которые все время следили за русскими. Предупрежденные о приближении казаков, якуты собирались вместе, устраивали засады или укрывались в небольших укреплениях – «острожках».

Петр Бекетов со своим маленьким отрядом дрался с якутами в чистом поле, отстреливался со стругов, штурмовал вражеские острожки. Наконец большинство якутских князей-тойонов покорилось. В знак верности русскому царю князья давали священную клятву. Для этого, по якутскому обычаю, разрубали собаку. Нарушивших клятву, как считали, ждала та же участь.

Однако тойоны не держали данного слова, не страшась погибнуть «собачей смертью». Когда на смену Петру Бекетову в Ленский острог прибыл Иван Галкин, он застал Якутию перед надвигавшейся бурей. То и дело в тайге пропадали русские охотники. Некоторые якутские князья открыто выступили против России. Осенью 1633 года Галкин разгромил перебивших у себя ясачных сборщиков тойонов Тусергу и Дуруя, но зимой против пришельцев объединились почти все якутские племена.

Восстанием руководили сыновья и внуки покойного кангаласского князя – «тынинёнки». К январю 1634 года отряды якутских тойонов скрытно собрались со всех сторон во владения намского князя Мамыка. Его земли ле-

Старинные якутские шлемы, стрелы и колчан.
Публ. Е.А. Багрина

жали за рекой Леной как раз напротив Ленского острога. Тойоны собирались врасплох напасть на русскую крепость. Однако бежавший от Мамыка раб предупредил Галкина о готовящемся нападении.

Атаман решил сам выступить навстречу врагу. Конный русский отряд поскакал по льду Лены. Навстречу двигалось соединенное войско якутских князей. Впереди в сверкающем панцире ехал сын Тыгына Еттей. У Галкина было всего полсотни ратников, а у врага – тысяча, по двадцать на каждого казака. Якутская конница осыпала русских стрелами и ринулась в атаку, выставив копья и пальмы (ножи на длинных древках). Казаки спешились, поставили лошадей в круг и встали за ними. Другого укрытия на голом льду было не найти.

Искусно изготовленные якутскими мастерами доспехи покрывали и всадника, и лошадь, но далеко не всегда могли защитить от пуль. После ружейных залпов вражеские воины валились в снег, гремя пластинами куяков. Галкину удалось застрелить самого Еттея. Но якуты всё напирали. У русских тоже были доспехи, правда сильно обветшалые. Они кое-как защищали от града стрел. Главный удар приняли на себя казачьи кони. Все они погибли, спасая своих хозяев. В бою было убито только два казака, зато ранено 36. Четыре ранения получил Галкин. Как правило, стрелы поражали незащищенные доспехами руки и ноги. Сомкнув строй, пятная снег кровью, русские отступили в свою крепость.

Якутское войско подступило к Ленскому острогу. Начался штурм. Укрывшись большими щитами, вражеские воины несли сено и бересту, чтобы поджечь бревенчатые крепостные стены. Русские, почти все раненые, стойко отражали приступ. Оставляя убитых, якуты отхлынули назад, но еще два месяца осаждали Ленский острог. Его защитники страдали от голода и холода, нельзя было выйти за крепостные стены ни для охоты, ни за дровами.

Наконец весной тойоны начали разъезжаться из-под неприступного острога. «Тынинёнки» предупреждали, что жестоко покарают тех, кто помирится с русскими. Однако вскоре князья Бойдон и Ултa вернулись под власть русского царя. Собрав в Ленский острог всех казаков и промысловиков из дальних острогов, Иван Галкин пошел в поход на «тынинёнков». Не принимая бой, кангаласские тойоны отступали в дебри якутской тайги. Семь дней гнался Галкин за врагами, но так и не настиг[49].

Если Ленский острог русским удалось отстоять, то иначе сложилась в том же 1634 году судьба Братского острога на Ангаре. Полусотней размещенных там казаков командовал пятидесятник Дунай Васильев. Жившие поблизости бурятские князья нападали на тунгусские селения, угоняли их жителей в свои владения. С частью людей Васильев отправился к бурятам, чтобы уговорить их не трогать «ясачных людей».

Князья Кодогон и Котогор дружески встретили пятидесятника. Во время праздничного пира на острове посредине Ангары буряты внезапно напали на казаков. Отбиваясь, русские отступили к речной протоке и попытались спастись вплавь, но вражеские стрелы настигали их и в воде. После этого побоища протока стала называться у местных жителей Кровавой.

Оставшиеся в живых русские были осаждены в Братском остроге. Они отстреливались из пищалей, лили на врага кипяток, бросали сверху камни и бревна. Но врагов было слишком много. В конце концов Братск был взят, все его защитники погибли. По своему обычаю, буряты собрали тела мертвых казаков и положили вместе с их оружием на огромный костер. Пламя добралось до заряженных пищалей, они выстрелили, убив и ранив несколько человек. Многие буряты увидели в этом недобрый знак и засомневались, что война с русскими, которые стреляют и после смерти, угодна богам.

Когда Иван Галкин возвращался с Лены с собранной соболиной казной, ему пришлось пробиваться в Енисейск с боем. Тунгусские «князцы», услышав об уничтожении Братского острога, вновь стали нападать на русских. На следующий, 1635 год сотня енисейских казаков под началом Николая Радуковского восстановила Братск. Проводник-тунгус провел русских горной тропой прямо к лагерю враждебных бурят. Котогор попал в плен. Кодогон успел бежать. Другие бурятские князья вновь признали власть «белого» царя[50].

В Якутии продолжалась борьба с кангаласскими тойонами Откураем и Бозекой, сыновьями Тыгына. В 1636 году на Лену в третий раз прибыл Иван Галкин. Ему удалось найти союзника – вождя якутского племени борогонцев Логуе. Этот тойон всегда сохранял мир с русскими. Когда казаки пришли в его владения, Логуй протянул им из своего острожка в знак дружбы чернобурую лисицу и соболя. Сыновья Тыгына мстили борогонцам за дружбу с русскими.

Зимой Логуй со своим племенем переселился под защиту Ленского острога. Тем не менее 400 кангаласцев напали на его улусы, убили много людей, угнали скот. Иван Галкин немедленно снарядил в погоню своего брата Никифора. Вместе с русскими отправились и борогонские воины. Никифор Галкин настиг и разбил кангаласцев, отбил угнанный скот. Тойоны Откурай и Бозека не успокоились. Во главе 600 воинов они подступили к Ленскому острогу. «Тынинёнков» отбросили от русской крепости, но кангаласцы вновь разорили становища борогонцев, угнали скот и полон.

В поход во владения Откурая и Бозеки выступил сам Иван Галкин. Кангаласцы укрылись в маленьких, но хорошо укрепленных острожках. Стены их представляли собой двойной частокол, забитый между двух стен «хрящем» — песком и мелким камнем. Такие стены, облитые заледеневшей на морозе водой, нельзя было ни поджечь, ни пробить из имевшихся у русских пушек и пищалей.

Два дня и две ночи русские непрерывно атаковали вражеские укрепления. Укрывшись от стрел за огромными щитами, поставленными на колеса, казаки подступали к якутским укреплениям, но каждый раз откатывались назад. Только на третий день пал один из острожков. Во время его штурма погибло трое казаков, потери врага были больше – два знатных и 15 простых воинов. Потеря неприступной крепости впечатлила кангаласцев. Тойоны Откурай и Бозека явились в русский стан с повинной. Они дали священную клятву никогда не нападать на русских и соседние якутские племена. «Тынинёнки» признали власть «белого царя» и стали приезжать с ясаком в Ленский острог[51].

Новое воеводство

Помимо отрядов из Енисейска на Лену приходили казаки из других сибирских городов. Северным путем по Нижней Тунгуске и Вилюю прибыли мангазейцы во главе со Степаном Корытовым и Воин Шахов, посланный по царскому указу из Тобольска. Последними в Якутию добрались южным путем томичи, которых вел Дмитрий Копылов.

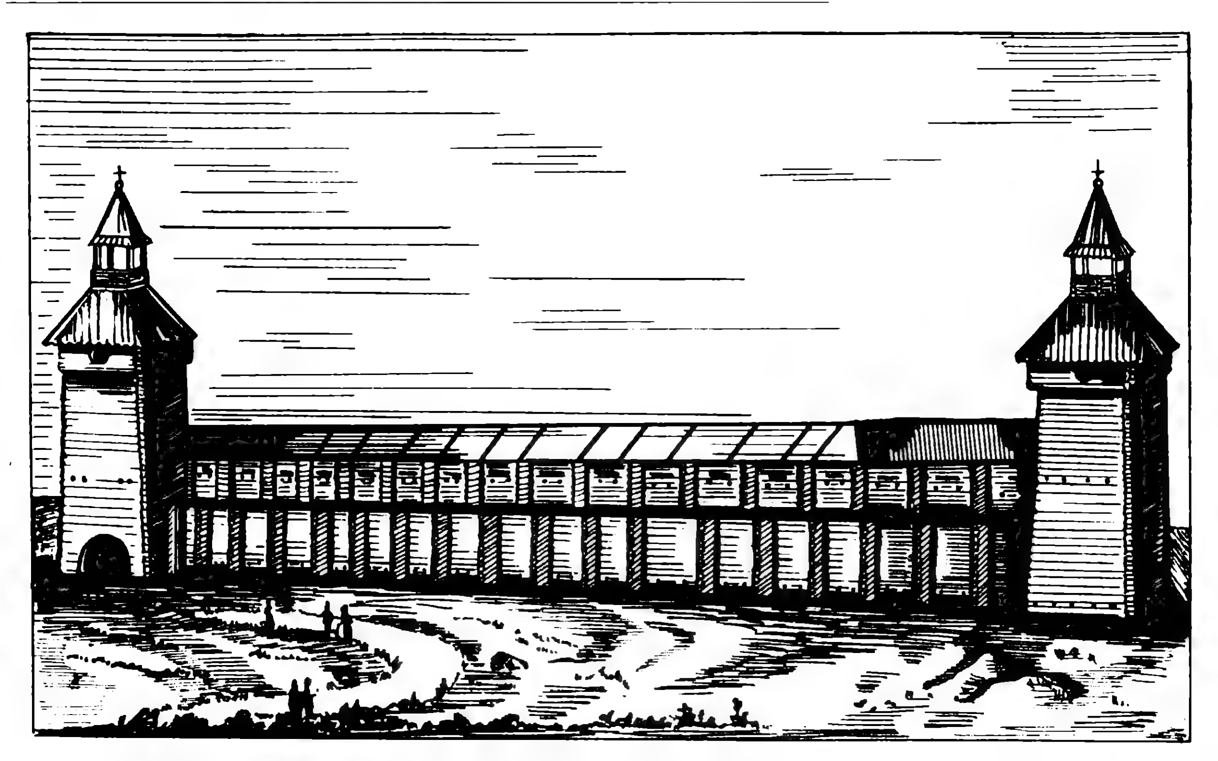
Отряды из разных городов соперничали друг с другом в сборе ясака. Каждый командир подчинялся только своему далекому воеводе, отправлял в свой город собранные меха, получал оттуда инструкции, снаряжение и жалованье. Между ратными людьми из разных отрядов часто возникали ссоры, а бывало, вспыхивали и настоящие сражения.

Между тем разрозненным русским силам в Ленском крае угрожала серьезная опасность. Зимой 1639 года якуты и тунгусы стали нападать на русских, вышедших на пушной промысел в леса по рекам Алдан и Вилюй. В одно из промысловых зимовий враги пришли якобы для торга, спрятав ножи под одеждой. Всех бывших в зимовье перерезали. Зато в другом зимовье один-единственный промысловик сумел справиться с несколькими убийцами. Он целый месяц защищал в одиночку зимовье от врагов, после чего прорвался сквозь неприятельскую осаду. Всего в ту зиму на Алдане погибло 35, а на Вилюе 19 русских охотников.

Чтобы навести на Лене порядок, из Москвы в Якутию отправили воеводу Петра Головина. Для создания нового воеводства в сибирских городах было набрано значитель

Якутск.
Рис. XVII в. Из кн. Н. Витсена «Северная и Восточная Татария»

Западная стена Якутского города XVII в.
Рис. Н. Щукина, XIX в.

ное войско – 400 казаков и стрельцов. Вместе с ними на 46 грузовых судах-дощаниках везли 12 пушек и большое количество разнообразных припасов и снаряжения. Летом 1641 года речной караван прибыл на Якутскую землю. Осип Галкин, брат атамана Ивана Галкина, передал новому воеводе ключи от Ленского острога. Крепость была отстроена заново и с того времени превратилась в город Якутск, ставший столицей самого восточного и самого обширного уезда России[52].

Началась перепись скота у новых подданных, чтобы точнее (и справедливее) установить размер взимаемого с них ясака. Это не понравилось якутским тойонам, которые раньше сами решали, кому и сколько платить. Из пришедших с Головиным служилых людей лишь небольшая часть осталась в новоотстроенном городе. Большинство разъехалось из Якутска по острогам и зимовьям для сбора дани и промысла. Тойоны сговорились одновременно перебить всех казаков в своих владениях, а потом уничтожить и Якутск.

Некоторые из якутских племен колебались, но воинственные князья пригрозили смертью тем, кто уклонится от участия в восстании. В начале 1642 года было полностью уничтожено пять русских отрядов, разбросанных в разных концах приленской тайги. В результате внезапного и вероломного нападения погибло более ста казаков и промысловиков, в том числе опытные землепроходцы Воин Шахов, Осип Галкин, Остафий Михалевский. Только случай спас от верной смерти Василия Пояркова – будущего первооткрывателя Амура.

Весной дружины якутских князей обложили Якутск. Почти сразу среди тойонов возникли разногласия. Одни предлагали штурмовать крепость, другие хотели заманить казаков из-за городских стен в засаду, третьи собирались выстроить вокруг Якутска острожки и уморить русских голодом в долгой осаде. Один шаман предложил послать убить воеводу Головина раба с ножом в рукаве. Убийца воеводы, конечно, и сам погибнет, рассуждал шаман, но раба можно не жалеть.

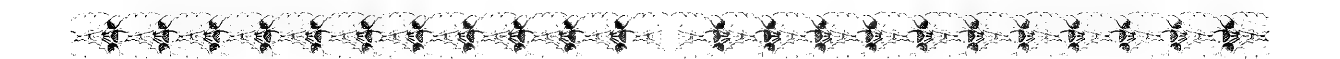
Часть якутских князей не хотела воевать с русскими. Приятель Ивана Галкина Логуй и тойон Мымак уговаривали прекратить

осаду, за что едва не были казнены другими князьями. Якутские воины боялись подходить близко к городским укреплениям, откуда им грозили русские ружья и пушки. Тогда воевода Головин сам послал на разведку конный отряд. 45 русских встретили 700 якутских всадников, закованных в доспехи-куяки. Это были отборные воины из племен одейцев, бетунцев и модутов.

Казаки предложили начать переговоры, но в ответ полетели стрелы. Полдня длилась перестрелка, переходящая в рукопашные схватки. Ни одна сторона не могла одолеть другую. Наконец русские и якуты разошлись, одни отошли за крепостные стены, другие – в свой лагерь. Якуты поняли, что если их войско не смогло одолеть небольшой русский отряд в полевом сражении, то тем более не справилось бы с хорошо укрепленным городом. Потеряв надежду взять Якутск, тойоны разъехались восвояси. Часть из них скоро явились к воеводе Головину с повинной. Другие решили отсидеться в своих острожках.

Против враждебных тойонов из Якутска был послан отряд Василия Пояркова. На реках Амге и Татте русские захватили три небольших вражеских острожка, но затем сами были атакованы якутами и еле отбились. Труднее всего оказалось справиться с князем племени бетунцев Камыком. Он собрал 300 воинов и построил хорошо укрепленный острожек с башней. Стены крепости были двойные, набитые землей.

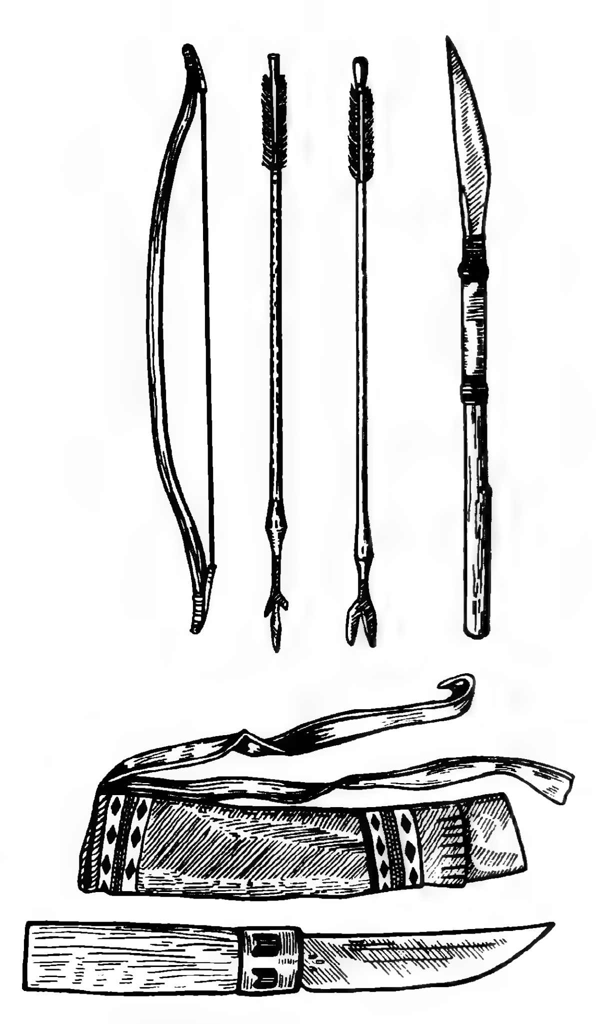
К острожку Камыка подвезли большую пушку. Несколько выстрелов сделали в стене пролом, через который на штурм ринулись казаки. Отчаянно отбиваясь, бетунцы отступили в башню. Когда башню подожгли, якуты, не желая погибнуть в огне, сдались на милость победителям. Услышав о падении крепости Камыка, другие тойоны прекратили сопротивление и признали власть России, на этот раз – навсегда[53].

МЕЖ ДВУХ ОКЕАНОВ

У Студеного моря

Не успела еще власть России прочно установиться на ленских берегах, а русские уже шли дальше, туда, где, по словам их проводников тунгусов, плескались морские волны. На севере землепроходцы достигли, спустившись вниз по Лене, хорошо знакомого русским людям Студеного моря – Ледовитого океана. Его берега от Мурмана до Мангазеи были им уже знакомы.

Оружие юкагиров.
Публ. В.А. Туголукова

Теперь казаков и вольных промысловиков манили новые, неведомые еще земли на северо-востоке Сибири. Туда шли русские отряды искать впадавшие в Ледовитый океан богатые «заморские и закаменные реки». Так эти реки звали потому, что попасть на них можно было либо по Студеному морю, либо перебравшись через «камень» – горные хребты.

Первым в устье Лены появился в 1633 году пятидесятник Илья Перфильев. На побережье океана его отряд разделился. Часть людей Перфильев отправил с Иваном Ребровым на запад – к реке Оленек, а сам поплыл на восток и добрался до реки Яны. Туда же позднее пришел и Ребров, который в 1637 году взял курс из устья Яны на восток и достиг реки Индигирки. Сухопутную дорогу на Индигирку отыскал Постник Иванов. Он выступил из Ленского острога (Якутска) во главе отряда в 30 конных казаков, преодолел горные хребты, выдержал в верховьях Яны бои с воинственными тунгусами и в 1639 году добрался до Индигирки.

Здесь начиналась «Юкагирская землица». Народ юкагиров жил в настоящем каменном веке. Впервые русские встретили юкагиров в низовьях Индигирки, и эти встречи носили мирный характер. Но Постнику Иванову пришлось сразиться с юкагирскими воинами. Русские вступились за якутов, на которых юкагиры устраивали набеги. К построенному в верховьях Индигирки Зашиверскому зимовью вскоре подступило юкагирское войско. Постник вывел свой отряд на бой в конном строю. Юкагиры прежде не видели лошадей и в ходе сражения пытались первым делом поразить не казаков, а неведомых чудовищ. После «крепкого боя», который продолжался целый день, юкагиры покорились и принесли ясак.

Следующий шаг на восток сделал Дмитрий Зырян Ерило. В 1642 году он перебрался с Индигирки через Студеное море в устье соседней реки Алазеи. Там жили не только юкагиры, но и одно из чукотских племен. С их объединенным войском произошло жестокое сражение. Бились «съёмным», или «суимным», боем (врукопашную) «целый день до вечера». Большинство русских было переранено, но к концу сражения «алазеи… убегом ушли, избиты и изранены», потеряв убитыми несколько человек, в том числе своего предводителя, а один из нападавших попал в плен. Ерило поднялся по Алазее до первых лесов и построил «на край тундры» острожек. Не сумев справиться с русскими силой оружия, юкагиры попытались прибегнуть к магии. К Алазейскому острогу прибыл могущественный колдун Олюганей. Русские не только не устрашились его заклинаний и угроз, но, «кинясь из острожка», сами взяли шамана в плен. Попытка сородичей Олюганея освободить его оказалась безуспешной, и они были вынуждены заплатить ясак[54].

Вслед за Дмитрием Зыряном на Алазее появился Михаил Стадухин. До этого его отряд действовал на Оймяконе, куда пришел, перевалив на лошадях горные хребты. Казаки столкнулись с многочисленными тунгусами-ламутами. В бою небольшой русский отряд выручили союзные якуты. Якутские лучники отогнали тунгусов меткой стрельбой. В сражении Стадухин потерял всех лошадей, без которых на Оймяконе делать было нечего. Русские построили маленький коч, спустились на нем в Индигирку, а по ней добрались до Студеного моря и дальше на Алазею.

Встретив на Алазее Дмитрия Ерило, Михаил Стадухин вместе с ним в 1643 году отправился из устья Алазеи дальше на восток. После двухнедельного плавания по Ледовитому океану русские кочи вошли в устье следующей реки – Колымы. Пробыв на Колыме два года и собрав богатый ясак, Стадухин и Ерило отправились в Якутск, оставив в Колымском зимовье 13 казаков во главе с Втором Гавриловым и Семеном Дежнёвым. Вскоре их осадило полутысячное юкагирское войско «князца» Аллая. Юкагиры ворвались в острожек, но в решающей рукопашной схватке предводитель нападавших был заколот копьём, и его воины тут же отступили[55].

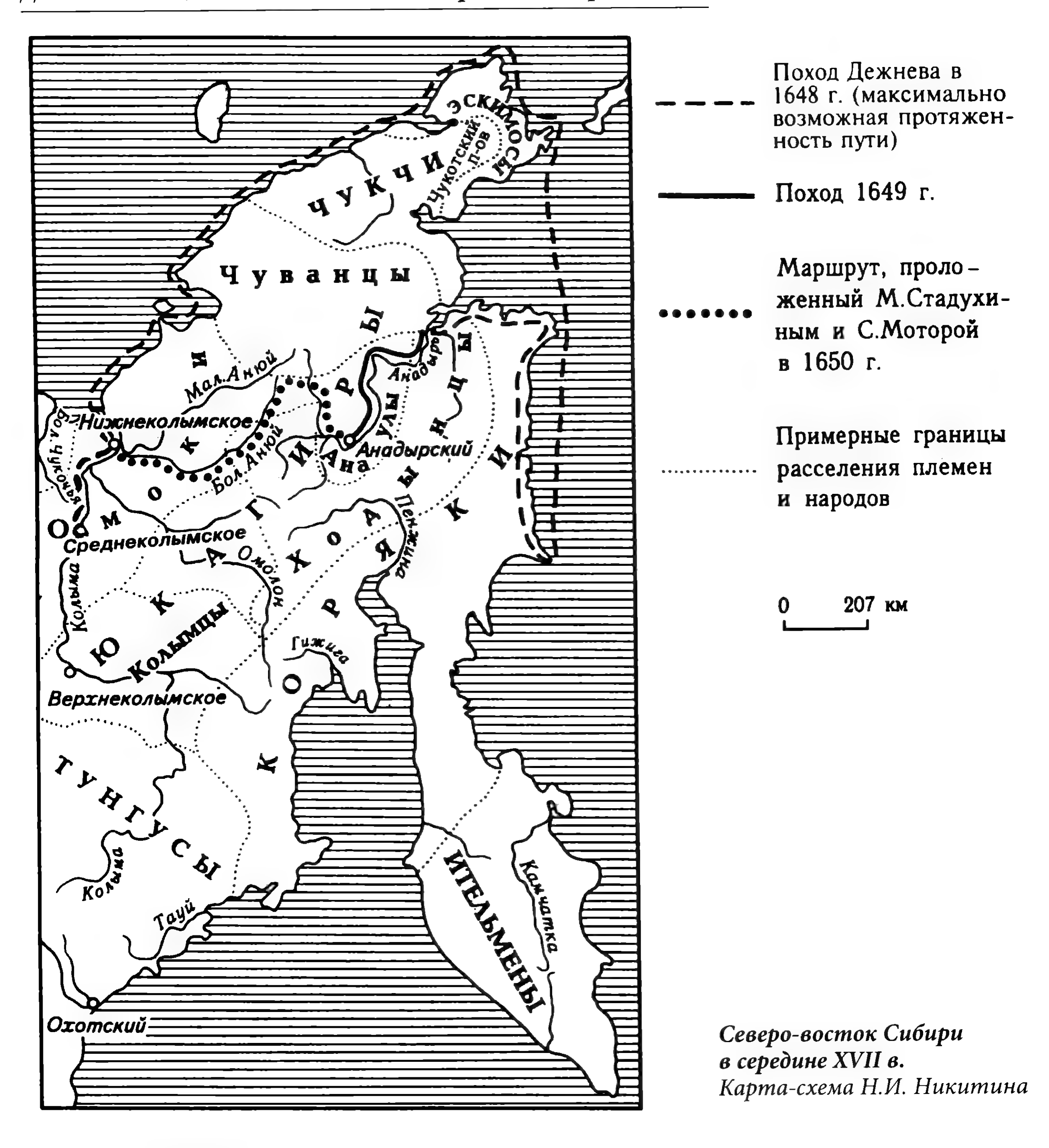
Иногда юкагирам все же удавалось захватывать русские зимовья. После одного такого нападения посланный против враждебных племен отряд из 48 человек во главе со Втором Катаевым обнаружил сооруженный юкагирами острог впечатляющих размеров. Он протянулся на два полета стрелы, внутри паслось целое стадо оленей. Крепость защищало 200 воинов, у которых было даже огнестрельное оружие, захваченное у русских.

Катаеву пришлось штурмовать острог по всем правилам тогдашней военной науки. Казаки приблизились к неприятельской крепости, вначале соорудив в 40 саженях от нее один острожек, а на следующее утро в 20 саженях – другой. Юкагиры старались помешать строительству стрельбой из луков и трофейных пищалей. Когда русские укрепления поднялись выше юкагирских, под обстрелом с башен оказалась вся вражеская крепость. Юкагиры, которые теперь нигде не могли укрыться от пуль, поспешили сдаться, лишь только русские пошли на штурм, катя перед собой шесть огромных щитов на колёсах[56].

За «Каменный нос»

Невзирая на опасности, на только что открытую Колыму устремились служилые и промышленные люди. Их манили слухи о еще более богатых землях. Говорили о том, что где-то к востоку от Колымы протекает большая река – Погыча, или Анадырь. В 1647 году к неведомой реке по Студеному морю отправилась экспедиция, организатором которой стал торговый человек Федот Алексеев Попов. Руководил походом казак Семен Дежнёв. Первый раз плаванию помешали непроходимые льды, но на следующий, 1648 год Попов и Дежнёв повторили попытку.

Из Колымского зимовья вышло семь кочей. На этот раз льды отогнало к северу, и рус-

Северо-восток Сибири в середине XVII в.
Карта-схема Н.И. Никитина

ские суда устремились на восток. Корпус коча имел округлую, яйцевидную форму. Это помогало противостоять льдам, но на чистой воде кочи оказывались неустойчивыми[57]. Во время шторма два корабля пропали без вести, еще два выбросило на берег, их экипажи были истреблены местными «иноземцами». После трех месяцев плавания три уцелевших коча подошли к Большому Каменному носу – выступу суши, за которым берег круто поворачивал к югу.

Путешественники поняли, что из Студеного моря они попали в новый океан. Так Семен Дежнёв и его спутники первыми прошли морским путем из Северного Ледовитого океана в Тихий. Они обогнули крайний восточный выступ Азии, который сейчас носит имя мыс Дежнёва. У Каменного носа разбился о камни еще один коч. Команды двух других кораблей выручили товарищей, но при высадке на берег столкнулись с враждебно настроенными чукчами.

В сражении с ними получил ранение Федот Попов.

Продолжив плавание за Каменный нос, кочи Дежнёва и Попова скоро потеряли друг друга во время налетевшей бури. Дежнёвское судно выбросило на пустынный берег, откуда русским все же удалось добраться до устья так искомого ими Анадыря. Из ста человек, отправившихся с Колымы в плавание, уцелело всего 25, да и из них половина погибла во время наставшей зимы от голода и лишений. С немногими уцелевшими Дежнёв занялся присоединением к России открытых им земель, построил на Анадыре зимовье и обложил ясаком окрестных юкагиров.

В 1650 году был найден более легкий путь на Анадырь. Отряды Михаила Стадухина и Семена Моторы поднялись по притоку Колымы Анюю, перевалили горный хребет и добрались на собачьих упряжках до Анадырского зимовья, где их встретил Дежнёв. Стадухин своими жестокими действиями восстановил против себя юкагиров. Они устроили засаду на стадухинских людей. На помощь пришли два других русских отряда. Дежнёв и Мотора «смирили ослушников» взятием юкагирского острожка.

Когда Стадухин ушел искать новые земли на юг, а Мотора погиб в одной из стычек с юкагирами, Дежнёв остался командовать всеми русскими силами на Анадыре. В море близ устья этой реки была обнаружена отмель («корга») с залежами ценных бивней умиравших моржей. За обнаруженное богатство русским приходилось сражаться с промышлявшими моржей коряками. Этот родственный чукчам и также весьма воинственный в ту пору народ жил южнее юкагиров, с которыми часто воевал. В 1654 году Дежнёв всего с 12 ратниками смело атаковал сразу 140 корякских воинов, стоявших в «крепком острожке», и обратил их в бегство. Среди отбитых у коряков пленных оказалась «якутская баба» Федота Попова. Она рассказала, что Попов и его люди, выброшенные бурей на берег, частью умерли от голода и цинги, частью были перебиты местными жителями[58].

Сражения на краю тундры

Наибольшую опасность для русских на северо-востоке Сибири представляли чукчи. Бои с ними разворачивались не только на суше, но и на море. Когда сменивший Дежнёва на Анадыре Курбат Иванов поплыл в поисках моржовых лежбищ к Чукотскому полуострову, два русских коча встретили 9 больших чукотских кожаных лодок, каждая из которых вмещала 30 воинов. Чукчи два дня не давали Курбату Иванову высадиться на свой берег. Казаки все же заставили их отступить, чтобы при-

Чукотский воин в костяных доспехах. XVIII в. *Рис. Л. Воронина, приложенный к работе К. Мерка «Описание чукчей...»*

стать и пополнить запасы продовольствия. При перестрелке с чукчами оказалось, что камни из их пращей пробивали у русских дощатые щиты и медные котлы[59].

Несмотря на свое оружие каменного века, чукотские воины, облаченные в костяные и кожаные доспехи, были серьезным противником и прежде всего из-за своего воинственного, неукротимого нрава. С чукчами русским не удавалось то, что срабатывало с другими сибирскими народами, соглашавшимися платить ясак, когда у них брали в плен заложников-аманатов. Чукчи при угрозе плена предпочитали убивать себя вместе с женщинами и детьми, а попавших в плен сородичей объявляли мертвыми. Безжалостные к себе, чукчи были крайне жестоки и к пленным: схваченных иноплеменников они долго пытали «разными муками», пока не замучивали до смерти[60].

Чаще всего русские сталкивались тогда с обособленной группой чукчей, которые жили вместе с юкагирами в низовьях Алазеи и Колымы. Когда юкагиры признали власть России, чукчи стали нападать и на них. Немногочисленные русские гарнизоны не могли защитить «ясачных людей», сами русские часто боялись отходить от крепостных стен на рыбный промысел из-за постоянной угрозы чукотских нападений.

Особенно прославился своими набегами предводитель алазейских чукчей Мита. В 1655 году он все же был разгромлен и пленён общими усилиями русских и юкагиров. Однако на следующий год зимовье, где содержался Мита, обложило многочисленное войско его соплеменников. Как оказалось, чукчи все же дорожили своими «лучшими людьми». После переговоров русские согласились обменять князя на целую группу чукотских аманатов.

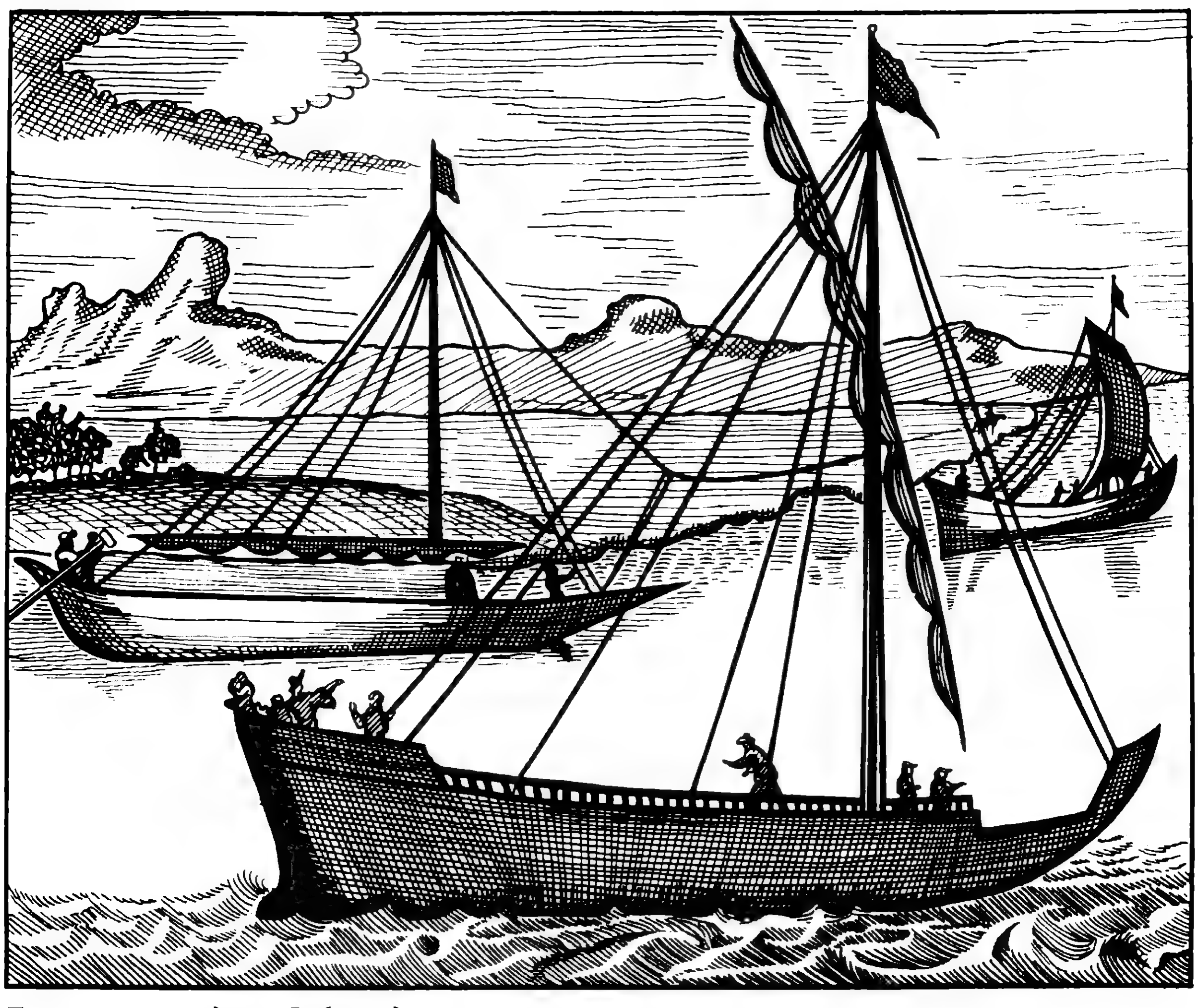
Получив свободу, Мита тут же бросил согласившихся заменить его заложников и стал безжалостно мстить юкагирам. В 1659 году воины Миты «подступали накрепко» к Нижнеколымскому зимовью, умело укрываясь во время приступов за большими осадными щитами. Бои с чукчами на Колыме продолжались всю вторую половину XVII века, пока не исчезла бесследно почти вся группа колымских чукчей, ставших, по всей видимости, жертвой эпидемии оспы.

Если на Колыме постепенно становилось спокойнее, то на Анадыре натиск чукчей все усиливался. Часть населения Чукотки как раз в это время перешла к кочевому оленеводству. Чукчи устремились на юг, все чаще нападая на юкагиров и коряков, чтобы отнять у них оленей. В 1688 году чукчи уничтожили вышедших в морское плавание людей начальника Анадырского острога Василия Кузнецова. Два его небольших коча буря выбросила на берег, все 30 находившихся на судах русских были убиты. Отряд, отправившийся на поиски пропавшей экспедиции Кузнецова, чукчи встретили огнем из захваченных на кочах пищалей.

Чтобы утихомирить воинственных чукчей, русские организовывали на них походы совместно с союзными юкагирами и коряками. Несколько раз посланные для переговоров юкагиры сумели отговорить чукчей от уже задуманных набегов. Жители Чукотки уже не убивали русских пленников, а обменивали на своих. Но жизнь на границе с тундрой была по-прежнему неспокойной, чукчи еще долго оставались для русских опасным, «немирным» соседом[61].

На берегах Тихого океана

За девять лет до того, как Семен Дежнёв прошел с севера из Ледовитого океана в Тихий, первыми из русских к тихоокеанскому берегу вышли Иван Москвитин и его товарищи. Они двигались со стороны притока Лены Алдана, куда прибыли в составе отряда томских казаков во главе с Дмитрием Копыловым. Томичи услышали от тунгусов о лежащем на востоке, за горами новом «большом море-окиане». Копылов послал на Ламу, как называли море тунгусы, 32 казака во главе с Иваном Москвитиным. Целью экспедиции, помимо «проведывания» пути к морю и поиска «неясачных иноземцев», являлась некая «река Чиркола», на которой, по рассказам одного из шаманов, бы-

Типы русских судов в Сибири: дощаник, каюк и коч.
Рис. XVII в. из кн. Н. Витсена «Северная и Восточная Татария»

ло много серебряной руды (видимо, имелись в виду Шилка и Амур).

Русские поднялись по Алдану и Мае, затем «покинули» свой тяжелый дощаник, сделали два легких струга, на них пошли вверх по реке Нудыми, после чего за день пешком перевалили горный хребет Джугджур и вышли к верховьям Ульи. Там казаки смастерили новое судно и на нем, преодолевая многочисленные пороги, двигались вниз по реке, пока в августе 1639 года перед ними не открылась бескрайняя ширь неизвестного прежде русским моря. Это море, являющееся частью Тихого океана, первоначально, вслед за тунгусами, звали Ламским. Потом, когда главной русской гаванью здесь стал Охотск, за морем закрепилось название Охотское.

Пока же Москвитин основал в устье Ульи первый на тихоокеанском побережье русский острог. Местное население составляли оседлые и кочевые тунгусские племена. Приморских тунгусов звали еще ламутами. Они показались казакам совсем «дикими», потому что даже не слышали о великом русском государе, которому нужно платить ясак. Ламуты действительно жили оторванно от большого мира, железных вещей у них было очень мало. Казаки поражались, видя, как тунгусы рубят лес каменными и костяными топорами. Как правило, каменными и костяными были наконечники тунгусских стрел и копий, что, однако, никак не сказывалось на воинственности их обладателей.

Всего столетие назад предки ламутов вышли к Охотскому морю, оттеснив к северу и югу

ранее обитавших там коряков и нивхов. Не ожидая поэтому ничего хорошего от новых пришельцев, ламуты попытались сразу же избавиться от них. Москвитинское «зимовье с острожком» приняло боевое крещение. Несколько раз его гарнизон из трех десятков казаков осаждался войском в 700 и более человек, однако все приступы были отражены, и русским в ходе боев даже удалось захватить трех аманатов, под которых можно было получить ясак.

Чтобы закрепить успех, казаки «ходили по той же реке по Улье и взяли за саблею на государя 11 сороков соболей». Но предпринятый в октябре того же года морской поход на север – к реке Охоте – успехом не увенчался. Как потом сообщали казаки, «на той реке люди воисты, боем своим жестоки». Зимой ламутские воины вновь дважды подступали к Ульинскому острогу, но были отбиты.

Перезимовав в своем остроге, казаки стали готовиться к далекому плаванию на юг – искать загадочную Чирколу. На морском берегу недалеко от острога устроили «плотбище» (верфь), где строились два коча. Однажды, когда большинство казаков было занято на плотбище, Ульинский острог внезапно атаковали подошедшие «скрадом» соединенные силы 8 тунгусских родов – 900 воинов. Они вломились в крепость, подняли на копья караульного, ранили еще двух казаков и едва не отбили аманатов, однако, потеряв в схватке своего главного предводителя, пришли в сильное замешательство («учали над ним всеми людьми плакать») и выпустили инициативу из рук. В это время с морского берега прибежали казаки, услышавшие шум сражения. Спешно вооружившись и натянув на себя доспехи-куяки, они вступили в бой. Потерявшие вождя тунгусы не выдержали дружной атаки и побежали.

Закончив постройку морских кораблей, москвитинцы поплыли на юг, открыли реку Уду и встретили на побережье новый народ – гиляков (нивхов). Казаки услышали и о новой большой реке – Амуре. Тамошние земли, по рассказам тунгусов и гиляков, населяли дауры, образ жизни которых был схож с русскими. Дауры пахали землю, разводили домашний скот, строили деревянные дома, ткали себе одежду.

Москвитинцы добрались почти до устья Амура, но не решились плыть дальше из-за малолюдства своего отряда. На амурских берегах шла своя война. Кочи проплывали мимо сожженных судов – следов недавнего морского сражения. Как говорили тунгусы, 500 гиляков погибли при внезапном нападении на них пришедших с моря врагов, имевших бороды. Такими бородатыми людьми, кроме русских, здесь могли быть только айны, жившие на Сахалине и Курильских островах. Гиляки собрали для отпора нападавшим собственное войско. Видя за песчаной косой бесчисленные костры «гиляцкой орды», казаки повернули назад[62].

Борьба за морское побережье

Чтобы закрепить побережье Ламского моря за Россией, из Якутска был послан десятник Семен Шелковников. Под его началом, вместе с казаками, находившимися в Ульинском остроге, оказалось 60 ратников. С этими силами Шелковников отправился летом 1647 года к устью реки Охоты, где разгромил выступившее навстречу тысячное войско тунгусов-ламутов. В устье реки был заложен Охотский острог. На следующий год русские продвинулись из Охотска вдоль северо-восточного побережья до Тауйской губы (в районе нынешнего Магадана), где было построено зимовье.

В 1649 году уже покоренные было приморские тунгусы вышли из повиновения и стали совершать нападения на русские крепости. Казакам удавалось отбиться, но постепенно их ряды таяли. Держаться больше не было сил. Весной 1651 года русские оставили зимовье на Тауе. На следующий год казаки ушли из Охотского острога, отступив на Улью. Ламуты, войдя в покинутый Охотск, сожгли его. Сохранение выхода к восточному морю было под угрозой.

В 1654 году Андрей Булыгин с 34 казаками отплыл из Ульинского острога в сторону Охоты. Русские суда попали в шторм и разбились о берег. На высадившихся казаков напали ламуты. Казаки несколько дней отбивались у обломков своих кораблей, пока не отбросили врагов. Отряд пешком добрался до пепелища Охотского острога и отстроил крепость заново. Из Охотска Булыгин стал совершать походы на окрестных «немирных» тунгусов, принуждая их вновь признать власть России. Во время одного из походов ламутский князь Комка Бояшинец с 500 воинами напал врасплох на казачий стан, но потерпел неудачу. Зимой князя Комку, засевшего в выстроенной им крепостице, осадили русские и вынудили сдаться.

В то же время на северном охотском побережье действовал отряд Михаила Стадухина. Выступив в 1651 году из Анадырского зимовья, Стадухин пробился «с боем и кровью» через воинственных коряков к реке Пенжине, впадающей с севера в Охотское море. Построив два коча, казаки поплыли на юг. Русский отряд еще не раз бился с коряками, дважды пережил кораблекрушение, высаживался в устьях рек Гижиги, Таванки и Ямы, пока наконец не обосновался в зимовье в Тауйской губе. Через четыре года, летом 1657 года, Стадухин приплыл с Тауя в Охотский острог. Его поход впервые связал воедино пути, проложенные русскими на побережье Студеного и Ламского морей – Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Русские с трудом налаживали отношения с охотскими тунгусами, при первой возможности ламутские «князцы» продолжали нападать на казаков. «Выкоренить» русских с Охоты обещал «князец» Зелемей, который прославился не столько ратными подвигами, сколько жестоким коварством. Он хвастался, как много побил русских людей, оставшись при этом безнаказанным, и убеждал соплеменников, что в случае неудачи всегда можно раскаяться на словах, получить прощение и быть в глазах у русских «лучше прежнего»[63].

В 1665 году Зелемей сообщил в Охотский острог о готовящемся нападении. Приказчик (начальник) острога Федор Пущин выслал в указанное Зелемеем место полсотни своих ратников. Все они погибли, попав в засаду, устроенную самим Зелемеем. В Охотске осталось только 30 казаков, к тому же больных цингой. Воины Зелемея обложили острог, но их устрашила военная хитрость Федора Пущина, который выставил на стенах множество деревянных макетов пушек.

Ламуты согласились платить ясак, но в конце 1677 года вспыхнуло новое восстание охотских тунгусов. Его возглавил князь Некрунко. Шедший в Охотск из Якутска отряд пятидесятника Панфилова в 60 человек ламуты перехватили на горном Юдомском волоке и полностью уничтожили. В руки тунгусов попали казачьи ружья и даже пушка. Собрав силы многих ламутских родов, Некрунко двинулся на Охотский острог.

У русской крепости появилось более тысячи пеших и оленных тунгусов, хорошо подготовленных к битве. Русские увидели, что ламуты облачены в доспехи – «в куяках и шишаках, и в наручах со щитами». Летящих со всех сторон стрел было «точно комаров». Воины Некрунко заняли находившиеся близ стен острога постройки и под их прикрытием вели прицельную стрельбу по казакам. Приказчик Охотского острога Петр Ярыжкин не растерялся и повел своих людей на вылазку. Отчаянной атакой русские заставили ламутов отступить.

В 1680 году Некрунко вновь устроил засаду на том же Юдомском волоке. В нее попал отряд, возвращавшийся из Охотска в Якутск. Среди 39 погибших был командир отряда – сын якутского воеводы Данила Бибиков. В ответ против Некрунко выступил новый охотский приказчик Леонтий Трифонов. Вместе с 93 русскими в поход шли и 70 союзных ламутов. На этот раз Некрунко потерпел полное поражение, но сумел ускользнуть. Непокорные тунгусские роды были «смирены ратным боем». Их взятых в бою предводителей Трифонов отправил для суда и расправы в Якутск, но якутский воевода распорядился возвратить пленных, среди которых были убийцы его сы-

на, обратно в Охотск и отпустить, взяв клятву жить в мире с русскими.

После этого восстание пошло на убыль, тунгусы согласились платить ясак и даже стали просить русских защитить их от нападений живших севернее коряков. В 1685 году охотские казаки вместе с тунгусами совершили поход на реку Олу, откуда до этого коряки «согнали» шесть ламутских родов. Русские и тунгусы совместными усилиями взяли хорошо укрепленный корякский острожек, который защищало 300 воинов. В северное Тауйское зимовье из Охотска постоянно высылали казачьи караулы для «обережения» местных тунгусов от корякских набегов. Однако неуловимый Некрунко так и не покорился власти «белого царя».

В 1691 году в окрестностях Охотска вспыхнула страшная эпидемия оспы. Тунгусы винили в распространении болезни русских и убили охотского приказчика Григория Пущина, который пришел в тунгусские стойбища, чтобы с помощью лекарства (сулемы) бороться с болезнью. Погиб со всем отрядом и следующий приказчик – Иван Томилин. Берега Ламского моря были густо политы русской кровью, но шаг за шагом Россия все же прочно встала на восточном краю материка у Тихого океана[64].

В поисках «райской землицы»

Первые русские на Амуре

Главным богатством Сибири была ценная пушнина – «мягкая рухлядь». Но холодные таежные просторы, где добывались пушные звери, не казались гостеприимными. Привычные к земледелию русские люди с трудом отыскивали здесь немногие земельные участки, которые годились бы под пашню, и мечтали отыскать дорогу в теплые страны – «райскую землицу», где, как говорили, родился не только хлеб, но даже виноград.

Давно ходили слухи о богатых серебром и жемчугом южных землях, о каменных городах, о реках, по которым плавают корабли с «огненным боем». Эти сведения пока никак не связывались с Китаем, хотя до этой страны еще в 1618 году добрался с купеческим караваном через монгольские степи томский казак Иван Петлин, составивший «Чертеж и роспись про Китайскую область».

Больше в сибирских острогах были наслышаны об Амуре и населявших его землепашцах даурах. Впервые о Даурии узнал Иван Москвитин, приблизившийся в 1640 году к амурскому устью со стороны Охотского моря. Кружной маршрут на Амур с Лены на охотское побережье, а оттуда по штормовому морю был слишком длинным и рискованным. В Якутске думали, как добраться до Амура напрямик.

В 1643 году якутский воевода Петр Головин отправил в дальний поход на юг Василия Пояркова. Под его началом был солидный, по сибирским понятиям, отряд – 132 человека на шести больших речных судах-дощаниках. Поярков поплыл из Якутска по Лене, затем стал подниматься по рекам Алдан, Учур, Гонам. На гонамских порогах разбились два дощаника, потонула часть припасов и снаряжения. Зима застала русских в горах. Поярков оставил часть отряда охранять вмерзшие в речной лед суда, а сам с 90 казаками пошел налегке дальше.

Русские перешли на лыжах Становой хребет и вышли к реке Зее, впадающей в Амур. Зимой Приамурье показалось казакам вовсе не «райской землицей». Кончалось продовольствие, и Поярков послал 70 казаков за хлебом в соседний даурский городок. Его жители соглашались дать немного крупы и скота, но казаки потребовали большего и попытались захватить городок силой. Дауры оказались сильнее, русским самим пришлось отбиваться, засев в стоявших рядом юртах. Только на четвертые сутки, воспользовавшись темнотой, казаки сумели прорваться в зимовье к Пояркову.

Но они вернулись без продовольствия. Дауры взяли русский острожек в осаду. Все вражеские приступы были отбиты, но гораздо страшнее оказался голод. Казакам приходилось питаться «травой и кореньями», некоторые дошли до того, что ели убитых врагов. За зиму в остроге умерло 40 человек. Только когда на реках сошел лед, подоспели с припасами казаки, оставленные на Гонаме.

Поредевший отряд спустился по Зее к Амуру. Поярков собирался строить постоянный острог, но вначале отправил вниз по реке на разведку 25 человек. На обратном пути разведчики попали в засаду, когда шли берегом, таща суда бечевой. Казаки едва успели соорудить маленькую «крепь» из срубленных деревьев и послать за подмогой, но когда она подоспела, все было кончено, разведчики погибли.

Потеряв столько людей, Поярков не решился оставаться в Даурии. Русские поплыли вниз по Амуру мимо поселений земледельцев

дючеров и рыболовов натков (нанайцев). Рыболовами были и жившие в низовьях Амура гиляки, в чьих землях Поярков расположился на зимовку. Весной 1645 года было решено возвращаться в Якутск Охотским морем, по пути, проложенному Москвитиным.

Переход из устья Амура к устью реки Ульи на неприспособленных к морскому плаванию речных судах занял почти три месяца. Не решаясь выйти в открытое море, казаки обходили каждый залив у самого берега и все же не раз попадали в шторма и чудом избежали кораблекрушения. На Улье Поярков остановился на свою третью зимовку, а на следующий год добрался до Якутска. Русским не удалось закрепиться на амурских берегах, с Поярковым вернулась лишь треть тех, кто отправился в поход. Тем не менее дорога в Приамурье была проложена, хотя этот путь по Алдану, Учуру и Гоному, а далее через горы Станового хребта оказался очень трудным[65].

В том же 1646 году, когда Поярков вернулся в Якутск, русские промысловики отыскали более удобную дорогу на Амур по притоку Лены Олёкме. Впервые о том, как добраться коротким путем до владений даурского князя Лавкая, услышал от тунгусов Григорий Вижевцев, промышлявший на впадающей в Олёкму речке Тугир. Однако после малоудачного похода Пояркова власти Якутска не предпринимали больших усилий для организации новой экспедиции в Приамурье.

Поход Хабарова

Об Олёкминском пути стало известно Ерофею Павловичу Хабарову, разбогатевшему выходцу из устюжских крестьян, владевшему пахотными угодьями на верхней Лене. Он добился разрешения на поход у проезжавшего через Илимск нового якутского воеводы Дмитрия Францбекова. Хабаров организовывал экспедицию за свой счет, взяв большую часть средств в долг у воеводы. «В Дауры» вызвалось идти 70 добровольцев, которые называли себя «охочими казаками». Они, в отличие от служилых людей, не получали жалованья и рассчитывали только на добытое в походе.

В 1649 году отряд отправился из Илимска на двух стругах. Хабаров проплыл по Лене до впадения в нее Олёкмы, поднялся по ней, преодолевая пороги, до устья речки Тугир, где было устроено зимовье. В самом начале 1650 года русские пошли через Тугирский волок, суда тянули на нартах. Перевалив горы, отряд вышел к реке Урке, а по ней – к верхнему течению Амура, где правил даурский князь Лавкай.

Русские нашли пять пустых городков. Услышав о приближении неведомого войска, дауры покинули свои жилища и отступили на восток. Князь Лавкай явился было на встречу с Хабаровым, но затем прервал переговоры. Узнав, что дауры собрали тысячное войско, Хабаров решил отправиться за помощью. Он оставил в главном городке Лавкая 50 «охочих казаков», а сам отправился в Якутск. Там Хабаров расхваливал Приамурье как воистину «райскую землицу», где много зверя в лесах, рыбы в реках, а главное – исключительно плодородная земля. По словам Хабарова выходило, что Даурия стоит всей остальной Сибири, Амур же станет для России второй Волгой[66].

Воевода Францбеков оказал Хабарову всяческое содействие, и тот поспешил обратно на Амур уже во главе отряда в полтораста служилых и охочих людей с тремя пушками. Прибыв осенью 1650 года в Лавкаев городок, Хабаров не застал оставленной им полусотни казаков. Они отправились в поход вниз по течению Амура и подошли к городку даурского князя Албазы. Казаки построили рядом с Албазиным городком свой маленький острожек, откуда пошли за штурм, укрываясь от летевших стрел за осадным щитом на колесах. Дауры, видя малочисленность атакующих, сами сделали вылазку и отбросили казаков назад в их острожек. Дело принимало для русских плохой оборот, но тут появился Хабаров с новым отрядом.

Видя прибытие свежего войска, дауры покинули свой городок. Хабаров остановился в нем на зимовку. По замерзшему Амуру казаки на лыжах и нартах обходили соседние поселения дауров и тунгусов и собирали ясак. Набранное из «охочих людей» войско Хабаро-

ва часто вело себя крайне жестоко по отношению к местным жителям, вопреки строгим предписаниям властей приводить «иноземцев» в российское подданство «лаской и приветом, а не жесточью». Хабаров, не имевший опыта «государевой службы», не всегда понимал, что крутые меры могут обернуться против него самого.

По приказу Хабарова были казнены взятые у дауров и тунгусов заложники-аманаты. В результате оказались разорванными наладившиеся было нормальные отношения между русскими и местными жителями. Прекратились выплаты ясака, дауры покидали свои селения. Летом 1651 года Хабаров оставил Албазин и с целой флотилией речных судов отправился в плавание по Амуру. Соседний городок князя Досаула его жители подожгли, лишь увидев русские струги. Следующий городок, принадлежавший князю Гойгудару, решил сражаться. Конные дауры сначала пытались не дать казакам пристать к берегу. Русские все же высадились, и воины Гойгудара отошли в крепость, окруженную тремя линиями рвов и частоколов.

Хабаров построил свои укрепления, откуда даурский городок обстреливали из пушек, пищалей и мушкетов. Дауры открыли ответную стрельбу из луков, земля была утыкана стрелами, «как нива стоит засеяна». Когда пушечные ядра пробили брешь в стене, казаки, одетые в куяки, прикрываясь от стрел щитами, бросились на приступ. Первый, «нижний город», был взят. За вторую линию укреплений русские прорвались только на следующий день. Самый жестокий бой развернулся за последний, «верхний город», где были порублены саблями и поколоты копьями последние защитники Гойгударова городка.

Спускаясь дальше вниз по Амуру, русские увидели брошенный городок князя Банбулая. Вокруг него колосились несжатые нивы. Большинство отряда на собравшемся круге решило остаться на этом месте, собрать хлеб и устроить постоянное поселение. Хабаров выгодно продал своим людям заранее припасенные серпы и косы. Однако через три недели «охочие казаки» бросили начатое дело и вновь отправились в плавание, прослышав о богатых даурских улусах на реке Зее.

К расположенной при впадении Зеи в Амур самой сильной крепости Даурской земли – городку князя Толги – был скрытно выслан передовой отряд. Казаки-разведчики, подкравшись на легких стругах, незаметно заняли мощные укрепления, пока дауры беспечно пировали на лугу под городскими стенами. Когда появились главные силы Хабарова, воины князя Толги увидели, что в их крепость уже проникли русские ратники. Дауры попытались укрыться в соседнем лесу, но с казачьих стругов выгрузилась конница, она окружила беглецов и заставила сдаться.

От взятого в плен князя Толги потребовали заплатить огромный выкуп за освобождение своих жен и дочерей. Сам князь остался заложником-аманатом под выплату ясака. Хабаров начал перестраивать Толгин городок в русский острог, чтобы остаться в нем надолго, казаки делили места под будущие дома. Но через несколько дней жившие под городком дауры разом сели на коней и умчались, бросив свои жилища. Оставшийся в руках у русских князь Толга отказался уговаривать своих подданных вернуться и вскоре заколол себя ножом.

Оставшись без ясачных людей, Хабаров вновь отправился в плавание, запалив с досады Толгин городок. Уже осенью русские струги спустились по Амуру в земли дючеров и ачанов (ульчей). В Ачанской земле казаки стали устраиваться на зимовку. Хлеб здесь уже не возделывали, и русские пополняли запасы продовольствия рыбной ловлей. Половина отряда отправились на лов в низовья Амура. И тут на утренней заре 8 октября к Ачанскому острогу скрытно подошла флотилия дючерских и ачанских лодок.

На берег высадилось 800 воинов. Тихо сняв караульных, они подползли к острогу и подожгли его стены, однако поднятые по тревоге казаки потушили пожар. Хабаров повел казаков на вылазку. После двухчасового боя дючеры и ачаны отступили к своим лодкам и спешно погребли вверх по Амуру. Зима в Ачанском остроге прошла спокойно, но вскоре русским

предстояло столкнуться с новым, гораздо более опасным противником[67].

Казаки уже слышали от дауров и дючеров о «богдойских людях», иногда приходивших на Амур «с огненным боем». Богдоями называли подданных богдыхана – такой титул носил маньчжурский правитель Китая. Маньчжуры были воинственным народом, жившим южнее Приамурья. Незадолго до того, как русские впервые появились на Амуре, маньчжуры завоевали большую часть Китая, основав там новую правящую династию – Цин. Русские первое время думали, что «царь Богдой» – всего лишь один из местных князей. Хабаров даже собирался заставить его признать власть русского царя.

Маньчжурские власти тоже вначале не считали русских опасным врагом. Чтобы разделаться с ними, из Маньчжурии был послан отряд в 600 человек под началом командира Сифу. У маньчжуров имелось огнестрельное оружие – 6 пушек и 30 пищалей, каждая с тремя или четырьмя стволами. На Амуре к Сифу примкнули полторы тысячи даурских и дючерских воинов.

Утром 24 марта 1652 года маньчжурские всадники, одетые в доспехи, выехали к Ачанскому острогу. Дозорные подняли тревогу. Часть казаков ночевала в домах вне острога, им пришлось в одних рубашках перебираться через стену. Маньчжуры установили пушки и пищали и начали стрельбу по острогу, русские ответили своим огнем. Перестрелка продолжалась целый день. Вечером маньчжуры закрепились в брошенных домах и открыли с их крыш прицельный огонь. Под его прикрытием враги сумели вплотную подойти к острогу.

Маньчжуры вырубили три звена бревенчатой стены и попытались принудить казаков сдаться. По призыву Хабарова защитники острога поклялись умереть все до одного, но не отдаться живыми в руки «богдойских людей». Сдерживая натиск врага, казаки подтащили к пролому большую пушку и встретили штурмующих выстрелом в упор. Чтобы не дать маньчжурам опомниться, Хабаров повел в атаку часть казаков, велев остальным не прекращать огня. В сгустившихся сумерках русское войско показалось маньчжурам неисчислимым. После жаркой рукопашной схватки неприятель отступил, оставив на поле боя 2 пушки и 17 пищалей, а также хлебный обоз. В бою маньчжуры и их союзники потеряли 676 человек, потери русских составили всего 10 убитых и 76 раненых. После сражения у Ачанского острога маньчжуры заговорили о русских с уважением: «храбрые как тигры и искусные в стрельбе»[68].

Ярким примером доблести и мужества казаков на Амуре стало также плавание отряда из 27 человек во главе с Иваном Нагибой по всему течению реки в 1651–1653 гг. Направленные на помощь Хабарову, они разминулись с ним, прорвались к устью Амура с непрерывными боями и смело пустились в морское плавание. У Шантарских островов казачье суденышко было раздавлено льдами, «войско» Нагибы лишилось почти всего продовольствия и снаряжения, но, претерпев невероятные лишения, добралось до Якутска «сухим путем», не потеряв ни одного человека и даже сумев взять ясак со встретившихся на этом пути тунгусов[69].

Весной 1652 года Хабаров поднялся на дощаниках вверх по Амуру, чтобы восстановить связь с Якутском. Туда через Тугирский волок была отправлена собранная пушнина. Получив подкрепление, отряд Хабарова вырос до 300 человек. Однако, вопреки заведенным русскими в Сибири порядкам, Хабаров не останавливался в постоянном остроге, который стал бы центром присоединенной территории. Его войско плавало по Амуру в поисках провианта и добычи, которых было уже не так много, – все больше даурских и дючерских селений казаки находили сожжёнными или покинутыми.

В августе 1652 года в отряде Хабарова произошел раскол. Часть казаков самовольно уплыла в низовья Амура, поставив там свой острог. Хабаров отправился следом и под угрозой пушек заставил смутьянов вернуться под свою власть. Сооруженный ими острог он пустил на дрова во время зимовки, а весной 1653 года снова снялся с места и поплыл вверх по Амуру.

К тому времени действия хабаровского войска настолько заинтересовали Москву, что оттуда был отправлен для проверки дел на месте высокопоставленный чиновник («стольник») Дмитрий Зиновьев. В сопровождении 330 ратных людей он прибыл в устье Зеи, где был торжественно встречен отрядом Хабарова в 320 человек и местными «князцами», принявшими российское подданство. Хабаров и его полчане получили царские награды (золотые монеты разного достоинства), но тянувшиеся вдоль Амура сожженные городки и запустевшие пашни убедили Зиновьева в необходимости смены руководства в хабаровском войске.

Покоритель Приамурья был по сути дела арестован и отправлен для разбирательства в Москву. Зиновьев оставил за старшего пушкарского десятника Онуфрия Степанова по прозвищу Кузнец, который у Хабарова числился есаулом. Уезжая, Зиновьев дал указание завести на Амуре пашни и построить постоянные остроги. Однако хабаровцы и без своего командира продолжали действовать по-старому[70].

Дорога за Байкал

Добраться до Даурских земель пытались не только с севера, с притоков Лены, но и с запада – со стороны Байкала. Этого огромное озеро русские вслед за местными жителями уважительно величали морем. Первым из землепроходцев на Байкале побывал в 1643 году пятидесятник Курбат Иванов, выйдя из Верхоленского острога. Он посетил западный берег озера-моря и остров Ольхон. В том же году казак Скороходов, пытаясь найти путь в Даурию, переправился на восточный берег Байкала, но его небольшой отряд был уничтожен тунгусами на реке Баргузин.

В 1644 году из Енисейска вышли «проведывать» пути за Байкал два отряда. Один вел Иван Похабов, другой – Василий Колесников. На Ангаре выше Братска Похабов построил Осинский острог. В то же время на северном берегу Байкала Колесников основал Верхнеангарский острог. Из этих двух острогов началось продвижение в Забайкалье с севера и юга.

Выйдя из Осинского острога, отряд Похабова поднялся по Ангаре до Байкала и перешел на южный берег озера, где русские действовали уже на реках Селенге и Уде. Подчинить кочевавших там бурят долго не удавалось. Бурятская конница держалась вдалеке от рек, а русские опасались удаляться от своих судов. Ближе к зиме, переместившись к западному краю Байкала, казаки наконец смогли застигнуть бурят врасплох. Их князь Нарей попал в плен, его соплеменники согласились признать власть России и платить ясак.

Зимой к Похабову явился казак из отряда Колесникова, пославшего несколько групп разведчиков для исследования Забайкалья. Трое казаков добрались до Монголии («Мунгальской земли»). Монгольские правители считали бурят своими данниками. Прослышав, что русские собирают с них ясак, монголы задержали казаков. Одного из них отправили к Похабову, чтобы тот вернул взятые с бурят меха, иначе два других русских будут казнены.

Похабов немедленно пустился «лыжным ходом» в ставку Цецен-хана – одного из трех главных правителей Монголии. На переговорах с монголами русские проявили достоинство. Они отказались кланяться ханской юрте и сидеть по монгольскому обычаю на коленях, сказав, что это унизило бы честь их государя. Уверенность, с которой держались послы, так впечатлила монголов, что они признали за Россией право требовать ясак с бурятских племен. Правда, монгольские ханы и сами продолжали собирать с них дань[71].

В то время, когда русские отряды проникли в Забайкалье, немногочисленные гарнизоны прибайкальских острогов оказались в осаде восставших бурят и тунгусов. Поводом к возмущению стал сбор с них двойной дани. Граница между сибирскими воеводствами еще не была точно определена, и сборщики из Верхоленска брали меха для отправки в Якутск, а из соседнего Верхнеангарска с тех же ясачных людей тут же требовали пушнину для Енисейска.

Восстание охватило большую территорию. В Осинском остроге Похабов оставил только 17 ратных людей. Они целый год оборонялись от окруживших их бурят. У защитников острога кончился хлеб, с голода они ели траву и древесную кору. Когда положение стало совсем безнадежным, четыре оставшихся казака взяли с собой пушку, чтобы не досталась врагу, и прорвались на карбасе в Братск. От «хлебной скудости» ушел гарнизон и из Верхнеангарского острога, прежде чем из Енисейска подоспела помощь – отряд Ивана Галкина.

В 1648 году Галкин основал первый постоянный русский острог в Забайкалье на реке Баргузин. Из Баргузинского острога отправлялись для разведки новых земель небольшие группы казаков. В результате удалось узнать о пути, по которому можно было добраться, переходя по рекам, из Байкала в Приамурье. Несколько казаков-разведчиков из Баргузинского острога даже побывали на Шилке – одном из двух (вместе с Аргунью) истоков Амура.

Пройти разведанным путем было уготовано другому прославленному покорителю Якутии – Петру Бекетову. Осенью 1652 года Бекетов выступил из Енисейска во главе отряда в 140 человек. Когда русские поднимались по течению Ангары, на них дважды нападали вновь восставшие буряты. Русские суда прорвались через град бурятских стрел и «парусным ходом» вышли в Байкал. Переплыв его, енисейцы остановились на зимовку на южном берегу озера.

Летом 1653 года, построив дощаники, отряд поплыл вверх по Селенге. С востока в Селенгу впадал мелководный Хилок. Дощаники пришлось переделывать в барки. Поднявшись по Хилку, экспедиция Бекетова достигла водораздела, оттуда реки уже текли на восток – в сторону Амура. В верховьях Хилка, у начала волока было поставлено Иргенское зимовье. Поздней осенью казаки успели перебраться на речку Ингоду и начали спускаться по ней на плотах. Но тут грянули морозы, и плоты вмерзли в лед. Часть отряда двинулась на лошадях по речному льду вниз по Ингоде. Они добрались до реки Шилки и заложили при впадении в нее речки Нерчи зимовье.

Большую часть своих людей Бекетов отправил назад в Енисейск с собранной соболиной казной и подробными отчетами. Обосновавшиеся в двух маленьких острожках, русские распахали пашню, вели успешные поиски серебряной руды. В Восточном Забайкалье господствовали «конные» тунгусы князя Гантимура. Они, в отличие от других тунгусов – таежных охотников и оленеводов, – были степными кочевниками и отличались особыми навыками в ратном деле. По словам современников, нередко полсотни конных тунгусов в открытом бою побеждали четыре сотни монголов[72].

Первоначально Бекетову удалось убедить Гантимура признать власть «белого царя». Затем отношения с тунгусами осложнились. Они угнали казачий табун, вытоптали конями все посевы, взяли остроги в осаду и не давали русским выйти оттуда, чтобы добыть пропитание. В бекетовском отряде возникла угроза голода. «От хлебной скудости» Бекетов отпустил тридцать человек вниз по Шилке на Амур – искать пропитание, а затем подался в Приамурье и сам, оставив в Шилкском и Ингодском зимовьях немногих людей[73].

Победы и поражения

Под началом сменившего Хабарова Онуфрия Степанова действовало уже более пятисот «охочих» и служилых казаков. Для Сибири это была серьезная сила. Но в Приамурье русским приходилось иметь дело не с отрядами племенных вождей, а с армией, только что покорившей многомиллионный Китай. У маньчжуров был не только численный перевес, но и больше артиллерии. Русские ружья, правда, по всем статьям превосходили ручное огнестрельное оружие китайской выделки: у амурских казаков они, в частности, были снабжены в основном ударно-кремневыми замками, неизвестными китайцам[74]. Однако это не меняло дела – в лице маньчжуров русские на севере Азии впервые столкнулись с противником, который превосходил их по огневой мощи.

Типы ручного огнестрельного оружия XVII в.
1 – Мушкет с фуркетом. 2-я четверть XVII в. Калибр 20 мм. Общая длина 155,4 см. Масса 4,5 кг. 2 – Мушкет. Конец XVII в. Калибр 20 мм. Общая длина 154 см. Масса 4,8 кг. 3 – Пищаль. 1-я четверть XVII в. Калибр 14 мм. Общая длина 113 см. Масса 4,6 кг. 4 – Пищаль. 2-я четверть XVII в. Калибр 13,5 мм. Общая длина 116,9 см. Масса 4,5 кг. 5 – Пищаль. Середина XVII в. Калибр 22 мм. Общая длина 154 см. Масса 5,5 кг. Ствол сделан в Европе в г. Эссене. 6 – Пищаль. Середина XVII в. Калибр 17 мм. Общая длина 134,3 см. Масса 4 кг. Коллекция военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, С.-Петербург. Фотограф И. Садова. Публ. Е.А. Багрина

Обычные в Сибири рубленые стены острогов хорошо защищали от стрел, но не от пушечных ядер. Казаки не могли надеяться, как это было раньше, укрыться от врага на своих стругах – маньчжуры располагали собственными военными судами. Оставалось противопоставить врагу только отчаянную храбрость, боевое мастерство и смекалку.

Несмотря на превосходство в силах, маньчжуры не решались сразу напасть на русский отряд. Вместо этого они стали выселять из Приамурья вглубь Маньчжурии дауров и дючеров. Постепенно Даурия опустела.

Типы ручного огнестрельного оружия XVII в.
7 – Пищаль. Середина XVII в. Калибр 14,8 мм. Общая длина 111 см. Масса 2,3 кг. 8 – Пищаль винтовальная (винтовка). 2-я половина XVII в. Калибр 11,5 мм. Общая длина 99,4 см. Масса 2,6 кг. 9 – Карабин. 1-я половина XVII в. Калибр 13,5 мм. Общая длина 88 см. Масса 2 кг. 10 – Карабин. 1-я половина XVII в. Калибр 11,5 мм. Общая длина 99,5 см. Масса 2,2 кг. 11 – Пистолет. XVII в. Калибр 14,5 мм. Общая длина 57 см. Масса 1 кг. Коллекция военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, С.-Петербург. Фотограф И. Садова. Публ. Е.А. Багрина

Маньчжуры рассчитывали, что русские сами уйдут со ставших безлюдными берегов Амура[75]. Казаки остались, однако уже не могли пополнять запасы продовольствия у местного населения. Даурские пашни по Амуру были заброшены, самим заняться земледелием казакам никак не удавалось. Они терпели голод, но продолжали плавать вверх и вниз по Амуру.

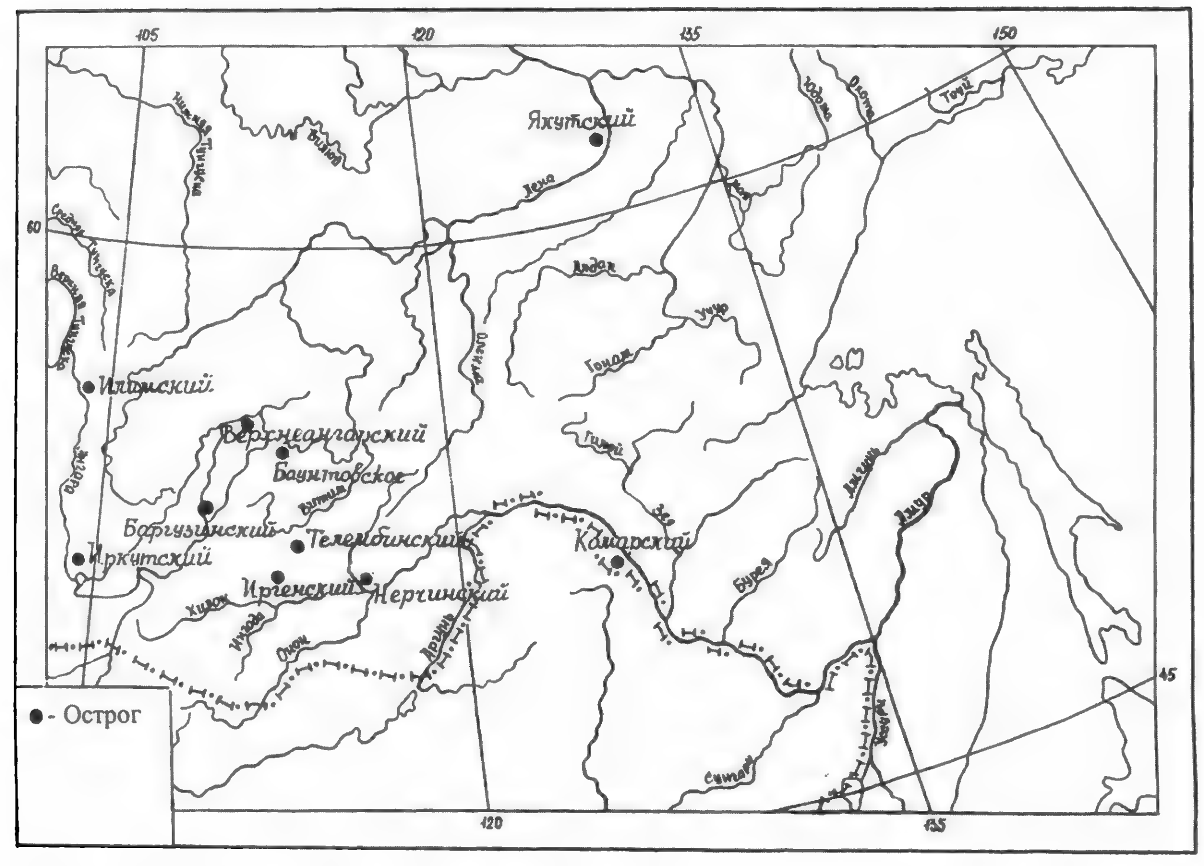
В июне 1654 года Степанов, в надежде добыть хлеба, повел свой отряд с Амура вверх по его притоку Сунгари. В ее верхнем течении начинались уже маньчжурские земли. Пропускать казаков в свои владения маньчжуры не

собирались. К этому времени позиция Цинов в Приамурье была усилена набором в маньчжурскую армию молодых дауров и дючеров, переводом из вассальной Кореи около 150 воинов (из них 100 были вооружены фитильными аркебузами), а также артиллерией и фортификационными сооружениями на Сунгари. В 100 км от ее устья путь русским стругам преградили легкие маньчжурские суда, рядом возвышались береговые укрепления с орудийными батареями. Дальнобойные пушки оттуда били на две версты. Чтобы не подставлять струги под огонь береговых батарей, казаки пересели в лодки и смело двинулись на врага.

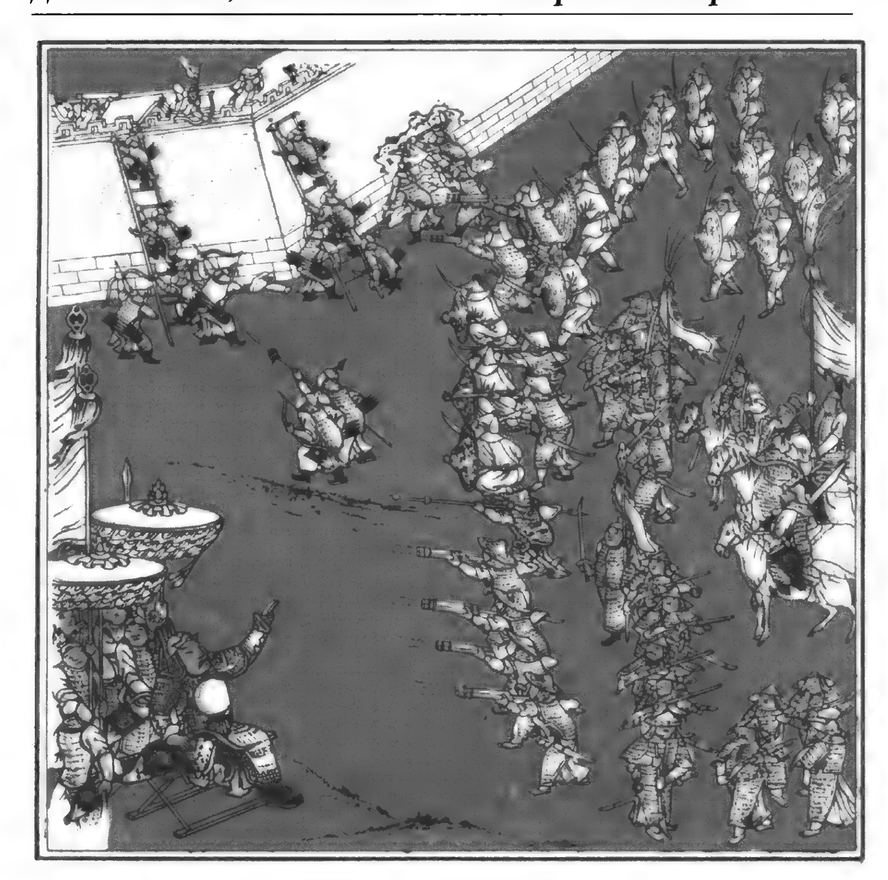
В речном сражении русские заставили отступить легкие суда противника, но когда казаки высадились на сушу, маньчжуры встретили их «огненным стройным боем с пушки и пищали». Русские несколько раз бросались в атаку, но так и не смогли прорваться сквозь вражеские укрепления под ливнем стрел, градом пуль и ядер. Степанов вынужден был повернуть назад. Одной из причин неудачи казаков было то, что у них подходили к концу боеприпасы.

На Амуре к Онуфрию Степанову присоединился пришедший из Забайкалья отряд Петра Бекетова. Прославленный землепроходец, важное лицо в гарнизоне Енисейска не счел зазорным подчиняться простому десятнику Степанову. Вместе они сумели хорошо приготовиться к следующему сражению с маньчжурами. Осенью 1654 года при впадении в Амур реки Кумары русскими была построена необычная крепость, способная защитить от «пушечного боя»[76].

Кумарский острог имел не башни, а низкие бастионы – «быки»; вместо привычных бревенчатых стен его окружали земляной

Остроги Забайкалья и Приамурья в 40–50-е гг. XVII в.
Карта-схема из кн. Артемьева А.Р. «Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв.» (Владивосток, 1999)

Маньчжуры штурмуют вражескую крепость.
Китайский рисунок.
Публ. В.С. Кузнецова

вал и двойной тын, засыпанный мелким камнем. Вокруг крепости в землю были вбиты заостренные колышки и наконечники стрел. Такое заграждение тогда называли «чеснок». В центре острога на возвышении – «раскате» – стояли русские пушки, способные вести огонь во все стороны. На случай применения неприятелем зажигательного оружия выкопали колодец, от которого к стенам были проложены желоба.

По приказу из Пекина полководец Минъандали повел в Приамурье по зимнему пути 10-тысячное войско с 15 пушками. Кроме маньчжуров, в этой армии были отряды монголов, дауров, дючеров, тунгусов. Ранним утром 13 марта 1655 г. неприятель подошел к Кумарскому острогу. 20 казаков, которые в это время рубили дрова в соседнем лесу, попали в плен и были казнены. В остроге затворилось 510 человек с одной большой и двумя малыми пушками.

Неделю маньчжуры строили осадные укрепления. 20 марта вражеская батарея, расположенная на высоком холме в 500 метрах от стен острога, начала сильный обстрел русской крепости. Под эту канонаду маньчжуры подошли ближе и стали строить укрепления уже в 150 метрах от крепостного вала. Оттуда неприятель не только обстреливал Кумарский острог из пушек, но и засыпал зажигательными стрелами.

24 марта начался решающий штурм – «навальный приступ». В бой были брошены все вражеские силы, чтобы «давом задавить» защитников Кумарского острога. Маньчжуры шли под прикрытием специальных осадных арб. Эти защищенные щитами телеги представляли собой маленькие крепости на колесах. Внутри них помещались стрелки и различные «приступные мудрости»: вязанки хвороста – заполнять ров, смола – поджигать деревянные укрепления, железные багры. Спереди к арбам были прикреплены штурмовые лестницы с железными крючьями – цепляться за стены[77].

Хорошо заметный деревянный «чеснок» маньчжуры предусмотрительно накрыли специальными щитами, но острия «опотайного»

железного «чеснока» поранили ноги неприятельским воинам. Русские встретили атакующих шквалом огня и смелой контратакой. На вылазке было побито много маньчжуров и захвачено две вражеские пушки. Штурм был отражен, однако осада Кумарского острога продолжалась. Обстрелы крепости из пушек, впрочем, не давали результата, укрепления острога оказались не по зубам вражеской артиллерии. 4 апреля Минъандали снял осаду. Взятое им продовольствие подходило к концу, а добыть провиант для большого войска в разоренной стране было невозможно. Уходя, маньчжуры частью сожгли, частью утопили военное снаряжение, которое они не смогли взять с собой[78].

...Примечательно, что в русском фольклоре запечатлены лишь два эпизода сибирских войн. Первый – это поход Ермака, нашедший прямое или косвенное отражение в народных песнях, преданиях, легендах и даже былинах богатырского цикла. А второй – оборона Кумарского острога, которая была описана в народной песне «Во сибирской во Украине, во Даурской стороне», помещенной в так называемый сборник Кирши Данилова (XVIII в.).

* * *

Летом 1655 года Онуфрий Степанов покинул Кумарский острог, где «хлебных запасов не стало нисколько». Русские продолжали перемещаться с места на место, добывая много ценной пушнины, но страдая от сильного голода. У казаков кончался порох и свинец. Небольшие русские отряды все чаще становились жертвами вражеских нападений. В 1656 году в низовьях Амура гиляки перебили 30, а дючеры – 40 казаков, потопив сразу два струга и барку. У истоков Амура тунгусский князь Гантимур подступил к построенным Бекетовым острожкам. Иргенское зимовье защищало 9 обессилевших от голода казаков, Шилкское – 10. Оба острожка были взяты и сожжены тунгусами.

В Москве между тем решили создать новое Даурское воеводство. Назначенный туда воевода Афанасий Пашков двинулся в поход по проложенному Бекетовым маршруту, признанному наиболее удобной дорогой на Амур – не надо было переходить с Ангары Илимским волоком и делать гигантский крюк по Лене и Олёкме. Летом 1656 года от Енисейска, где Пашков был до того воеводой, отплыли 40 дощаников с шестью сотнями служилых и вольных людей. Казаки Онуфрия Степанова с надеждой ждали прибытия на Амур новой рати. До Забайкалья Пашков добрался в 1657 году и зазимовал в восстановленном Иргенском остроге.

Степанов провел зиму в низовьях Амура. Весной следующего года его войско в 540 человек поплыло вверх по реке. От дючеров стало известно о приближении маньчжурской флотилии. Высланный на легких судах передовой отряд в 180 человек разминулся с неприятелем в речных протоках устья Сунгари. Главные же силы русских (360 чел.) приняли на себя весь удар вражеской флотилии.

Маньчжуры основательно подготовились к сражению с казаками: построили много новых судов, привезли из Пекина 50 артиллерийских орудий и к ним сотню канониров, к сотне своих стрелков из ручного огнестрельного оружия прибавили две сотни аркебузиров из вассальной Кореи. При маньчжурской флотилии находился многочисленный вспомогательный персонал (матросы, слуги, кашевары), так что общая численность противостоявшего русским войска превышала две тысячи человек. Из них, правда, лишь около 1400 человек являлись воинами, но и они почти в четыре раза превосходили по численности оставшееся в распоряжении Степанова войско. Кроме того, на стороне маньчжуров было ополчение из приамурских племен.

Утром 30 июня 1658 года маньчжурская флотилия из 47 кораблей («бусов», по русской терминологии) вышла из устья Сунгари в Амур и сразу же двинулась на 11 казачьих судов, стоявших на якорях посредине реки. Увидев столь явное неравенство сил, русские немедленно отплыли вниз по Амуру, но маньчжуры стали настигать и окружать их, обстреливая из пушек. Онуфрий Степанов выстроил свои суда в оборонительную линию поперек небольшого залива – Корчеевской луки – у правого берега Амура в 10 верстах ниже

устья Сунгари. Сражение приняло крайне ожесточенный характер и, как и следовало ожидать, закончилось разгромом русских, ибо они многократно уступали маньчжурам не только в численности, но и в огневой мощи. У казаков было 6 орудий против 50 маньчжурских, а ручное огнестрельное оружие русские не могли эффективно использовать из-за нехватки боеприпасов.

Многие казаки попытались спастись в прибрежном лесу, но там их встретили тучей стрел дючеры. Маньчжуры сожгли 7 русских судов. 4 взяли на абордаж. Ночью трем десяткам казаков, скрывавшихся на берегу, удалось захватить одно из своих судов – «Спасское» (с походной церковью) и уйти на нем вверх по Амуру. Еще 65 человек смогли благополучно пробиться через лес, 10 – сдались маньчжурам. Остальные (по разным источникам, от 209 до 270 чел.), включая самого Онуфрия Степанова, погибли. Маньчжуры в этом бою, несмотря на полный перевес над противником, тоже понесли серьезные потери – около 90 человек убитыми и 200 ранеными – и, посчитав свою миссию выполненной, надолго потеряли интерес к амурским землям, как, впрочем, и русские…

Вместе с передовым отрядом, не принимавшим участия в сражении, на Амуре оставалось 275 казаков. На следующий, 1659 год они попытались добраться до воеводы Пашкова, но встретили плывущие по Амуру обработанные бревна – «городовой острожный и башенный лес». Течение, поняли казаки, принесло все это от Пашкова. Они решили, что воевода погиб, как и Степанов, со всем своим войском. Потеряв надежду на помощь, казаки разделились на несколько отрядов и разными путями ушли из Приамурья.

…Бревна, которые видели на Амуре, действительно приплыли от отряда Пашкова. Его люди срубили деревянную крепость на Ингоде, а потом раскатали ее и сплавили по Шилке до впадения в нее реки Нерчи. Там, рядом с сожженным тунгусами Шилкским острогом, бревна выловили из воды и вновь собрали из них башни и крепостные стены. Так появился Нерчинск. Несколько связок бревен не сумели поймать, и они уплыли по Шилке в Амур, где их заметили казаки из войска Степанова.

Узнав о его разгроме, Афанасий Пашков не пошел дальше. Центром Даурского воеводства стал Нерчинск. Пашков проявил себя как плохой начальник, его войско быстро таяло от голода и болезней, поскольку воевода не позаботился об устройстве пашни и не отпускал своих людей охотиться и ловить рыбу. Он послал против враждебных тунгусов своего сына Еремея с 70 казаками. Этот отряд был полностью разбит. Раненый Еремей Пашков один вернулся в Нерчинск после недельного блуждания по лесам.

Тунгусы князя Гантимура ушли из Восточного Забайкалья в Маньчжурию. Маньчжуры уводили с берегов Амура остатки дауров и дючеров. Откочевали в Монголию после очередного восстания прибайкальские буряты. Это вполне устраивало маньчжуров, мечтавших видеть между собственными владениями и русскими землями безлюдную пустыню. Казалось, маньчжуры добились своего, но их торжество было недолгим[79].

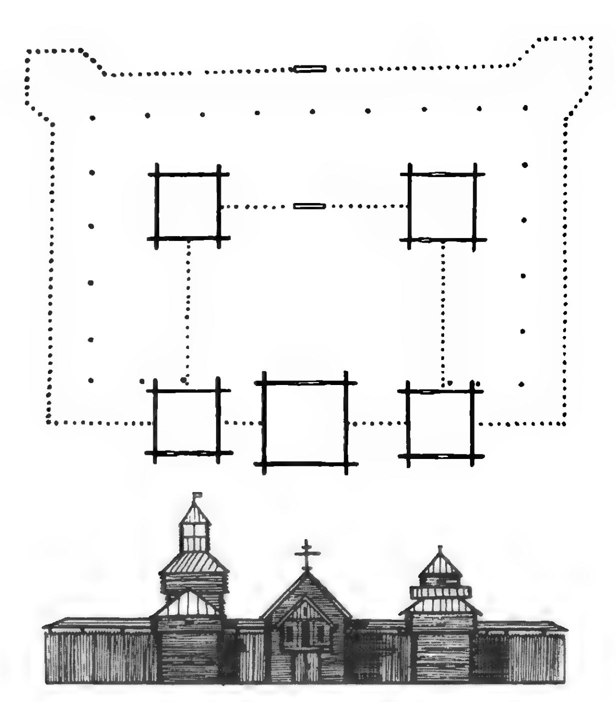
ВОЙНА С МАНЬЧЖУРСКИМ КИТАЕМ

Перед суровыми испытаниями

В 1665 году на Амуре вновь появились русские. Это были беглецы – участники восстания в Илимском уезде. Убив своего воеводу и страшась расплаты, 84 казака и крестьянина во главе со ссыльным Никифором Черниговским ушли в Приамурье и построили на месте разрушенного поселения даурского князя Албазы русский город Албазин. Амурские беглецы жили самовластно, пахали землю, собирали ясак с местного населения и отсылали пушнину в Нерчинск для отправки в Москву, поскольку считали себя российскими подданными. Через семь лет, в 1672 году власти простили Черниговскому и его товарищам былые преступления. Албазин, а с ним и Приамурье, вошли вновь в состав России.

Налаживалась жизнь и вокруг Байкала. Ушедшие в Монголию буряты очень скоро поняли, что правители «Мунгальской земли» более жестоки, чем русские власти. «Белый царь наказывает плетьми, а монгольский хан отрубает головы», – говорили в кочевьях. Постепенно бурятские племена потянулись назад, на родные земли. Это вызывало недовольство правителей Монголии. Их беспокоило и то, что русские закрепляются вокруг Байкала. В 1661 году был основан Иркутск, в 1665 году на реке Селенге были выстроены Селенгинский и Удинский остроги[80].

Монгольские ханы заявляли, что русские крепости стоят на их «породных землях», население которых обязано платить монголам дань. Монголы предлагали русским собирать с бурят и тунгусов двойную подать: одна пойдет в Монголию, другая – в Россию. Но русские власти встали на защиту своих ясачных людей.

Селенгинский острог в 1669 г.
Реконструкция В.И. Кочедамова с исправлениями А.Р. Артемьева

На границе «Мунгальской земли» началась затяжная война.

В 1663 году казаки из Баргузинского острога помогли местным тунгусам отразить набег монгольского отряда. В 1668 году сразу несколько монгольских князей вторглись с разных сторон в русские владения. С монголами, подступившими к Селенгинску, сумели решить дело миром. Зато другой их отряд далеко проник на север от Байкала. Монголы переправились через Ангару, дошли до Илимска и Верхоленского острога. В 1669 году под Нерчинском появилось 15-тысячное монгольское войско, угнавшее с собой многочисленный полон из бурят и тунгусов. В 1671 году монголы повторили набег. Монгольские

князья Кетайджи и Иркема даже устроили у Еравнинского озера свои кочевья, откуда грабили окрестных тунгусов. Когда русские власти предупредили, что обратятся с жалобой к верховному монгольскому правителю Очирою, князья-тайши ответили, что не подчиняются Очирой-хану.

В мае 1674 года на тайшей двинулись нерчинские и албазинские казаки под началом Григория Лоншакова и Никифора Черниговского. 400 русских ратников встретили трехтысячный отряд воинов Кетайджи и Иркемы. Сражение разыгралось у притока реки Уды, получившей после этого название Погромная речка. Тайши потерпели страшное поражение и поспешили спастись бегством в монгольские пределы. В том же 1674 году тайша Гыган, прорвавшийся было с юго-запада к Ангаре, был отброшен совместными действиями отрядов из Иркутска, Братского и Верхоленского острогов, а также поднявшихся против монголов прибайкальских бурят.

Осенью 1681 году боевые действия на монгольской границе вспыхнули с новой силой. В сентябре монголы появились под Селенгинском, отогнали пасшийся у острога многочисленный скот. Кочевники «похвалялись» сжечь русские крепости и пленить всех ясачных бурят. На беду монголам в Селенгинск в это время съехалось за хлебными запасами много русских из разных острогов. Против неприятеля немедленно выступили 330 служилых, промышленных и гулящих людей, к которым присоединилось и 70 бурят. Они разгромили вражеский отряд, вернули угнанный скот.

Большего успеха монголы добились в ноябре под Удинском, к которому подошли под прикрытием пурги. «Мунгальские люди» разорили бурятские юрты, угнали скот, но непогода все же заставила их бросить добычу. Всю зиму в заснеженных степях Забайкалья происходили стычки между русскими и монгольскими отрядами. В этих схватках чувствовалось приближение большой войны, в которой России предстояло столкнуться не только с монгольскими ханами, но и с огромной и могучей Поднебесной империей – Китаем[81].

Вражеское нашествие

Сами китайцы, впрочем, уже не были хозяевами в собственной стране. В середине XVII века огромное государство завоевали маньчжуры, они-то и правили в Китае. Высокомерные маньчжурские императоры-богдыханы считали все остальные страны мира незначительными и варварскими княжествами, которые должны подчиняться их власти.

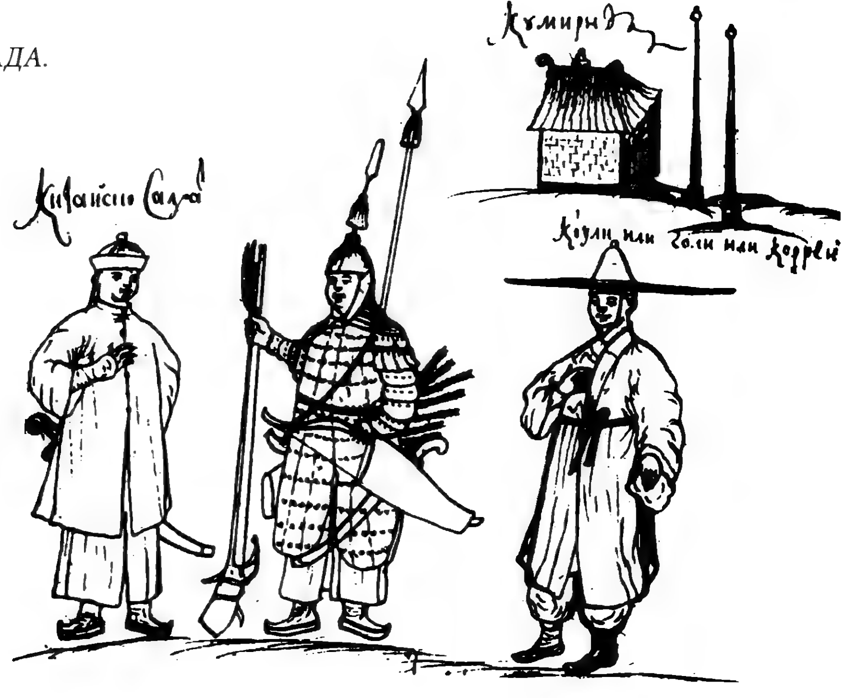
Из Пекина, столицы маньчжурского Китая, внимательно следили, как русские осваивают Приамурье. Хотя северные границы Маньчжурии тогда далеко еще не доходили до амурских берегов, богдыхан забеспокоился, что к его родовым владениям приближаются чужаки. К тому же к русским тянулись угнанные маньчжурами с родных земель дауры, дючеры, тунгусы, которые жаловались, что «жить им в Китайской области не в мочь»[82].

Если оседлым землепашцам даурам было трудно сняться с места, то кочевники тунгусы были легки на подъем. Тунгусский князь Гантимур, призванный в российское подданство еще Петром Бекетовым, потом воевал с русскими и ушел в Маньчжурию, где занял высокое положение. Теперь Гантимур бил челом нерчинскому воеводе с просьбой вновь принять его под покровительство русского государя и выразил желание креститься.

Уход Гантимура крайне разозлил Китай. Пекин потребовал выдать беглеца. Одновременно маньчжуры обещали ему немыслимые почести, если он вернется. Фигура Гантимура очень много значила. Добровольное принятие российского подданства самым влиятельным тунгусским князем закрепляло право России на Забайкалье и Приамурье. Это понимали и в Москве, куда были приглашены Гантимур и его сын Катанай. В пути старый князь умер, но Катанай был в столице щедро награжден. Потомки Гантимура получили русский дворянский чин по привилегированному «московскому списку», за ними признали и княжеский титул. Никто из правителей сибирских племен не удостаивался такой чести[83].

Китайские солдаты.
Рис. XVIII в. из фондов РГАДА.
Публ. А.С. Зуева

Отказ в выдаче непокорного князя стал для маньчжуров поводом к войне. Богдыханы объявляли себя потомственными правителями не только Приамурья, но и Забайкалья, Охотского побережья и всей Восточной Сибири, о которой маньчжуры имели самое смутное представление. Сражения под Ачанским и Кумарским острогами показали, что справиться с русскими будет непросто. Чтобы вести войну с Россией, для начала было необходимо закрепиться у ее границ, создать там свою военную базу.

Китайский император поручил руководство боевыми действиями в Приамурье опытному полководцу Лантаню. В конце 1682 года Лантань лично отправился с небольшим отрядом на разведку. Маньчжуры исследовали водный путь, по которому можно было перебросить на Амур большую армию. Лантань приблизился к Албазину, объяснив свое появление там охотой на оленей. На самом деле маньчжурский военачальник внимательно изучил состояние укреплений города и пришел к выводу, что их можно разрушить тяжелой артиллерией. На Сунгари строился огромный речной флот. Он должен был принять, помимо войск, разнообразное снаряжение и большое количество китайских рабочих.

Русские тем временем осваивали реки, впадающие в Амур с севера, – Зею и Бурею. 28 июля 1683 года направлявшиеся на Бурею 70 казаков и промысловиков во главе с Григорием Мыльником проплывали мимо устья Зеи и внезапно увидели за речным мысом маньчжурские суда. Чужие корабли прижали русские струги к берегу, встав полукругом и бросив якоря, но пока не предпринимали враждебных действий.

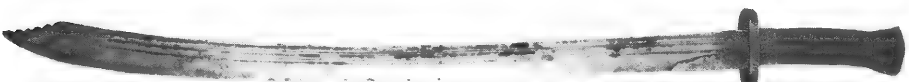
На следующий день русский командир получил от полководца Лантаня приглашение на дружеский обед. Мыльник поднялся на борт флагманского судна и был тут же арестован. Маньчжуры вероломно напали на русских. Казаки и промысловики отступили со стругов в лес. Их преследовала выгруженная на берег вражеская конница. Лишь несколько человек сумели добраться до Албазина и сообщить о начале войны.

Крупный маньчжурский отряд поднялся на судах вверх по Зее и ее притоку Селемдже. Под натиском маньчжуров русские оставили Долонский и Селемджинский остроги, их небольшие гарнизоны двинулись на север и через занесенные снегом горные перевалы добрались до Якутского воеводства. Два десятка русских ратников оказались окруженными

Образцы вооружения маньчжурской армии.
Публ. Е.А. Багрина

Сабля. Китай. XVII в. Частная коллекция В. Белановского

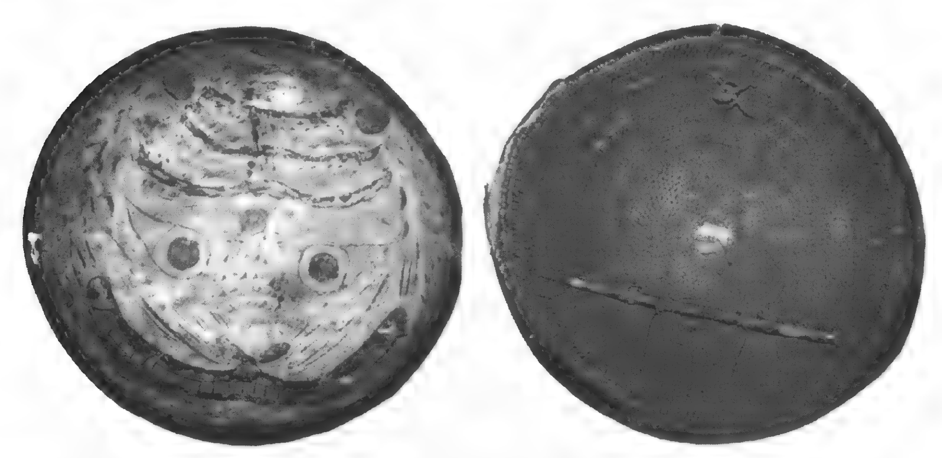

Сабля фэнчидао (крыло феникса). Китай. XIX в. Изготовлена в подражание образцам XVIII в. Коллекция Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, Владивосток. Фотограф А. Якушев

Малый боевой цеп бяньгунь. Китай. Период Цин (1636–1912). Атрибуция А. Пастухова. Частная коллекция В. Белановского

Трехствольная ручница саньянцзян. Китай. Период Цин (1636–1912). Атрибуция А. Пастухова. Частная коллекция В. Белановского

Щит (лицевая и внутренняя стороны). Китай. XVIII–XIX вв. Коллекция Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, Чита

в Верхнезейском остроге и продержались там против маньчжурского войска до февраля следующего года.

На южном берегу Амура напротив устья Зеи Лантань основал первую китайскую крепость в Приамурье – Айгун. За его земляными стенами расположилась сильная армия. 1684 год прошел в постоянных нападениях конных отрядов из Айгуна на русские деревни. Вражеские всадники грабили, жгли, убивали, угоняли в плен. Служилых людей не хватало для защиты всех поселений. Албазинский воевода Алексей Толбузин велел крестьянам амурских деревень собираться

Шлем маньчжурский. Конец XVII – начало XVIII в. Коллекция Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, Владивосток. Фотограф Е. Багрин

Орудие шэньвэй цзянцзюнь (священный грозный полководец) было отлито в 1681 г. в серии из 320 легких артиллерийских орудий, предназначавшихся для усиления цинских Восьмизнаменных войск. Проект был разработан известным в истории Китая миссионером-иезуитом из Бельгии Фердинандом Вербистом (1623–1688), упоминающимся в цинских документах под китайским именем Нань Хуайжэнь. Атрибуция А. Пастухова. Коллекция Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, Чита. Фотограф С. Васильев

Орудие шэньвэй цзянцзюнь. Рисунок из наставления по обучению стрельбе из орудий «Шэньвэй тушо». XVII в.

Образцы вооружения маньчжурской армии.
Публ. Е.А. Багрина

под защиту крепостных стен. Не все успели это сделать[84].

10 июня 1685 года снизу по Амуру к Албазину подошел неприятельский флот. В это же время с верховий к городу подплывали на плотах крестьянские семьи – 40 человек вместе с женщинами и детьми. Маньчжурские корабли расстреляли заполненные людьми плоты из пушек. На берег высадилась 5-тысячная армия Лантаня, у которой было 30 пушек, в том числе купленные у голландцев специальные стенобитные орудия.

У воеводы Толбузина было всего 3 пушки и 450 ратников – казаков, крестьян, промы-

Боевой цеп. Корея. XVIII в. Коллекция Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, Владивосток. Фотограф Н. Богданова

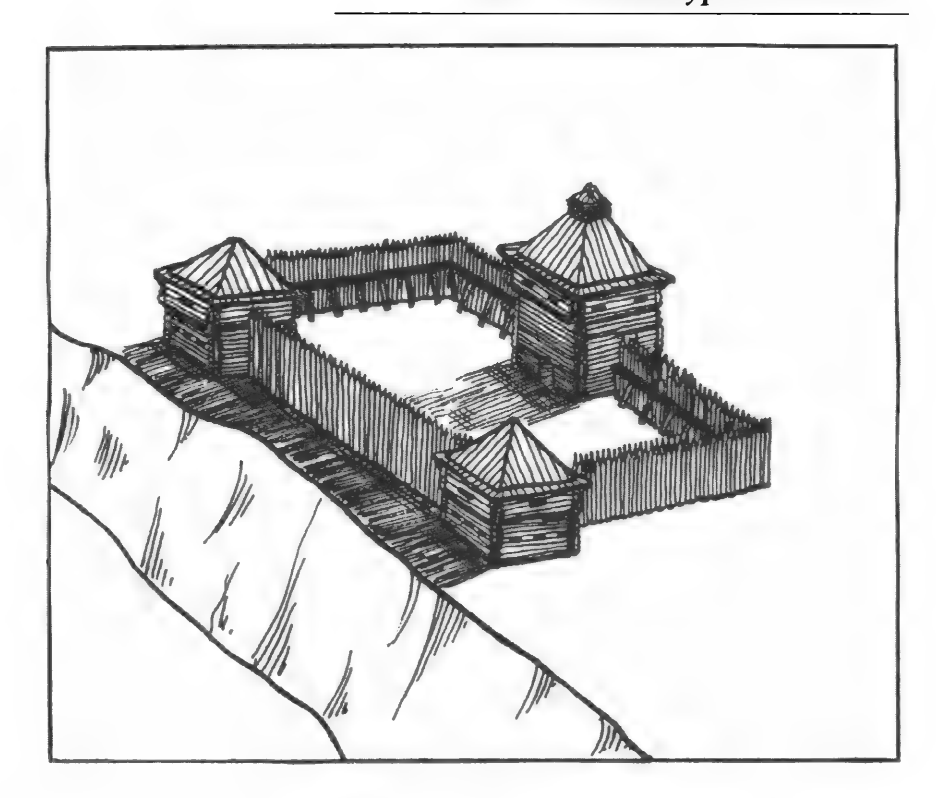
Шлем кавалерийский офицерский. XVII в. Корея. Коллекция Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, Владивосток. Фотограф А. Якушев

Корейский всадник с цепом. Рисунок из «Муе тобо тхонджи». XVIII в.

Нань Хуайжэнь (Фердинанд Вербист)

Образцы вооружения маньчжурской армии.
Публ. Е.А. Багрина

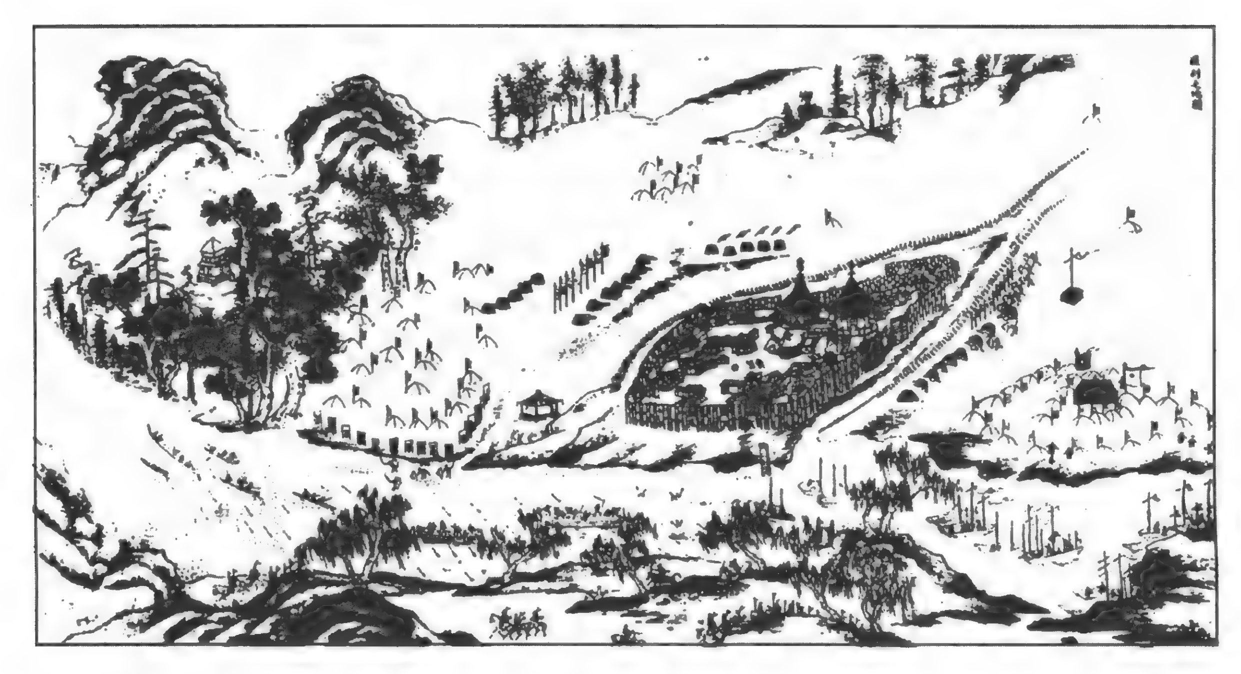
словых людей. Два дня маньчжуры возводили вокруг Албазина осадные сооружения, насыпали земляные валы, устанавливали дощатые щиты и плетеные туры. К задней стене русской крепости скрытно подвезли голландские пушки. Когда вражеская артиллерия открыла огонь, оказалось, что пушечные ядра легко пробивают бревенчатые укрепления Албазина, часто пролетая весь город насквозь. От зажигательных снарядов сгорели хлебные амбары и церковь с колокольней. На рассвете 16 июня маньчжуры пошли на штурм полуразрушенной крепости. Бой продолжался до 10 часов вечера, когда неприятель отступил, потеряв 150 чело-

Албазинский острог в 1665–1681 гг.
Из кн. Артемьева А.Р. «Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв.» (Владивосток, 1999)

век убитыми. Русские лишились 100 человек – главным образом от артиллерийского обстрела. Была разбита одна русская пушка, у защитников Албазина кончались боеприпасы.

Лантань решил сжечь непокорный город. Маньчжуры засыпали крепостной ров хворостом и дровами и в последний раз предложили русским покинуть город. Толбузин понимал, что не сумеет долго продержаться. Он оставил Албазин и повел своих людей вверх по Амуру в Нерчинск. Лантань разрушил город до конца и увел свою армию. В Пекин по-

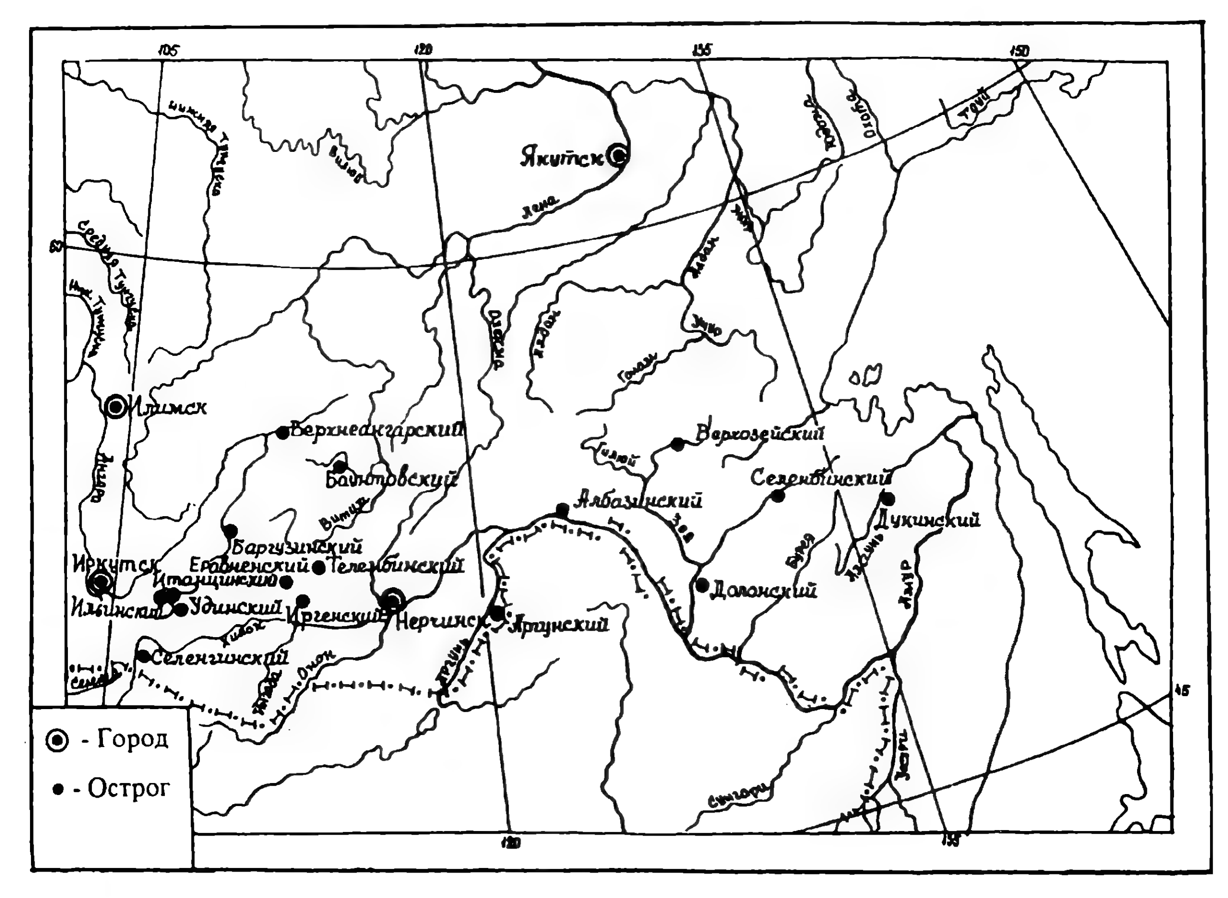
Осада Албазинского острога маньчжурами.
Фрагмент китайского свитка, хранящегося в Библиотеке американского конгресса

спешил гонец с вестью о победе. Богдыхан устроил по этому поводу торжественную церемонию и заявил, что видит в уничтожении Албазина знак «любви Неба». Однако в маньчжурском Китае радовались преждевременно. Русские люди были тверды в своем намерении «не потерять Даурской земли и побежной славы не учинить»[85].

Первые победы

Не падали духом даже русские пленники, которым было труднее всего. Маньчжуры рассылали грамоты, в которых расписывалось, что казаки перешли на службу богдыхану и живут в Китае сытой жизнью. А в маньчжурских тюрьмах у русских выпытывали сведения об укреплениях сибирских городов, о находящихся там гарнизонах. Некоторым пленным удавалось бежать. Другие даже в неволе продолжали исполнять свой долг. Они вели наблюдения, оценивая военную мощь Китая. Им удалось определить высоту и ширину Великой китайской стены, через которую их провозили. Казак Ларион Куликов из Верхнезейского острога весь плен пронес на себе под рубахой знамя своего отряда[86].

Во всей Восточной Сибири в 1685 году царила грозовая атмосфера. Ожидали, что после Албазина маньчжуры могут прорваться дальше на север. Готовились к обороне Якутск и Охотск, на горные перевалы высылались казачьи дозоры. Кроме маньчжурских войск серьезной угрозой были отряды правителей Монголии, вступивших в союз с китайским богдыханом. Летом 1685 года монгольские отряды несколько раз вторгались в Забайкалье, угоняли скот, убивали или брали в плен ясачных бурят и тунгусов.

Города и остроги Забайкалья и Приамурья в 60–80-х гг. XVII в.
Карта-схема из кн. Артемьева А.Р. «Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв.» (Владивосток, 1999)

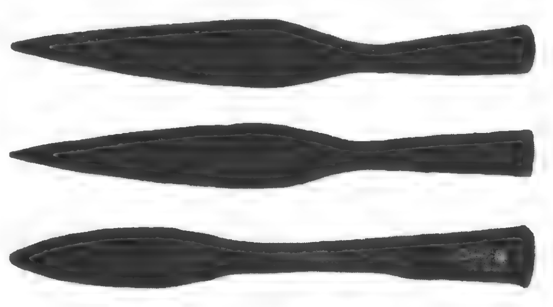
Секирка. XVII–XIX вв.
Коллекция Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева, Владивосток. Фотограф Е. Багрин

Секира. XVII в.
Коллекция Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, С.-Петербург. Фотограф И. Садова

Бердыши. XVII в.
Коллекция Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, Чита. Фотограф Е. Багрин

Образцы русского вооружения XVII в.
Публ. Е.А. Багрина

Десятитысячная орда монгольского правителя Цецен-нойона двинулась на Иркутск. На пути у кочевников лежал небольшой Тункинский острог, который обороняло всего 43 казака. Монголам не удалось сломить сопротивление защитников острога ни трехдневным непрерывным штурмом, ни месячной осадой. Иркутский воевода Леонтий Кислянский собрал служилых людей, вооружил горожан, окрестных крестьян и двинулся на выручку Тункинскому острогу. Не дожидаясь подхода иркутского отряда, Цецен-нойон снял осаду и отступил в Монголию, хотя у Кислянского было лишь 120 ратников.

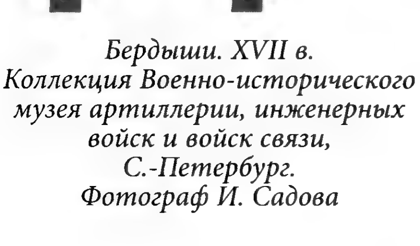

Наконечник копья. XVII в. Албазинский острог. Фото из книги «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февр. 1917 г.)» (М., 1991)

Наконечники копий. XVIII–XIX вв. Забайкалье. Коллекция Забайкальского краевого краеведческого музея им. А.К. Кузнецова, Чита. Фотограф Е. Багрин

Бердыши. XVII в. Коллекция Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, С.-Петербург. Фотограф И. Садова

Русский воин, вооруженный копьем и саблей. Миниатюра из Ремезовской летописи (до 1710 г.)

Образцы русского вооружения XVII в.
Публ. Е.А. Багрина

Русские воеводы ставили военные возможности «мунгалов» не слишком высоко по сравнению с «богдойскими людьми». Но монгольское вторжение все же повлияло на то, как сложились дела в Приамурье. Спешивший на помощь Албазину отряд западносибирских казаков во главе с Афанасием Бейтоном был вынужден ввязаться в бои в Забайкалье. Монголов в результате разбили, но Бейтон задержался в дороге и встретил в Нерчинске воеводу Толбузина, уже покинувшего Албазин.

Однако русские не собирались так просто отказываться от Приамурья. К Албазину был

Образцы русского панциря XVII в.
Публ. Е.А. Багрина

послан отряд разведчиков. Рядом с пепелищем города обнаружили беглеца с вражеского флота. Это был сын китайского рулевого, казненного маньчжурами за то, что посадил корабль на мель. Китаец рассказал об уходе маньчжурской армии. Неприятель покинул Приамурье так быстро, что даже не уничтожил посевы на засеянных русскими полях.

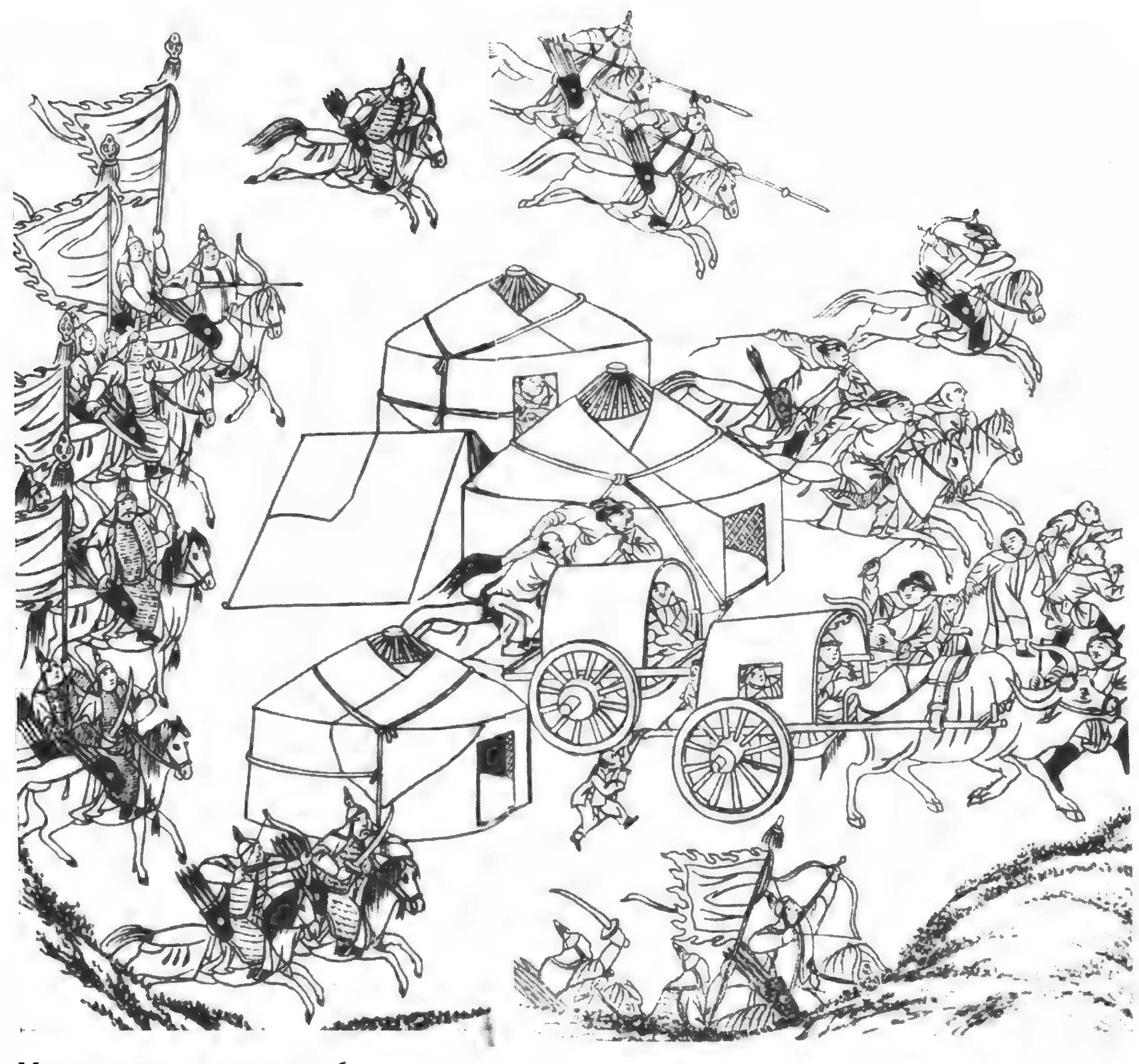
В августе 1685 года Толбузин и Бейтон привели своих людей, чтобы отстроить Албазин заново и превратить его в неприступную крепость. Раз оказалось, что бревенчатые стены не выдерживают пушечного огня, восстановленный город окружили высокие земляные валы, которые укрепляли плетеные туры, обмазанные глиной. В земляных валах вязли пушечные ядра, бессильны были против них и «огненные» стрелы. Чтобы лучше вести огонь, в земляных стенах сделали выступы – «бастеи» (бастионы). Вместе с укреплениями русские возводили дома, церковь. С окрестных полей был собран богатый урожай. У русских на этот раз было достаточно не только продовольствия, но и боеприпасов, в том числе имелись гранаты («ручные ядра») – военная новинка того времени.

Албазинцы не забывали высылать дальние караулы на случай приближения неприятеля. Наготове стоял отряд конных казаков под началом Бейтона. Как только караульные сообщали о появлении маньчжуров, казаки мчались на перехват врага. Маньчжурская конница старалась помешать восстановлению русских деревень. Большой отряд вражеских всадников успел разорить и сжечь три селения, пока его не настигли казаки Бейтона. В сабельной рубке маньчжуры были разгромлены. Зимой Бейтон повел три сотни всадни-

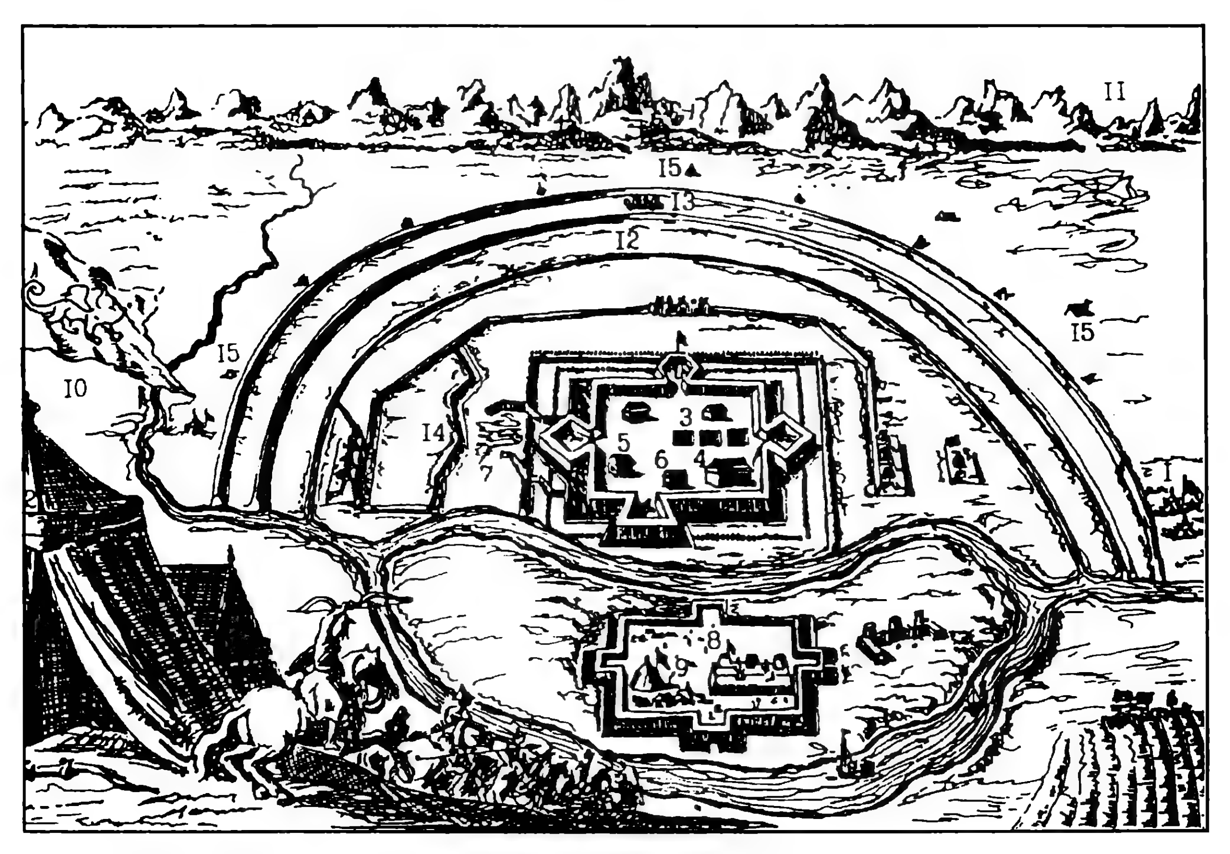
ков вниз по Амуру – к Айгуну. Недалеко от вражеской крепости казаки ударили из засады на маньчжурский отряд и уничтожили его. Взятые в бою пленные дали сведения о подготовке маньчжурами нового нападения на Албазин[87].

Непокоренный город

На этот раз Лантань получил от богдыхана инструкции взять, но не разрушать Албазин, чтобы использовать его как базу для дальнейшего наступления на Забайкалье. 7 июля 1686 года маньчжурский полководец второй раз подступил к Албазину. У него было 6 тысяч воинов, не считая китайских осадных рабочих, и 40 пушек (из них 15 – «ломовые»). Русскую крепость защищало 826 ратников с 9 пушками и 3 «затинными пищалями» (тяжелыми крупнокалиберными ружьями). Лантань потребовал от албазинцев покинуть город. Русские ответили: «Един за единого, голова в голову, а назад без указа не идем!» С самого начала неприятель почувствовал, что легкой победы не будет. Когда маньчжуры только высаживались с судов на амурский берег, по ним ударили вышедшие на вылазку казаки Бейто-

Маньчжурская конница в бою.
Рис. из «Маньчжоу шилу» (XVIII в.)

Албазинский острог. Осада крепости маньчжурами в 1686–1687 гг.
1, 2 – землянки маньчжурского командования; 3 – землянки; 4 – оружейная изба; 5 – гранатный погреб; 6 – пороховой погреб; 7 – дрова, приготовленные маньчжурами для поджога крепости; 8 – маньчжурские укрепления напротив Албазина; 9 – палатка маньчжурского генерала; 10 – белая гора; 11 – каменные горы; 12 – ров; 13 – окопы; 14 – ближние позиции маньчжуров; 15 – маньчжурский лагерь.
Рис. XVII в. Из кн. Н. Витсена «Северная и Восточная Татария»

на. Ряды вражеских воинов смешались. Лантаню пришлось вмешаться в бой самому и наводить порядок в войске[88].

Новую вылазку албазинцы сделали, когда ночью маньчжуры с двух сторон пошли на штурм города. До рассвета кипела сеча под крепостными стенами. Утром маньчжуры отступили в свой лагерь около судов. Тогда сами русские незаметно подобрались в тумане к вражеским позициям на речном берегу. Вся армия Лантаня едва не была сброшена в Амур. Но на стороне маньчжуров был слишком большой численный перевес. Русские вернулись в Албазин.

Лантань понял, что быстро с албазинцами не справиться, и стал готовиться к серьезной и долгой осаде. Для маньчжурской армии было построено четыре городка из землянок. Русскую крепость окружили траншеи, земляные валы с бойницами. С северной стороны маньчжуры насыпали холм в 15 метров высотой, откуда самые мощные «ломовые» пушки простреливали весь город. С юга огонь по городу должен был вестись с деревянной осадной башни.

Непрерывные обстрелы унесли жизни многих защитников Албазина. Был сражен ядром воевода Алексей Толбузин, наблюдавший из башни за вражескими позициями. Командование перешло к Афанасию Бейтону. Выходец из Германии, он поступил на русскую военную службу и долго жил в сибирском городе Томске, где женился и принял православие. На все предложения врага сложить оружие Бейтон неизменно отвечал: «Русские сдаваться не привыкши!»[89].

Из маньчжурского лагеря в город, наряду с ядрами, «беспрестанно» летели и «прелестные письма», в которых осажденным предлагали на выбор либо почетную капитуляцию (с разрешением уйти с Амура «в целости»), либо службу богдыхану (обещая принять «с честью» и обеспечить хорошим жалованьем). Но, как сообщалось в воеводской «отписке» в Москву, албазинские «осадные сидельцы положили меж собою» держаться до тех пор, пока у них не кончится продовольствие, «а как у них хлебных запасов не станет» – «пороховую и гранатную казну зажегши… идти с мелким ружьем из города к Нерчинску…»[90].

Пять раз защитники Албазина ходили на вылазки, особенно масштабной была последняя – 16 августа, когда казакам удалось сорвать тщательно готовившийся противником приступ. Убедившись в бессилии своих орудий разрушить албазинские укрепления, маньчжуры рыли подземный ход под стены города, чтобы потом подвести под них мину. С юга к Албазину двигалась осадная башня. Тогда русские подвели под башню собственный подкоп. От мощного взрыва огромное осадное сооружение взлетело на воздух, обломки башни обрушились на головы ошеломленных маньчжуров. Русские ринулись в атаку из-за крепостных стен, уничтожили подкопы и едва не захватили главную северную батарею противника. Маньчжурам еле-еле удалось отбить этот бешеный натиск.

Оборона Албазина длилась уже полгода. Силы защитников города таяли. От вражеских обстрелов и во время вылазок погибло 100 человек, но более 500 жизней унесла свирепствовавшая в городе цинга. Продовольствия в крепости хватало, но было мало воды и топлива. Правда, маньчжуры забрасывали Албазин зажигательными снарядами из смолистого дерева, которые русские приспособились тушить и использовать вместо дров. Но не было противоцинготных средств.

Маньчжуры окружали город плотным кольцом. Лишь однажды албазинские смельчаки сумели проскользнуть мимо вражеских караулов. На Амуре начался ледоход, и маньчжурские корабли ушли в затон. Трое русских на лодке поплыли между льдин. Когда их суденышко было затерто льдом и утонуло, они выбрались на берег и пошли пешком по берегу замерзающей реки, добрались до Нерчинска и сообщили, что Албазин все так же стойко держится против врага[91].

В тяжелом положении находилась и неприятельская армия, в ней начался голод. Амур замерз, прекратился подвоз продовольствия. За время осады погибло свыше полутора тысяч маньчжурских воинов и множество китайских рабочих. Общие потери цинской армии оценивались в 2,5 тысячи человек. Получив неутешительные для себя известия из-под стен непокоренного русского города, император маньчжурского Китая всерьез задумался. Тут в Пекин прибыли из Москвы гонцы с предложением начать мирные переговоры. Богдыхан согласился.

В декабре 1686 года под Албазином установилось перемирие. Однако русские власти предупредили албазинцев, чтобы те не доверяли маньчжурам, были наготове и жили «с большим бережением». Действительно, вражеская армия хотя и перестала обстреливать город, не спешила уходить от непокоренного Албазина. Когда с ведома Лантаня несколько русских отправились в лес за сосновой корой – лекарством от цинги, маньчжуры схватили их и замучили до смерти. Вскоре Лантань «великодушно» предложил прислать в Албазин своих лекарей, если русские сообщат, сколько у них больных. Бейтон отклонил это «любезное» предложение, сказав, что все его люди здоровы. В свою очередь русские прислали в голодный маньчжурский лагерь пирог весом в пуд.

В мае 1687 года маньчжуры наконец отступили из-под стен Албазина, но недалеко – всего на 4 версты. Они не допускали того, чтобы русские засеяли свои поля. Только в августе вражеское войско погрузилось на корабли и уплыло восвояси. К тому времени в Албазине оставалось всего 66 казаков. Маньчжуры не оставляли их в покое, стараясь любым способом заставить русских уйти с Амура. Летом следующего года вражеский флот вновь поя-

вился под Албазином. Маньчжурский десант сжег все посевы. Это повторилось и в 1689 году. Албазинцы стояли перед лицом голодной смерти[92].

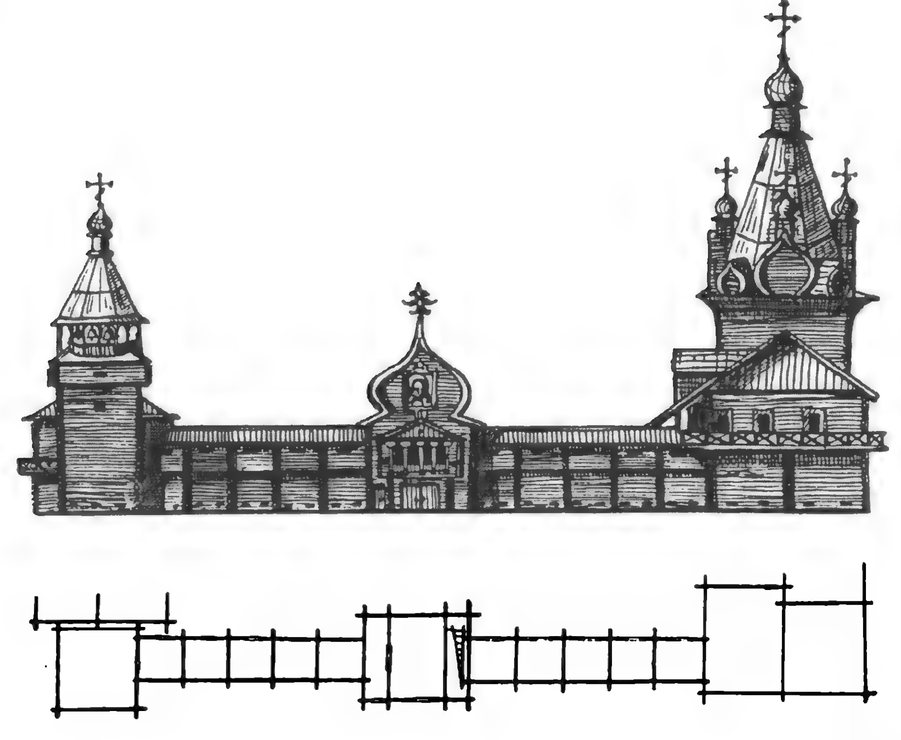
Трудный путь к миру

Для заключения мирного договора с Китаем правительница России царевна Софья отправила в Сибирь посла Федора Головина. С ним на случай возобновления войны было 500 стрельцов. Посольство отправилось в путь из Москвы в начале 1686 года и только в конце следующего года добралось до Байкала. Путь по сибирским рекам оказался очень тяжелым, особенно для московских стрельцов, не привыкших долго работать веслами и перетаскивать суда через волоки. На зимовку стрельцов разместили по нескольким забайкальским острогам и слободам. Сам Головин с небольшим отрядом остановился в Селенгинске.

Маньчжурские власти были не прочь захватить русского посла в плен и заставить заключить выгодный для себя договор. Для этого богдыхан использовал союзных ему монголов. В январе 1688 года в Забайкалье ворвалось 12-тысячное войско монгольского правителя Батура-тайши. Одни его отряды окружили Селенгинск, другие рассыпались для грабежа по Забайкалью. На выручку Головину поспешил собравший стрельцов полковник Федор Скрипицын. По дороге он разгромил три небольших монгольских отряда. 26 января Скрипицын выступил из Удинского острога и скоро столкнулся с основными силами монголов.

В чистой степи все преимущества были у вражеской конницы. С полудня до ночи стрельцы отражали атаки монгольских всадников. На следующий день русские соорудили засеку на небольшом пригорке и отбивались еще два дня. Стрельцы потеряли 17 человек убитыми, половина отряда, в том числе и сам командир Скрипицын, были ранены. Понесли серьезные потери и монголы, отошедшие на юг. Но стрелецкий полковник понимал, что у него слишком мало людей, чтобы пробиваться вперед. Скрипицыну оставалось ждать подкрепления и надеяться, что Селенгинск продержится до подхода помощи.

Осажденный в Селенгинском остроге Головин сам попытался прорвать осаду. 4 февраля малочисленный русский отряд сделал вылазку, но потерпел неудачу. Ночью 29 февраля мон-

Селенгинский острог в 1685 г. *Реконструкция В.И. Кочедамова*

Московский стрелец.
Рис. из альбома Пальмквиста. 1674 г.

голы устремились на штурм. На острог обрушился огненный дождь. Монголы применили зажигательные китайские ракеты – стрелы с медными трубками, наполненными горючим веществом. Вспыхнувшие в Селенгинске пожары удалось потушить. Карабкавшихся на стены монгольских воинов казаки встретили огнем в упор, били прикладами мушкетов, рубили саблями, кололи копьями. Бой при свете факелов и вспышках выстрелов продолжался до рассвета.

Одновременно шел сбор войск для отпора монгольскому вторжению. 5 февраля в соборе Иркутска во время церковной службы об избавлении города от угрозы нашествия прозвучал призыв ко всем жителям города встать заодин против врага. Собралось более полутора тысяч служилых людей, крестьян, промысловиков. К русским присоединились буряты и тунгусы, жаждавшие отомстить монголам за их прежние нападения.

Скрипицын вновь выступил к Селенгинску, который был в осаде уже 11 недель. Узнав о приближении русского войска, Батур-тайша снял осаду и двинулся навстречу. Из Селенгинска следом за монголами выступил конный отряд казаков Демьяна Многогрешного, бывшего украинского гетмана, сосланного в Сибирь. 20 марта, когда завязалось сражение войска Скрипицына с монгольскими отрядами, им в тыл ударила конница Многогрешного. Вражеское войско было зажато в ложбине – «пади». Не выдержав удара с двух сторон, монголы бросились врассыпную. Русские пытались их преследовать, но казачьи лошади были слишком измучены. Долину, где произошло сражение, еще долго звали Падью убиенных.

Нерчинский воевода в это время послал сына старого князя Гантимура Павла Гантимурова во главе трех сотен русских и тунгусов против монголов, грабивших тунгусские стойбища на реке Онон. Князь Павел Гантимуров потребовал от монгольских предводителей вернуть пленных и угнанный скот. Получив отказ, русские и тунгусы ударили по монголам и нанесли им жестокое поражение.

Потеряв лучших воинов под русскими острогами в Забайкалье, правители Монголии оказались не готовы отразить вторжение в собственные земли со стороны своего западного соседа – Джунгарии. Исход монголо-джунгарской войны был предрешен. Русские справедливо считали, что джунгары «в военном деле гораздо мунгалов сильны и много имеют огненного бою от бухарцев». Весной 1688 года джунгарская армия ворвалась в Монголию и полностью разгромила войска ее правителей. Позднее джунгары отступили под натиском маньчжуров, которые на столетия подчинили Монголию собственной власти. Так близорукая политика монгольских правителей стоила их народу свободы и независимости.

Спасаясь от джунгар, тысячи монгольских семей бежали на север. Часть их сразу попро-

2 1/2-пудовая мортира.
Мастер Харитон Иванов. 1681 г.
Состояла на вооружении Нерчинского острога.
Коллекция Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи.
Публ. Е.А. Багрина

Русские мортиры XVII в. *Публ. Е.А. Багрина*

сила русские власти о защите, но некоторые князья-тайши, укрывшиеся от джунгар в Забайкалье, рассчитывали завоевать здесь себе новые владения. Против восьми таких тайшей, прикочевавших на реку Хилок, посол Головин направил отряд в 500 русских казаков и 300 бурят и тунгусов. 30 сентября непокорные тайши были разбиты. Идти назад в Монголию, где хозяйничали джунгары, они не могли и согласились принять российское подданство[93].

Летом 1689 года русские и маньчжурские представители договорились о месте мирных переговоров, им стал город Нерчинск. Китай традиционно считал другие государства варварскими, стоявшими ниже себя. Иноземные послы должны были приезжать в Пекин и униженно просить вести с ними переговоры. Успехи русского оружия заставили изменить этот обычай. Теперь посольство из Пекина направлялось в другое государство – Россию.

Китайских послов сопровождала 15-тысячная армия, по Амуру и Шилке к Нерчинску подошло 70 маньчжурских кораблей. Из-за распутицы – «великих грязей» на дорогах – Головин добрался до Нерчинска только в августе и увидел рядом с обветшалыми городскими укреплениями огромный палаточный лагерь маньчжуров.

Встреча делегаций проходила на речном лугу. Из Нерчинска выехали верхом Головин и другие русские представители. Впереди них шли строем под военный оркестр 300 стрельцов, сзади следовали 200 конных служилых. Одновременно по Шилке подплыли лодки с 800 вооруженными маньчжурами. Маньчжурские послы были одеты в роскошные шелковые одежды, вышитые драконами. Русские послы, облаченные в кафтаны золотой парчи и соболиные плащи, смотрелись не менее красочно. Представители двух стран сели напротив друг друга в отдельных шатрах, сквозь их откинутые полы делегации могли видеть друг друга. Разговор велся при посредничестве живших в Китае монахов-иезуитов, поэтому «рабочим языком» на этой конференции стала латынь. Проходили переговоры трудно и в несколько этапов («съездов»), при этом переводчики-иезуиты были не раз уличены в недобросовестности и подыгрывании китайской стороне.

Посланцы богдыхана – канцлер Сонготу, дядя императора Дун Гоган и командующий армией Лантань – заявили, что Приамурье и вся Восточная Сибирь были завоеваны Александром Македонским и Чингисханом. Их наследником является император Китая, поэтому все эти земли должны принадлежать ему. Кроме того, маньчжуры требовали выдачи всех бежавших от них в Россию, прежде всего князя Гантимура и его родню. В ответ Головин сказал, что до прихода русских приамурские земли не принадлежали никому, кроме местных правителей, признавших власть России. Русский посол предложил установить рубежи между двумя странами по Амуру – там, где российская граница проходит сейчас.

Представители Китая пригрозили, что если русские не отступят, снова начнется война. Головин напомнил о том, что под Албазином русские показали свое ратное умение. Маньчжуры стали открыто готовиться к штурму Нерчинска. Их корабли подошли к городу вплотную. Против 15 тысяч вражеских воинов у Головина было всего полторы тысячи ратников. Русские выкопали вокруг Нерчинска окопы. Чтобы показать свою решимость, Головин вывел из города стрелецкую пехоту и казачью конницу. Боевым строем с развернутыми знаменами они прошли в виду неприятеля. И все же численное превосходство маньчжуров было слишком велико. К тому же русским изменили монгольские тайши, укрывшиеся от джунгар в Забайкалье, а также часть бурят, поддавшихся на маньчжурскую агитацию. Маньчжурские суда переправили 2 тысячи монголов в тыл русских войск. Головин был вынужден идти на уступки. Русские отказались от Албазина. Но маньчжуры признали за Россией Забайкалье и другие сибирские земли, на которые претендовали ранее, Князья Гантимуровы и другие беглецы оставались в России. Договор был подписан 29 августа 1689 года в 50 саженях от стен Нерчинска. После скрепления мирных грамот печатями русские пригласили

маньчжуров в свой шатер, где состоялось угощение[94].

Во исполнение Нерчинского договора оставшиеся в Албазине казаки сожгли дома и раскопали земляной вал. Они погрузили в струги свое имущество, пушки и церковную утварь и покинули дымящиеся развалины…

Через триста лет на этом месте работали археологи. Они обнаружили остатки крепостных стен, нашли там много чугунных ядер и их осколков, но самое сильное впечатление производила другая находка – братская могила, которой стала одна из полуземлянок. В августе 1992 г. останки героических защитников Албазина были отпеты по православному обряду и торжественно перезахоронены. С тех пор ежегодно по ним служится литургия, на которой присутствуют потомки албазинских казаков[95].

…После заключения Нерчинского договора Приамурье надолго опустело. Маньчжурам не был нужен этот далекий и, по их представлениям, слишком суровый край. На месте русских острогов и деревень выросли леса. Только через полтора столетия русские вернулись на Амур, вновь основали там города и поселки. Один из главных городов был назван в честь покорителя края Хабаровском.

НА СТЕПНОЙ ГРАНИЦЕ

Козни кучумовичей

Русские продвигались все дальше на восток, но в уже присоединенных землях жизнь не всегда была спокойной и мирной. Сибирь включилась в многовековую борьбу России с кочевым миром Евразии. Со стороны южной степи прежде всего грозили потомки хана Кучума – кучумовичи. У самих «кучумовых царевичей» не было сильного войска. Однако они сохраняли определенное влияние на степных жителей и взаимодействовали с новыми кочевыми ордами в набегах на сибирские земли.

После смерти Кучума его старший сын Алей провозгласил себя новым ханом. Алея поддерживали кочевавшие на Яике (сейчас река Урал) ногайцы. В 1608 году младшие братья Алея захватили Кинырский городок – одно из поселений сибирских татар, принявших подданство России. Под Тобольском появился сам Алей, а союзный ему ногайский мурза Урус обложил Тюмень. Увидев многочисленное войско ногайцев, тюменцы испугались и закрылись в своем городе, но потом устыдились своего страха. Казачий атаман Дружина Юрьев собрал всех горожан, способных носить оружие, ударил по ногайцам и отбросил их от Тюмени.

Вскоре Алей вновь послал братьев в набег. Пока главные силы татар были под Тарой, к их кочевьям подошел из Тюмени отряд Назария Изъединого. Он разгромил и пленил Алея – «хана без ханства». Младшие кучумовичи, вернувшись из набега, бросились в погоню и настигли русских у озера Киберли. Сражение не стихало два дня. Казаки отбили отчаянные атаки врага и с победой вернулись в Тюмень. Почти до самого города шли за ними кучумовичи, все еще надеясь отбить плененного брата[96].

Следующего по старшинству сына Кучума Ишима в Москве уже не считали ханом («царем») и с той поры именовали всех кучумовичей «царевичами». Они же нашли себе нового союзника для борьбы с Россией – калмыков. Ишим женился на дочери верховного калмыцкого тайши (князя). В 1617 году тысяча калмыков подступила к татарскому Чатскому городку на Оби, который защищали воины мурзы Тарлава и несколько томских казаков. Калмыки, надев для защиты от пуль по два куяка, три недели безуспешно штурмовали Чатский городок. В ответ на этот набег в степь отправился из Тобольска Алексей Вельяминов. Он разбил калмыков и захватил невиданных до сей поры в Сибири верблюдов. Диковинных животных отправили в Москву[97].

Война на границе после этого утихла, но через десять лет вспыхнула с новой силой, когда кучумовичам удалось склонить к измене некоторых из татарских князей, служивших России. Мурза Когутай из Барабинской степи предательски убил 18 казаков, посланных ему для защиты, и весной 1629 года сжег русские деревни под Тарой, угнав их жителей в полон. Посланный в степь отряд Федора Елагина настиг Когутая у озера Чана и освободил пленников. Мурза-предатель бежал к кучумовичам с немногими людьми.

Осенью 1629 года внук Кучума Аблей-Гирим с двухтысячным войском напал на Чатский городок. Несмотря на героизм татарских воинов и 20 русских казаков, крепость пала из-за предательства мурзы Тарлава. Разоряя селения татар и кетов, Аблей-Гирим пошел вниз по Оби, пока не встретил на реке Шагаре русский отряд из Томска. Стремительной атакой томичи опрокинули степняков и гнали их 20 верст, устилая путь телами убитых врагов.

Следующей весной изменник Тарлав вместе с алтайскими кочевниками телеутами сжег татарский Мурзин городок и перебил его жителей. Телеуты стали переправляться на лодках через Обь. В этот момент на реке появились русские суда. Струги обстреливали вражеские лодки, таранили и топили. Кочевники спешно гребли к берегу, следом за ними высадились казаки, завершив разгром неприятеля[98].

В том же 1630 году против мятежного мурзы был послан с девятью сотнями томских служилых Яков Тухачевский. Тарлав укрылся в крепости, которую гордо назвал Чингис-городок. Русский военачальник медлил, уговаривая Тарлава «принести вину» и дать присягу на верность русскому царю. Мурза тянул время, ожидая помощи от союзников. Скоро у Чингис-городка появились отряды кучумовичей, калмыков и телеутов, однако русские отогнали их прочь. Потеряв терпение, казаки без приказа пошли на штурм вражеской крепости. Тарлав успел бежать, но его настиг и убил казачий командир Остафий Михалевский. Тухачевский приказал похоронить мурзу по обычаям его народа и с воинскими почестями, чем снискал глубокое уважение жителей степи[99].

Несмотря на поражения, «кучумовы царевичи» хвастались, что скоро в Сибири не будет и слышно о русских. Осенью 1634 года внуки Кучума Аблей-гирим и Давлет-гирей обрушились с калмыцкими отрядами на Тару. Они не прорвались дальше первой линии городских укреплений – надолбов (врытых в землю столбов с соединяющими их перекладинами). Однако небольшой тарский гарнизон не смог защитить окрестные деревни, сожженные калмыками дотла. Застигнутых на жатве крестьян перебили или угнали вместе со скотом.

Чуть позже калмыцкое войско появилось у Тюмени. Кочевники хорошо понимали, что штурм этого крупного города будет им дорого стоить. Поэтому они вновь рассыпались для грабежа мелких селений. Но и там грабители порой встречали серьезное сопротивление. Чубарову слободу от четырех сотен калмыков защищали всего десять служилых. Им на помощь из Туринского острога послали на крестьянских телегах еще один стрелецкий десяток во главе с Иваном Долгим. Прибыв, туринцы увидели горящую слободу, откуда гремели выстрелы. Отпустив телеги назад, стрельцы поспешили к Чубаровой и вместе с ее защитниками отразили врагов, которых было больше в 20 раз[100].

В чистом поле справиться с противником было гораздо труднее. В погоню за уходившими в степь кочевниками устремились 300 конных тюменских казаков. Они нагнали вражеский отряд в 600 всадников. Казаки привыкли одерживать победу над многократно превосходящим числом неприятелем. Однако и калмыки славились своим боевым умением. Случалось, что одинокий калмыцкий всадник одним своим видом обращал в бегство татарский отряд. Когда русские настигли калмыков, те развернулись и с грозным боевым кличем обрушились на тюменцев. Потеряв 50 человек убитыми, казаки отступили[101].

На следующий, 1635 год состоялся ответный поход в степь ратников из Тюмени, Тобольска и Тары. Соединившись, русские отряды вышли на калмыцкие кочевья на реке Ишим. В завязавшемся сражении было захвачено много пленных, которых потом обменяли на русских людей[102]. Постепенно с калмыками завязались мирные отношения. К тому времени калмыцкие племена разделились. Часть откочевала в Нижнее Поволжье, признав власть России. Оставшиеся в Центральной Азии объединились в могущественное Джунгарское ханство. Правитель Джунгарии хотел наладить с русскими выгодную торговлю и перестал помогать кучумовичам. Правда, джунгарский хан считал своими владениями многие земли Южной Сибири и требовал дани с их населения. Между Россией и Джунгарией возникали споры, но до войны пока дело не доходило. На некоторое время на границе Западной Сибири установилось затишье.

В «порубежных горных волостях»

От Урала до Алтая южная граница сибирских земель проходила по равнинным просторам. За Обью начинались «порубежные горные волости». В степных котловинах, зажатых хребтами Алтайских и Саянских гор, жили разноязычные кочевники, сильнейшими из которых были киргизы, населявшие верховья Енисея. (Енисейских киргизов не следует путать с киргизами Средней Азии.)

«Народ мал, да завоевал многие земли и много зла творит», – говорили русские о енисейских киргизах. Их действительно было сравнительно немного, но они держали в страхе и покорности все соседние племена. Несговорчивых данников киргизы бросали голыми в снег, сажали в «студеные юрты», резали носы и уши, ломали ноги. Суровые повелители более слабых народов юга Сибири, киргизские князья, в свою очередь, сами зависели от могущественных властителей монголов и калмыков[103].

Киргизы стали нападать на русских, лишь те появились вблизи их владений. В 1614 году войско киргизского князя Нояна внезапно атаковало Томск, когда почти все жители города работали в поле. Те, кто не успел укрыться за крепостными стенами, погибли под вражескими стрелами и саблями. Уцелевшие томичи собрались с силами и пошли в атаку. В бою киргизы были разгромлены, их предводитель погиб.

Одна за другой к России переходили прежде подвластные киргизам «горные волости». В 1615 году Иван Пущин и Бажен Константинов с 200 ратниками отправились вверх по реке Томь в Кузнецкую землю. Жившие там шорцы, искусные кузнецы, платили дань киргизским князьям оружием. Временное зимовье, построенное русскими, скоро оказалось в осаде 5-тысячного войска киргизов, калмыков и монголов. Через десять недель, когда у казаков подошли к концу съестные припасы, они пошли в последнюю отчаянную атаку и обратили врагов в бегство.

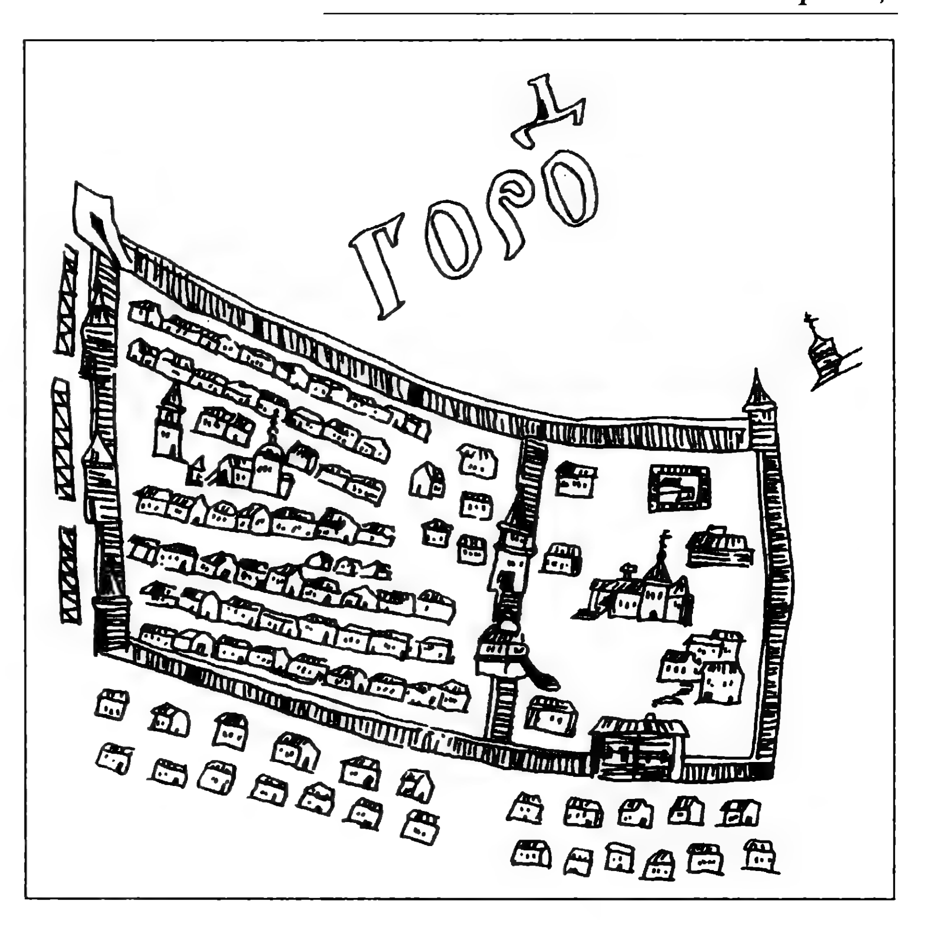
После столь впечатляющей победы над киргизами Кузнецкая земля признала власть «белого царя». В начале 1618 года в верховьях Томи был построен город Кузнецк. В 1620 году появился русский острог в Мелецкой земле на притоке Оби Чулыме. Когда киргизский князь Кара попытался уничтожить крепость, из Томска срочно выступил конный отряд из 120 русских и 100 служилых татар. Киргизы потерпели новое поражение, князь Кара попал в плен[104].

В 1628 году воевода Александр Дубенский основал Красноярск, ставший русским оплотом на верхнем Енисее. Жившие поблизости племена качинцев и аринцев попытались напасть на строящуюся крепость, но потерпели неудачу. Скоро они поняли, что лучше подчиниться России, чем терпеть притеснения от киргизских князей. Новая русская крепость не только лишила киргизов их данников, Красноярск «стоял за хребтом» (спиной) у кочевников, делал им «великое утеснение»[105].

На енисейском левобережье киргизы постоянно нападали на Качинскую и Аринскую землю. На другом берегу Енисея опустошали Канскую землю верные союзники киргизов тубинцы. В ответ на набеги казаки ходили походами в степь или отправлялись на судах к вражеским кочевьям вверх по Енисею, устраивая врагам «шкоду большую». Особенно отличился в этом атаман Дементий Злобин. Вместе с качинцами и аринцами он разгромил в 1630 году тубинского князя Кояна, а через год – киргизского князя Ижинея.

От мелких набегов горные кочевники перешли к масштабным боевым действиям. В августе 1634 года под Красноярск в конном строю и по Енисею в лодках подступило тысячное войско киргизов и тубинцев. Погибло много русских, застигнутых врасплох на пашнях, сенокосах и рыбных ловлях. Кочевники выжгли и вытоптали лошадьми хлеба, разграбили окрестные селения, угнали в плен ясачных людей.

Красноярск в тот момент защищало всего 120 казаков с двумя пушками. Четыре дня продолжались вражеские приступы. Русские не только отразили их, но и сами отбили во время вылазки часть захваченного киргизами скота. Враги отступили, но в октябре того же года

Красноярск.
Рис. XVII в. из «Чертежной книги Сибири» С. Ремезова

вновь появились под Красноярском и разорили его окрестности уже «без остатка». Положение города было крайне тяжелым. Он остался без хлеба и скота, гарнизон понес большие потери. Красноярцы просили помощи у Томска, где ратных людей было побольше.

Поход из Томска в киргизские степи возглавил известный, но неудачливый полководец Андрей Просовецкий, один из видных деятелей Смутного времени, сосланный в Сибирь. В степи у Белого озера томичи встретили верховного киргизского князя Ишея. В ночной атаке русским удалось потеснить вражеское войско. Наутро Просовецкий приказал продолжать наступление на виду у неприятеля. Участвовавший в походе опытный военачальник из ссыльных поляков Остафий Михалевский предупредил, что это может плохо кончиться, но Просовецкий настоял на своем.

Киргизская конница смяла русский строй и оттеснила пеших казаков в их укрепленный лагерь. Следом уже прорывались неприятельские всадники, когда Михалевский с палашом в руке врубился в гущу врагов, с одного киргизского предводителя сбил шлем, другого ранил. Ошеломленные ударом киргизы откатились было назад, но им на помощь пришли 400 тяжеловооруженных монгольских воинов («куяшников»). Казаки четыре дня оборонялись в своем лагере, со всех сторон окруженные вражеским войском.

Наконец на казачьем круге, передавшем командование Остафию Михалевскому, было решено «пробиваться вон из Киргизской земли». Князь Ишей «заступил дорогу», его воины начали «копьями смешивать» русские ряды. Михалевский повел в атаку немногочисленную казачью конницу. В жаркой сече ему пробили в нескольких местах латы и шлем, но, несмотря на ранение, Михалевский продолжал отчаянно сражаться. Противник потерял множество рядовых воинов и командира монгольского отряда Турай-табуна. Пробившись через ряды киргизов и монголов, русский отряд вернулся в Томск, где Просовецкий окончательно дискредитировал себя, попытавшись

утаить от «великого государя» заслуги Михалевского[106].

Новая вспышка войны с горными кочевниками произошла в 1640 году. Тубинцы сожгли русский острог в Канской земле. Киргизы прорвались мимо Красноярска на север и разорили деревни до самой Ангары. Когда за ними погнались енисейские казаки, кочевники перебили захваченный скот и умчались в свои степи. Жившие под Красноярском качинцы и аринцы были угнаны в Киргизскую землю, где их держали «за крепкими караулами».

Для ответного похода против киргизов было собрано 800 человек под началом Якова Тухачевского. Перед ним была поставлена задача построить в Киргизской земле русский острог. Летом 1641 года Тухачевский выступил из Томска. После месячного похода русские приблизились к кочевьям князя Ишея на речке Уйбату. В жестоком сражении Ишей потерпел поражение, в руки казаков попал его стан с богатой добычей.

В горной степи не было леса для постройки острога. Тухачевский остановил наступление, пытаясь убедить киргизского князя покориться. Ишей охотно вел переговоры, пока к нему не подошло подкрепление. Скоро русский отряд оказался окружен собравшимися вместе киргизами и тубинцами – всего более двух тысяч «куяшного боевого люду». Казаки стали прорываться на север, используя в качестве подвижной защиты захваченных в первой битве верблюдов.

Ишей несколько раз атаковал отступающее русское войско, пока наконец не отстал. В Ачинской земле, где в верховьях реки Чулым уже начинались леса, Тухачевский остановился, чтобы построить острог. Но его ратники, утомленные долгим походом, взбунтовались и, бросив своего командира, подались через степь в Кузнецк. С воеводой осталось лишь 12 человек. С ними он спустился по Чулыму на плоту до Мелесского острога, собрал все имеющиеся там силы и вернулся уже на двух стругах с 40 казаками, чтобы построить Ачинский острог[107].

У Тухачевского не было сил удержать новый острог. Он послал за помощью в Красноярск, откуда уже зимой пришел на лыжах отряд атамана Елисея Тюменца. Летом 1642 года Ачинский острог стал базой для нового похода в Киргизскую землю. Его возглавил атаман Милослав Кольцов. К 225 красноярским казакам присоединились отряды аринцев и качинцев. В ущелье реки Туянчак войско встретило киргизских князей, которые были полны решимости не допустить русских в свои улусы. Укрепившись на горе, киргизы стали отстреливаться из луков и пищалей.

Невзирая на обстрел, пешие и конные казаки устремились вперед. Ожесточенный бой продолжался до вечера. Победа склонялась к русским. Наконец киргизские князья предложили заключить мирный договор. Правители енисейских киргизов дали клятву больше не нападать на Россию, при этом по своему обычаю пили воду из золотого блюда[108].

На этот раз мир с киргизами продолжался долго, правда не из-за того, что они вдруг стали миролюбивыми. С юга в Киргизскую землю стали вторгаться воевавшие друг с другом монголы и калмыки. Спасаясь от их нападений, киргизы искали защиты у стен Красноярска, который сами недавно стремились уничтожить.

Передышка в войне с киргизами не означала, что для Красноярска настали мирные времена. Кроме угрозы с юга, существовала опасность с востока. Оттуда нападали воинственные буряты. Особенно прославился набегами бурятский князь Оилан, многократно разорявший Канскую землю. Летом 1645 года в поход на Оилана пошли красноярские атаманы Милослав Кольцов и Елисей Тюменец. Преследуя неприятеля, русские преодолели топкие болота и бурные реки, настилая гати и мосты. Наконец Кольцов и Тюменец настигли бурятское войско и нанесли ему тяжелое поражение.

Оилан лично прибыл просить мира в Красноярск. В честь недавнего врага гремел орудийный салют, бурят встречал почетный караул. Из ближних и дальних мест в город съезжались ясачные люди посмотреть на грозного Оилана. На какое-то время горная степь оказалась замиренной. Но главная борьба за безопасность южных рубежей Сибири была еще впереди[109].

В степном Зауралье

В середине XVII века новым союзником кучумовичей в Западной Сибири стала знать Башкирии. Избавившись с помощью русских от ногайской и калмыцкой угрозы, башкиры стали все более тяготиться зависимостью от России. В «сибирских царевичах» они теперь видели правителей будущего Башкирского ханства. Кучумовичи также хотели использовать башкир в собственных интересах. Внук Кучума Девлет-Гирей в предвкушении победы щедро «раздавал» сибирские города своим союзникам. Летом 1662 года, когда в Башкирии вспыхнуло восстание против русских властей, Девлет-Гирей ударил по Зауралью. В многочисленном воинстве «кучумова царевича» были башкиры, татары, отряды некоторых калмыцких тайшей. Против русских выступила и часть ясачного населения – черемисы, вотяки, вогулы. Много русских поселений было уничтожено вместе с жителями. Восставшими был взят и сожжен город Кунгур, вся его округа тоже оказалась выжженной, было убито и угнано «в полон» свыше 500 человек – огромные для того времени и места потери[110].

Перед самым восстанием тобольский воевода Иван Хилков начал переделывать войска в Сибири на новый, «европейский» лад. Наряду со стрельцами и казаками за Уралом появились конные рейтары и пешие солдаты. Иностранные офицеры на скорую руку учили их воевать «правильным строем», а не «по-казачьи». Между тем русские остроги на степной границе оказались плохо подготовленными к войне. Мало было ратников, да и на тех не хватало исправных ружей, пороха и свинца[111].

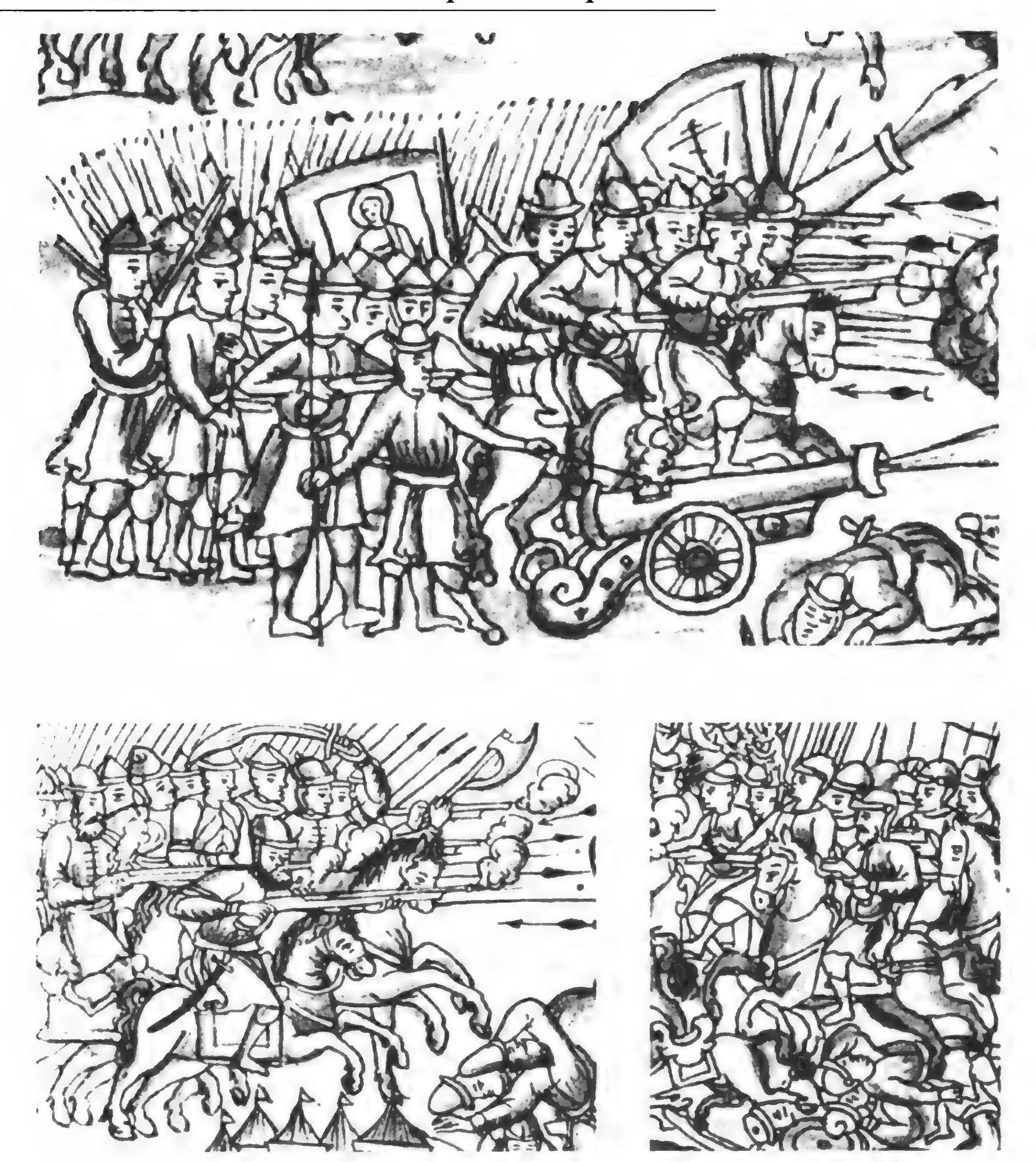
И все же пограничные гарнизоны дрались отчаянно. Четыре дня враг безуспешно штурмовал Катайский острог, потеряв полсотни убитых. 200 человек лишились нападавшие у Невьянского монастыря, который защищал отряд во главе с основателем обители старцем Давыдом. Дважды подступали башкиры под Далматов монастырь, учинили вокруг «великое разорение», но не одолели монастырских стен. Отбилась и укрепленная Ирбитская слобода.

Однако кочевникам удалось прорваться мимо острогов за пограничную реку Исеть и обрушиться на фактически беззащитные деревни Зауралья. При внезапном нападении на Мурзину слободу погибли все, кто работал в поле. Лишь трое крестьян с приказчиком, вооруженные луками, сумели продержаться в пустом дворе. В Белослудской слободе русские укрепились в церкви. Враги подожгли храм, крестьяне сгорели заживо, но не сдались. Полторы сотни жителей ирбитских сел, собравшихся под началом поручика Федора Мокренского у деревни Шмаково, встали на пути вражеского отряда в 400 всадников и обратили его в бегство[112].

Осенью 1662 года из Тобольска подоспели рейтары и солдаты, которыми командовал полковник Дмитрий Полуэктов. В сражении у озера Иртяш силы Девлет-Гирея были разбиты, однако основной массе врагов удалось уйти. Оказалось, что «рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет». Кочевники рассыпались в разные стороны, уходили мелкими отрядами обратно в степь и готовились к новому нападению.

Следующим летом в набег на Зауралье отправились кучумовский правнук Кучук и башкирский князь Ураслан-бек. Дмитрий Полуэктов хотел защитить как можно больше слобод и разослал по ним своих людей. С самим полковником остался лишь маленький отряд. Распыленностью русских войск воспользовались враги. Они ударили всеми силами по Полуэктову и нанесли ему поражение. Трижды раненный в бою полковник увел остатки своего отряда в Тобольск, оставив зауральские земли на разграбление врагу.

Дмитрий Полуэктов сделал нужные выводы. Весной 1664 года все русские отряды были собраны в один мощный кулак. Вместо того чтобы дожидаться нападения, Полуэктов сам перешел в наступление и атаковал башкирские кочевья у озера Чарчи в верховьях реки Миасс. В кровавой сече Ураслан-бек был убит. Вскоре башкиры прекратили восстание, а кучумовичи ушли в степи искать себе новых союзников. Рейтар на степной границе вновь сменили казаки с их испытанными временем способами борьбы против кочевников[113].

Русское войско в степных сражениях.
Фрагменты рис. из Ремезовской летописи. Конец XVII в. (выделены Е.А. Багриным)

Война с Еренякомм

На другом краю сибирских степей разгоралась с новой силой война с енисейскими киргизами. Горных кочевников возглавил опытный и энергичный Ереняк, сын князя Ишея. Если раньше киргизы предпочитали нападать на незащищенные деревни, то теперь шли на штурм хорошо укрепленных острогов. Не случайно Ереняк так стремился захватить у русских пушки.

Летом 1666 года киргизское войско переправилось через Енисей, опустошило Канскую землю и двинулось дальше на восток – в Бурятию. Там Ереняк внезапной атакой захватил Удинский острог и повернул назад, отягощенный богатой добычей, в том числе и захваченными пушками. На обратном пути киргизов перехватили казаки Елисея Тюменца, поднявшиеся вверх по Енисею на стругах. У Ереняка отбили пушки и угнанный скот,

сам он едва спасся, ускакав на неоседланной лошади.

За киргизского князя вступился его покровитель – джунгарский тайша Сенге. В мае 1667 года Сенге вместе с Ереняком осадил Красноярск по обе стороны Енисея. Красноярцы смело пошли на вылазку и ворвались во вражеский лагерь. Но тут удача отвернулась от русских, многие пали в бою с врагами, командовавший атакой атаман Родион Кольцов попал в плен. Всего за время джунгарской осады погибло 194 из 376 защищавших город ратников. Но Красноярск выстоял.

Одновременно киргизский князь Шандык рванулся к Томску, но в трех днях пути от города встретил отряд Романа Старкова. Казаки вернулись в Томск, воздев на копье отрубленную голову Шандыка. Радость от победы была недолгой. Осенью того же 1667 года киргизы сожгли Ачинский острог и заставили качинцев и аринцев платить дань джунгарам[114].

В 1673 году Ереняк осадил Кузнецк. Другой киргизский князь, Шанда, вновь сжег Ачинский острог. Защищавшие его казаки успели закопать свои пушки в землю, чтобы они не достались киргизам. Обойдя русские «сторожи» (караулы), Шанда прорвался в сторону Енисейска. На пути киргизов стоял лишь маленький Бельский острог. Бывшие в остроге казаки решили защищать селение, выкатили пушку на улицу слободы и встретили врагов огнем. Ошеломленные отпором киргизы отхлынули назад.

Для защиты от кочевников Красноярск и Енисейск окружили новыми стенами, рвами и надолбами. В деревнях строились небольшие острожки, а на полях появились бревенчатые «клетки», чтобы укрыться при внезапном появлении степняков. Кое-где возводили укрепленные линии из засек и щитов с бойницами. Делались попытки выставить дозорные остроги поблизости от киргизских кочевий.

В сентябре 1675 года красноярские казаки поднялись вверх по Енисею до впадения в него реки Абакан. На речном Сосновом острове был поставлен острог, на который немедленно напал Ереняк. После двух неудачных штурмов киргизы собирались поджечь бревенчатые стены крепости, но ночью у них самих за спиной вспыхнул степной пожар. Это несколько русских смельчаков пробрались во вражеский тыл и подожгли сухую траву.

«Подвижные редуты». *Рис. XVII в. из кн. Н. Витсена «Северная и Восточная Татария»*

Сражение с южносибирскими кочевниками.
Рис. из Ремезовской летописи. Конец XVII в.

Киргизы бежали, спасаясь от огня, однако и русским пришлось покинуть Сосновый острог, слишком далеко выдвинутый на юг. Но ближе к Красноярску на Енисее появился Караульный острог, который удалось отстоять от яростных атак Ереняка. Красноярцы также построили на тропе, по которой киргизы шли в набег через дремучий «черный лес», Ломовский острог, окруженный «ломом» – завалами из деревьев.

Ереняк не терял надежды покончить с русскими на Енисее. Союзные киргизам тубинцы захватили и сожгли Канский острог, сам верховный киргизский князь подступил в июле 1679 года к Красноярску и три дня штурмовал город, обстреливая его из «турских пищалей». Не добившись успеха, Ереняк отошел, но оставил свои дозоры, чтобы не дать русским убрать хлеб.

В сентябре киргизский правитель вернулся с еще большим войском и вновь осадил Красноярск. Вражеская конница паслась на хлебных нивах, в дым обратились 16 русских деревень, даже те, где были укрепления. 14 сентября киргизы пошли на решающий штурм. В Красноярске кончались боеприпасы, воевода впал в панику.

Тогда красноярцы выбрали себе нового начальника – ссыльного украинского полковника Василия Многогрешного. Тот построил красноярцев строем и повел на вылазку, расставив в рядах снятые с крепостных стен пушки. Ружейные залпы и картечь косили вражескую конницу. Едва не погиб сам Ереняк. Казак Прокофий Шошин метким выстрелом выбил князя из седла и уже был готов добить ударом тяжелой пищали, но погиб от копий подоспевших телохранителей Ереняка[115].

Чтобы окончательно покончить с опасным врагом, в январе 1680 года был организован большой поход в Киргизскую степь. Из Томска выступил Роман Старков с тысячным войском, одновременно из Красноярска вышел Михаил Ярлыков с 580 ратниками. Оба отряда должны были соединиться и вместе разгромить Ереняка. Пытаясь уничтожить русских по отдельности, киргизы ударили по томскому отряду. Томичи четыре дня «топтали» врага, безуспешно бросавшегося в атаку на сомкнутый русский строй. Большие потери киргизы понесли и от полевой артиллерии. В то же время красноярский отряд прорвался к киргизским кочевьям, где отбил назад захваченные кочевниками в набегах имущество и скот.

В феврале два русских отряда соединились. Киргизы больше не решались на открытую атаку, они таились в горных ущельях, кружили вокруг русской рати, не давая ни минуты покоя. Томичи и красноярцы не могли угнаться за легкой киргизской конницей. В русском лагере от бескормицы падали лошади, кончались хлебные запасы. На каждой русской лошади ехало по два-три ратника, пушки и обозные телеги вязли в снегу. Когда настала засушливая весна, киргизы выжгли степь. С большим трудом томичи и красноярцы вернулись в свои города. Много ратников погибло от лишений и тягот обратного пути, когда люди тянули на себе пушки.

Зимний поход спас Красноярск. Его деревянные укрепления как раз в этот момент уничтожил сильный пожар, и город не выдержал бы новой осады. Устрашенный Ереняк начал мирные переговоры, вернул пленных и захваченные ранее пушки. К миру с Россией киргизского князя толкала и Джунгария, которая стала видеть в русских возможных союзников в борьбе с монголами и маньчжурами. Ереняк же должен был участвовать в войне джунгар с казахами. В этой войне грозный киргизский князь нашел свою гибель. В 1687 году у Телецкого озера на Алтае казахи в четырехдневном сражении уничтожили джунгарскую армию, а вместе с ней – и отряд Ереняка[116].

На переломе столетий

Кипевшие в конце XVII века войны кочевников друг с другом не мешали им совершать нападения на южные границы Сибири. Иногда это был не набег, а целое переселение кочевых племен. Даже когда кочевники приходили во владения России в поисках убежища, они часто продолжали вести себя как степные разбойники. Тубинский князь Шанда решил обосноваться на реке Кан. Русские власти были не против, но потребовали от тубинцев прекратить грабить местных ясачных людей и вернуть им угнанных лошадей. Шанда издевательски ответил, что канские ясачные люди горазды ходить на лыжах да пешком, а он так ходить не умеет[117].

Зимой 1692 года в Канскую землю пришел из Красноярска Василий Многогрешный с 730 ратными людьми. Князю Шанде вновь предложили решить дело миром. Кочевников

Типы русских ратников в Сибири XVII в.
По рисункам из Ремезовской летописи (выделены Е.А. Багриным)

было не больше русских, но тубинцы первыми начали стрельбу из луков и пищалей. Бой шел с крайней ожесточенностью, к вечеру с Шандой и его войском было покончено. Уцелевшим тубинцам осталось лишь разойтись по другим племенам[118].

Справиться с малочисленными, хотя и воинственными тубинцами было проще, чем с многолюдными ордами казахов, которые приблизились в конце XVII века к русскому Зауралью. Набеги степняков обрушивались на сибирские земли один за другим. Не всегда столкновение с кочевниками оборачивалось победой. Однажды дело закончилось полным уничтожением большого русского отряда.

Эта трагедия произошла в 1693 году. На Ялуторовскую слободу казахи напали вместе с татарами и каракалпаками. В погоню за кочевниками помчался дворянин Василий Шульгин. В его отряде были казаки, служилые татары и крестьяне-добровольцы. В 60 верстах от Ялуторовской слободы на берегу озера Семинскуль Шульгин нагнал степняков. Закипел

яростный бой. К несчастью, хлынул дождь. У русских вымок порох, и они не смогли применить огнестрельное оружие. Кочевники одержали победу, в сражении погиб сам Шульгин и все его 357 ратников[119].

С наступлением нового, XVIII века ситуация на южной границе стала меняться в пользу России, хотя кочевники продолжали свои набеги. Осенью 1700 года князь енисейских киргизов Корчун, сын Ереняка, нагрянул под Кузнецк и две недели осаждал город, разграбил соседний монастырь. Другой киргизский отряд подкрался к Красноярску. Кочевники отогнали скот, обстреляли город с высокой горы и, не принимая боя, умчались в степи. В отместку на Киргизскую землю двинулся из Томска конный отряд Семена Лаврова. Красноярцы во главе с Кононом Самсоновым отправились в поход на стругах.

В 1703 году казавшаяся бесконечной война с енисейскими киргизами внезапно завершилась. Их племена вдруг исчезли с берегов Енисея. Киргизов по приказу джунгарского правителя увели вглубь Центральной Азии. Оставшиеся в «порубежных горных волостях» народы – предки алтайцев и хакасов – признали власть России. Присоединение верховий Енисея было закреплено постройкой Абаканского и Саянского острогов в бывшей Киргизской земле. В верховьях Оби появилась Бийская крепость[120].

Укрепление позиций России в Южной Сибири встревожило Джунгарию. В 1709 году джунгарские войска осадили Кузнецк, спалив пригородные села. На следующий год джунгары подступили к Бийской крепости и после трехдневного штурма взяли и разрушили ее. Джунгары потребовали от русского посланника отдать под их власть Томск, Красноярск и Барабинскую степь.

Ничто, однако, не могло остановить русское продвижение на юг. Летом 1715 года по приказу Петра I подполковник Иван Бухолц отправился в поход с большим (для Сибири) 3-тысячным войском. Вверх по Иртышу плыло 59 речных судов, конные драгуны двигались берегом. У озера Ямыш, где русские издавна добывали соль, была заложена крепость.

Февральской ночью 1716 года к Ямышской крепости скрытно подошли 10 тысяч джунгар и ринулись на приступ укреплений. Штурм продолжался 12 часов. Отброшенные огнем и штыками джунгары окружили крепость плотным кольцом. В осажденном гарнизоне по 20 человек в день умирали от голода и болезней. В апреле, когда на Иртыше вскрылся лед, Бухолц разрушил Ямышскую крепость и поплыл на север. Там, чуть ближе к старым рубежам, была построена Омская крепость.

Омск стал базой для нового продвижения вверх по Иртышу. В 1717 году русские восстановили Ямышскую крепость. На следующий, 1718 год еще выше по течению Иртыша была построена Семипалатинская крепость. В 1720 году майор Иван Лихарев с отрядом в 440 человек добрался на судах до истока Иртыша – озера Зайсан, совсем близко от родовых владений джунгар. Их 20-тысячное войско преследовало русских по берегу, но Лихарев благополучно вернулся к своим, основав на обратном пути Усть-Каменогорскую крепость.

Связанный войной с маньчжурами и казахами, джунгарский правитель вынужден был признать новую границу. Джунгары стали угонять с отходившего к России Северного Алтая телеутские племена. Часть телеутов восстала и сумела вернуться на родные земли. От Тобола до Иртыша и далее через Алтайские горы протянулась цепь укреплений Сибирских оборонительных линий. С переменой столетий произошел перелом и в вековой борьбе с кочевой степью. Россия наступала, продвигая свои рубежи все дальше на юг[121].

НА САМОМ ДАЛЬНЕМ РУБЕЖЕ

Разведчики неведомой земли

На рубеже XVII и XVIII столетий к Российскому государству была присоединена Камчатка. Доподлинно неизвестно, когда русские впервые познакомились с этим краем. Возможно, первыми русскими людьми, ступившими на камчатский берег, были соратники Семена Дежнёва – Федот Алексеев Попов и его товарищи. Их коч в 1648 году вместе с дежнёвским судном обогнул северо-восточный выступ Азии, а затем был унесен бурей на юг – не исключено, что на Камчатку. Во всяком случае, согласно местным легендам, какой-то «Федот» мог зимовать на полуострове примерно в это время.

Существует мнение, согласно которому в 1658 году казак Иван *Камчатый* перешел с Анадыря на реку Гижигу, а затем добрался до реки, названной впоследствии его именем, перешедшим и на весь полуостров. В 1662 году десятник Иван Рубец повторил плавание Дежнёва вокруг северо-востока Азии. Рубец провел через льды с Лены на Анадырь два больших коча, на которых потом отправился на юг и добрался до реки Камчатки по морю.

На следующий год чукчи сожгли кочи, вставшие на зимовку в 10 верстах от Анадырского острога. Новое плавание на Камчатку стало невозможным. Строившиеся на Лене большие морские кочи на Анадырь больше не приходили, а из местного дерева можно было построить лишь маленькие беспалубные «кочики», которые не годились для дальнего похода. Слишком тяжелым представлялся и сухопутный поход на Камчатку через «немирные» юкагирские и корякские земли[122].

Жизнь Анадырского острога, самого удаленного русского поселения на границе с полярной тундрой, во многом напоминала обстановку на степных рубежах. Тут так же грозили набегами воинственные кочевники, только с севера нападали «оленные», а не конные, как на юге, вражеские отряды. Как и в степи, в тундре русским приходилось трудно без привычного прикрытия лесом.

Главное же отличие северного и южного пограничья состояло в том, что в степь, несмотря на все опасности, русских тянула возможность возделывать плодородные земли. В тундре же для них не было ничего привлекательного, кроме разве что моржовых бивней на морском побережье, но и моржи постепенно исчезали.

Внимание служилых и вольных людей в Анадырском остроге все больше стало обращаться в сторону богатых лесами, а значит, и пушниной, земель, лежавших, по слухам, где-то на юге. О походах Камчатого и Рубца успели подзабыть, поэтому путь на Камчатку приходилось открывать заново. В 1688 году от Анадыря к Камчатке отправился на «кочиках» Василий Кузнецов, но на обратном пути близ залива Креста потерпел кораблекрушение, и мореплавателей перебили на берегу чукчи.

Более удачными были походы через горы Камчатского перешейка в 1693–1694 и 1696 годах Луки Старицына по прозвищу Морозко. Он пошел по пути, ранее «проведанном» одним из участников его экспедиции Иваном Голыгиным, взял ясак с некоторых родоплеменных объединений северной части полуострова и не дошел всего день пути до реки Камчатки – самой большой на полуострове. Переодевшись в корякскую одежду, Морозко, не вызывая подозрений у аборигенов, обследовал этот район и выяснил, что добиться успеха в его покорении малыми силами невозможно. Это хорошо понял и служивший на Анадыре казак Владимир Атласов. Попав как-то в Якутск, он получил от воеводы разрешение на большой поход в камчатские земли, обещая завалить казну

соболями. Атласова повысили в должности до пятидесятника и назначили на должность приказчика (начальника) Анадырского острога. Однако организовывать экспедицию на Камчатку Атласов должен был за свой счет[123].

«Камчатский Ермак»

Так назвал Владимира Атласова Александр Сергеевич Пушкин. Если Ермак Тимофеевич открыл для русских дорогу на просторы Сибири, то Атласову было суждено завершить этот путь, и он вошел в историю как последний знаменитый землепроходец России. В декабре 1696 года из Анадырского острога под предводительством В. Атласова выступили 60 служилых и «охочих» казаков. Цель их экспедиции была обозначена так: «Для приску новых землиц и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали...» Ехали по зимней тундре на оленьих упряжках, которые вели 60 юкагиров. Опытные участники экспедиции Луки Морозко указывали путь через «великие горы». Сам Л. Морозко и его товарищ Иван Голыгин с несколькими промышленными людьми выехали позднее и догнали Атласова уже на Камчатке.

Жившие по обе стороны Камчатского перешейка сильные корякские племена акланцев и алюторцев подчинились без боя. Окрыленный успехом Атласов разделил свой отряд пополам. 30 казаков и столько же юкагиров во главе с Л. Морозко пошли вдоль восточного побережья Камчатки. Другую половину отряда сам глава экспедиции повел по западному берегу полуострова. На реке Палана Атласов встретил большое и хорошо укрепленное стойбище коряков. Казаки окружили крепость, но скоро сами оказались в осаде. На сторону врага перешла часть юкагиров во главе с неким Омой. Изменники вероломно напали ночью на русский лагерь.

Погибли 6 казаков, 15 были ранены. Самого Атласова от смерти спасло лишь то, что он был одет в панцирь, когда на его палатку обрушился град юкагирских стрел. Русские отгородились нартами и отстреливались из ружей от наседающих врагов. Верный юкагир, посланный Атласовым за подмогой, добрался до отряда Луки Морозко. Тот поспешил на помощь, ударил по неприятелю с тыла и выручил товарищей. Ома со своими людьми бежал на север и начал разбойничать на путях к Анадырю[124].

Объединившись снова в один отряд, русские двинулись на реку Тигиль. Там оставили пастись оленей под присмотром юкагиров, а сами пошли через горы мимо величественных огнедышащих вулканов к реке Камчатке. Заросшая густым лесом речная долина показалась казакам очень привлекательным местом после холодной каменистой тундры. Русские встретили здесь новый народ – камчадалов (ительменов). Между камчадальскими племенами шли непрерывные войны, поэтому поселения были хорошо укреплены. На бой камчадальские воины выходили в костяных панцирях, вооруженные копьями и стрелами с костяными наконечниками, каменными топорами.

Ружья произвели на камчадалов сильное впечатление, они сразу прозвали русских «огненными людьми». Первые поселения, встреченные Атласовым, незадолго до того были разорены воинами с низовий реки Камчатки. Теперь пострадавшие хотели воспользоваться появлением «огненных людей», чтобы отомстить обидчикам. Выслушав просьбу о военной помощи, Атласов вместе с дружественными камчадалами отправился в поход на лодках по реке.

Вблизи морского побережья казаки увидели вражескую крепость, которую защищало 400 воинов. Русские пошли на штурм, двигая перед собой большой деревянный щит. Ружейным огнем сбили камчадалов со стен их крепости. Земляной вал казаки раскопали кольями, а частокол подожгли. Спасаясь от огня, защитники крепости устремились в единственные узкие ворота, но там их уже ждали атласовцы. Камчадалы сдались и признали власть «белого царя». Атласов вернулся с победой в центральную часть полуострова, где на Еловке казаками уже было построено зимовье из двух изб. Присоединение Камчатки к России символизировала установка огромного деревянного креста. Это произошло 13 июля 1697 года – в день

святого князя Владимира, небесного покровителя Владимира Атласова[125].

Зимой русские занимались пушным промыслом. Добыча оказалась сказочно богатой. Но вскоре пришли тревожные вести. Кочевники-коряки угнали оставленное на Тигиле оленье стадо, без которого нельзя было вернуться обратно на Анадырь. Казаки помчались в погоню за похитителями и на берегу Охотского моря настигли их. В сражении, которое продолжалось день и ночь, коряки потеряли полтораста человек убитыми, а остальные «разбежались по лесам». На реке Иче Атласов попытался объясачить другую группу «оленных» коряков, но те «с жилищ своих убежали вдаль». Через шесть недель пути на реке Большой беглецов нагнали, «поставили с ними бой» и разгромили, а стадо оленей забрали себе в качестве трофеев.

Атласов преодолел реку и продолжил путь на юг Камчатки. В одном из приморских селений казаки неожиданно увидели среди камчадальских рабов непохожего на местных жителей человека. Это был японец Денбей. Его корабль, унесенный бурей от берегов Японии далеко на север, долго носило по океану, пока судно не разбилось возле одного из мысов южной части Камчатки. Там японца взяли в рабство и перепродали другому племени. Освобожденный из неволи Денбей позднее выучил русский язык и много рассказал о своей родине.

В южной части полуострова Атласов встретил еще один неведомый прежде народ – причастных к пленению Денбея «курильцев». Это были камчадалы, смешавшиеся с айнами – коренными жителями острова Хоккайдо и Курил. Они закрылись в своих крепостях и отстреливались из луков. Когда казаки захватили один из острожков, оказалось, что обитатели не промышляют пушных зверей. Сразу потеряв интерес к курильцам, казаки оставили их в покое. На юге полуострова пропал без вести ближайший соратник Луки Морозко Иван Голыгин. Реку, близ которой он, видимо, и нашел смерть, стали называть Голыгиной.

После второй зимовки у казаков стал заканчиваться порох. Оставив на Камчатке часть отряда под началом Луки Морозко и Потапа Серюкова, Владимир Атласов в марте 1699 года отправился в обратное путешествие в Анадырский острог. С пятидесятником ехало 17 казаков, 30 юкагиров, пленный камчадальский князь и японец Денбей. После четырехмесячного пути Атласов благополучно достиг Анадыря, где ему сразу пришлось бороться с набегами чукчей на ясачных коряков.

Среди взятых у чукчей трофеев были шкурки неведомых зверьков с полосатыми хвостами. Пленные показали, что такие меха привозят на Чукотку по льду из-за моря, с «большой земли». Неведомыми зверьками с полосатыми хвостами были еноты, а заморской землей – Америка. Так Атласову удалось не только исследовать Камчатку, но и получить первые сведения от Денбея о Японии, а от чукчей – об Америке[126].

В 1701 году покоритель Камчатки прибыл в Москву. По указанию Петра I Атласов составил обстоятельный отчет об открытых им землях. Царь Петр лично расспрашивал японца Денбея, который стал первым в России учителем японского языка. Атласова за успешный поход произвели в казачьи головы и поручили снова вести отряд на Камчатку. Однако по дороге Атласов позволил своим казакам разграбить купеческое судно на Ангаре, за что по прибытии в Якутск был посажен в тюрьму[127].

Мятежи и распри

После ухода Атласова с Камчатки у оставшихся там казаков подошли к концу боеприпасы. Потапу Серюкову и Луке Морозко удалось установить с камчадалами мирные отношения. Русские выгодно меняли на меха железные ножи и топоры. А вот коряки не простили обид, нанесенных им Атласовым. Когда Морозко заехал в корякский острожек на Тигиле, его предательски убили. Другие казаки из первого атласовского отряда попытались уйти с Камчатки, но погибли на реке Палане в сражении с корякским вождем Ачеем.

В 1702 году на полуостров пришел новый русский отряд во главе с Тимофеем Кобелевым. Русские отомстили за смерть своих товарищей. Ачей нашел гибель в бою с казаками,

корякские острожки на реках Палане и Тигиле были разорены. Чтобы закрепить недавно открытый край за Россией, кроме Верхнекамчатского, были построены новые остроги – Нижнекамчатский в устье реки Камчатки и Большерецкий на юго-западном побережье.

В то же время северные и южные районы полуострова не признавали над собой власть далекого «белого царя». Смертельно опасным для русских оставался сам путь из Анадыря по перешейку, связывавшему Камчатку с остальной сушей. Этот путь пролегал через владения воинственных коряков. В 1705 году алюторские коряки уничтожили два небольших русских отряда, шедших на Камчатку. Уцелевшие казаки нашли спасение у дружественных акланских коряков.

В 1707 году на Камчатке второй раз появился Владимир Атласов, который все же сумел оправдаться перед властями и был назначен приказчиком в камчатские остроги. «Камчатский Ермак» прибыл очень вовремя со своим отрядом в 170 человек с 4 пушками. Камчадалы внезапно атаковали и сожгли Большерецкий острог со всеми его защитниками. Весь юг полуострова был охвачен пожаром войны.

Атласову пришлось направлять людей сразу в несколько мест. К Авачинской губе, где позднее вырастет столица Камчатки, выступил Иван Таратин с 70 казаками и 70 союзными камчадалами. Русские обнаружили, что залив заполнен лодками враждебных камчадальских племен, собравшихся со всего побережья. Видя малочисленность русского отряда, камчадалы решили не убивать казаков, а брать в плен, для чего приготовили ремни – вязать пленников. Но в плен после жестокого сражения попали сами предводители вражеского войска. На реке Большой против русских ополчился камчадальский «князец» Канач. Камчадалы заранее подготовились к битве, соорудили прочные укрепления. Хотя в битве русские все же взяли верх, Канач сохранил свои главные силы и не считал себя окончательно побежденным.

В тяжелых походах войско Атласова понесло серьезные потери. У казаков росло недовольство своим командиром. Среди ратников было много преступников, для которых отправка на Камчатку заменила тюрьму и казнь. Бывшие уголовники не выносили строгую дисциплину, которую Атласов устанавливал в своем «войске». В декабре 1707 года казаки, собравшись на круг, низложили своего начальника. После этого Атласов все же остался жить на Камчатке.

Новый камчатский приказчик Петр Чириков не смог сразу попасть во вверенные ему остроги. Он пытался найти более удобную дорогу на Камчатку. В 1708 году Чириков поплыл на малых судах через Пенжинский залив на севере Охотского моря, но попал в шторм. Суда выбросило на берег. Русские укрылись у друзей – в большом укрепленном стойбище коряков-акланцев, Акланском остроге, который осадили враждебные пенжинские коряки.

Осада продолжалась два месяца, пока к русским не пришло подкрепление из Анадыря. Теперь уже Чириков вместе с акланцами осадил два больших вражеских острога в устье Пенжины, взял их и разрушил. Коряки-пенжинцы отступили на высокую каменную скалу – «опрядыш», куда они забирались по длинным ремням. Русские не могли овладеть неприступным «опрядышем», но предводитель акланцев уговорил пенжинцев покориться.

На следующий, 1709 год Чириков пошел на Камчатку по тихоокеанскому побережью. При переправе через реку Карагу на 55 русских внезапно навалилось множество коряков-алюторцев. Неопытные новобранцы, которые преобладали в отряде Чирикова, побежали, не выдержав удара. Враги захватили оленный обоз со всеми припасами. Русских, потерявших 10 человек, прижали к океану, вдобавок оказалось, что в опасный поход Чирикова снабдили негодным порохом. Положение спасли несколько опытных казаков, успевших наскоро соорудить укрепление на морском берегу. Алюторцы продолжали осаду, однако во время вылазки русским удалось захватить пять корякских лодок. На них отряд и добрался по морю до реки Камчатки.

Став во главе камчатских острогов, Чириков столкнулся со вспыхивавшими то здесь, то там восстаниями камчадалов. Особенно тяжело русским приходилось на реке Большой. Туда отправился Иван Харитонов с 40 казаками. Проводники-изменники завели русские лодки в засаду в узкой речной протоке. Чудом вы-

рвавшись, казаки укрепились в одном из захваченных камчадальских острогов, где их обступили со всех сторон неприятельские воины. Осажденные не дождались помощи ни от Петра Чирикова, ни от нового камчатского приказчика Осипа Миронова. Когда силы защитников острога подошли к концу, они прорвались через ряды камчадалов и отступили на север.

Чириков и Миронов неприветливо встретили отряд Харитонова, обвиняя выдержавших долгую осаду казаков в трусости. Грубость начальников только ускорила взрыв недовольства. Заговор возглавили казаки Данила Анциферов и Иван Козыревский. В январе 1711 года в Верхнекамчатском остроге вспыхнул мятеж. Приказчиков Чирикова и Миронова мятежники жестоко убили, погиб от их рук и Владимир Атласов[128].

Весной 70 бунтовщиков во главе с Анциферовым и Козыревским перебрались на реку Большую. Там они восстановили Большерецкий острог, усилив его во избежание поджога земляными укреплениями. «Князец» Канач, правивший на Большой, призвал себе на помощь все недовольные приходом русских племена. Под стенами Большерецка собралось до 3 тысяч вражеских воинов. Камчадалы хвалились побить малочисленных казаков не стрелами, а одними шапками.

21 мая 1711 года на берегу реки Большой разыгралось решающее сражение. Половину своих людей Анциферов и Козыревский оставили на крепостных стенах вести непрерывный огонь из ружей. Другая половина казаков атаковала неприятеля «в копья». Охваченные паникой камчадалы, давя друг друга, устремились к стоящим у берега речным лодкам-батам. Перегруженные лодки переворачивались. Камчадальские обычаи не позволяли учиться плавать, поэтому река Большая запрудилась от обилия утонувших. Среди погибших был и Канач[129].

За «переливы»

В Большерецке образовалось что-то вроде вольного казачьего войска. Анциферова избрали атаманом, Козыревского – есаулом. Все казаки дали на круге клятву быть заедино и друг друга не выдавать. Они надеялись «заслужить вины» каким-нибудь большим достижением. Иван Козыревский, единственный грамотный в отряде, предложил отправиться в плавание на юг. Еще Атласов, впервые побывав в южной части Камчатского полуострова, видел неведомые острова за морскими «переливами» (проливами). Русские власти повелели проведать об этих землях. Возможно, Козыревский, разбирая бумаги убитых приказчиков, нашел такое распоряжение и задумал исполнить его.

В августе 1711 года Анциферов и Козыревский вышли из Большерецка в море на камчадальских байдарах – больших морских лодках. Казаки проплыли вдоль берега до Камчатского носа – южной оконечности полуострова, современного мыса Лопатка. Отсюда был взят курс на загадочную землю. Байдары пересекли «перелив» и приблизились к самому северному из Курильских островов – Шумшу.

На острове жило смешанное, камчадальско-айнское население. Айны были опытными мореходами, они вели оживленную торговлю на всех островах между Камчаткой и Японией. Курильцы, вооруженные японским холодным оружием, показались казакам смелее и способнее к ратному бою, чем все народы от Анадыря до Камчатского носа. И все же в столкновении у острова Шумшу русские взяли верх. Они захватили три айнских судна, а остальные заставили отступить.

Казаки не обнаружили на Шумшу ценных мехов. Соболи и лисицы здесь не водились, а шкурки морских бобров (каланов) островитяне успели продать на южные Курилы. В сентябре Анциферов и Козыревский вернулись в Большерецкий острог. К тому времени в Верхнекамчатском остроге успел обосноваться новый приказчик Василий Колесов. Пока у него не хватало сил, чтобы заставить большерецких казаков признать свою власть.

Но зимой вольное казачье войско понесло большие потери. Атаман Анциферов и 24 казака заживо сгорели, когда камчадалы внезапно подожгли ясачное зимовье на Аваче. Оставшаяся часть отряда во главе

с есаулом Козыревским явились с повинной в Верхнекамчатск. Колесов не стал вспоминать прошлые преступления бунтовщиков, а поручил им продолжать исследование южных островов.

В Большерецке началось строительство более прочных морских байдар. Паруса для них шили из сотканных камчадалами крапивных ковриков, судовые снасти тоже были сплетены из крапивы. На байдары погрузили припасы, а также две пушки и дальнобойную «винтовую» пищаль. В плавание отправлялись 55 русских и 11 камчадалов, среди которых были толмачи (переводчики) с айнского языка.

Летом 1713 года Козыревский знакомым маршрутом повел свою флотилию за «переливы». От Шумшу суда добрались до следующего острова Курильской гряды – Парамушира. Здесь русских уже ждали. Переговоры через толмачей-камчадалов ни к чему не привели. «Курильцы» заявили, что они дань до сих пор никому не платили и платить не собираются. Сражение развернулось и на море, и на берегу. Айны показали себя опытными и искусными воинами. Их закованный в латы строй бился как один человек, «в три приема» – засыпал русских стрелами, бросался в копья, рубился на саблях.

Русским удалось справиться с островитянами. Пять курильских судов попали в руки казаков, оставшаяся неприятельская флотилия спешно отгребала на юг. Козыревский бросился в погоню. Отставших русские байдары перехватили у острова Онекотан. На захваченных судах нашли много диковинных товаров. Со слов одного из пленных – торговца с южного острова Итуруп – было составлено описание всех Курил[130].

Дорога на Камчатку

Камчатка не могла прочно войти в состав России, пока дорога туда была под угрозой нападений враждебных племен. Особую опасность представляли многочисленные и воинственные коряки-алюторцы. Их главное стойбище было столь велико, что русские уважительно именовали это укрепленное поселение «Большим Алюторским посадом» – то есть городом. Московские власти поставили задачу овладеть Большим посадом, чтобы обезопасить путь на Камчатку через перешеек.

В конце 1713 года в поход на алюторцев собрался анадырский приказчик Афанасий Петров. Сотню русских ратников сопровождали ясачные юкагиры и коряки. В феврале 1714 года войско подошло к Большому посаду, окруженному с трех сторон морем. С четвертой стороны алюторскую крепость защищала мощная линия укреплений: снизу – двойной частокол, набитый каменным щебнем и обложенный землей, вверху – стена с бойницами. В стойбище находилось 700 алюторских воинов, многие из них были вооружены захваченными у русских пищалями.

В голой тундре трудно было найти материал для постройки осадных сооружений. Русским удалось под прикрытием привезенных деревянных щитов собрать «подмёт» – вал из веток карликовой ивы и кедрового стланика. Казаки, перебрасывая ветки вперед, постепенно двигали «подмёт» к вражеской крепости, чтобы потом поджечь при благоприятном ветре. Однако коряки сами забросали казачий вал горящими травяными мешочками, начиненными порохом. Казаки отступили, бросив разбитый взрывами и пылающий «подмёт». Деревянные щиты оказались слабой защитой от огня пищалей из алюторской крепости.

Приказчик Петров запросил прислать ему артиллерию, а пока держал алюторцев в осаде, которая затянулась до августа. Вместо пушек доставили ручные гранаты, но Большой Алюторский посад уже не казался таким неприступным. Там подошли к концу запасы продовольствия, даже за пресной водой корякам приходилось ходить на вылазки под пулями. Каждый день в русский лагерь приходили перебежчики из вражеской крепости и приносили присягу «белому царю».

6 августа казаки пошли на штурм и ворвались на крепостные стены. Оставшиеся в стойбище 300 воинов закрылись в заранее построенной ими внутренней цитадели из засыпанных землей байдар. Это укрепление алюторцев забросали гранатами. Одна из них взорвала пороховой склад, уничтожив последних защитников Большого посада[131].

Недалеко от разрушенной корякской крепости возник русский Архангельский острог, который должен был контролировать сухопутную дорогу на Камчатку. Осенью в Архангельский острог прибыл камчатский начальник Колесов, который решил возвращаться вместе с анадырским приказчиком Петровым по зимнему пути. В декабре 1714 года оленный караван, двигавшийся на север, попал в тундре в тяжелый снежный буран. Колесов с 20 казаками отправился разведывать дорогу. Вернувшись, он обнаружил Петрова и бывших с ним 30 русских убитыми.

Приказчиков сопровождали юкагиры во главе с тем самым Омой, который едва не погубил Атласова во время его первого похода на Камчатку. Позднее Ома повинился и вновь стал служить русским. Однако участие в долгой и тяжелой осаде Большого Алюторского посада вызвало недовольство ясачных людей. Ома решил воспользоваться удобным случаем для нового мятежа. Юкагиры внезапно напали на Петрова и его спутников, укрывавшихся от непогоды поодиночке в возках на нартах. Расправившись с анадырским приказчиком и его людьми, Ома поспешил собрать вокруг себя все враждебные России племена. Скоро вся тундра была охвачена восстанием.

Колесов с уцелевшими казаками бежал к акланским корякам, всегда дававшим русским убежище. Но когда к Акланскому острогу подступило соединенное войско анадырских юкагиров, алюторских и пенжинских коряков, измене поддались и акланские коряки. В феврале 1715 года они перебили доверившихся им казаков. Оборонявшегося в юрте приказчика Колесова сожгли вместе с жилищем.

После расправы над русскими разноплеменное войско разошлось в разные стороны. Юкагиры отправились на Анадырь, коряки двинулись на Архангельский острог. Крепость продержалась до лета 1715 года. В июне 35 оставшихся там казаков уплыли на лодках на Камчатку, покинутый острог коряки сожгли. Вскоре восстание утихло само собой. Одни племена, одумавшись, пошли на мир с русскими властями, которые хотя и брали ясак, но все же защищали от воинственных соседей. Непокорных на время оставили в покое, поскольку пробивать силой оружия сухопутную дорогу на Камчатку стало ненужно – был открыт короткий маршрут через Охотское море[132].

До этого русские в Сибири опасались плавать вдали от берега, «ходить в голомень». Но в 1715 году в Охотске было заложено большое судно поморского типа – лодья «Восток», приспособленная для плавания в открытом море. В 1716 году казак Кузьма Соколов, кормчий Никифор Треска и еще 25 человек экипажа впервые пересекли на лодье «Восток» Охотское море и достигли Камчатки.

Узнав об этом успешном морском плавании, Петр I решил, что пришло время дальних океанских походов. Камчатка надолго стала базой русских экспедиций в Тихий океан. В 1726 году будущий первооткрыватель северо-западных берегов Америки Витус Беринг встретил по дороге на Камчатку исследователя Курил Ивана Козыревского. Тот представил Берингу свою карту Камчатки и Курильских островов и попросился в экспедицию. Беринг, однако, отказался взять с собой в плавание «хворого» и к тому же имевшего дурную репутацию бунтовщика[133].

Витус Беринг и другие прославленные российские мореплаватели проложили с Камчатки пути на просторы Тихого океана. Вскоре этими маршрутами с камчатских берегов поплыли суда русских промысловиков – на Курильские и Алеутские острова, на Аляску. Начатое походом Ермака великое движение русских людей на восток – «встречь солнца» – не было остановлено океаном. Оно просто стало другим. Покорение Сибири перерастало в освоение океанских просторов. Но это уже другая история.

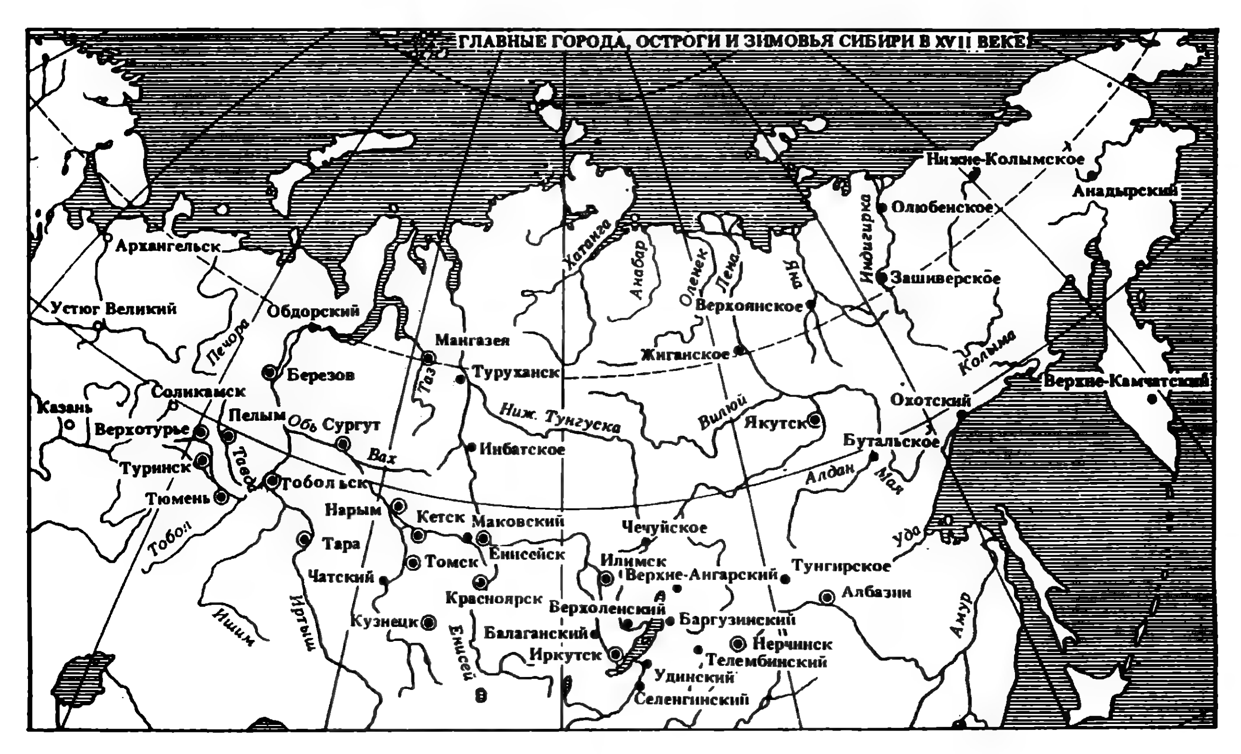
ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время с конца XVI по начало XVIII века было важным для исторических судеб всей нашей страны, но для Сибири этот период оказался по-настоящему переломным. События, происходившие тогда на гигантском пространстве от Урала до Тихого океана, решительно изменили пути и темпы исторического развития Северной Азии.

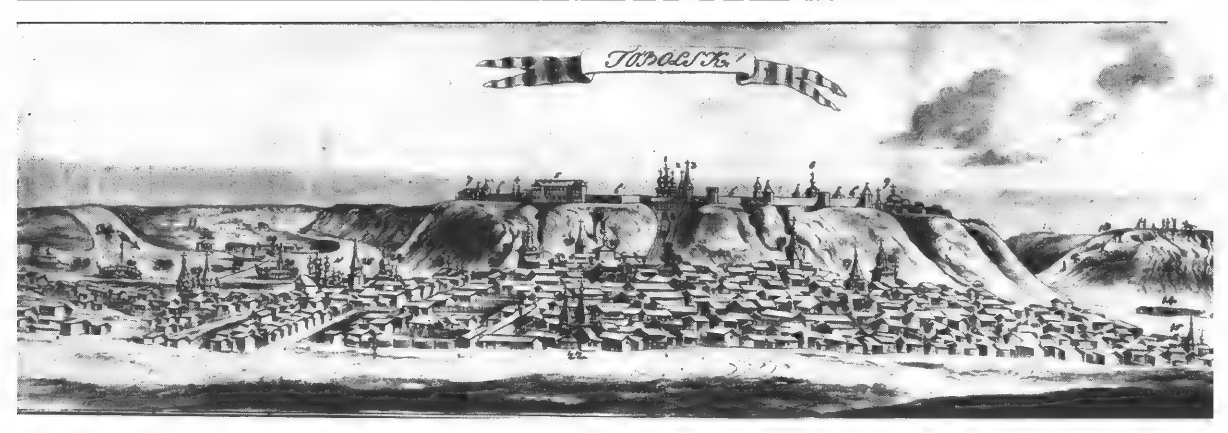
Там, где накануне похода Ермака западноевропейские географы помещали только слово «Тартария», через столетие на русских картах появились очертания огромной страны, которая в несколько раз увеличивала размеры Российского государства. Даже на несовершенных, грубых «чертежах» она поражала своими величавыми просторами. Прорезанная сотнями больших и малых рек, связанная вновь проложенными путями в одно целое, скрепленная цепью городов и острогов, Сибирь вступила в новый период своей истории. Эта суровая и прекрасная, древняя и вместе с тем молодая страна выходила из многовековой изоляции от остального мира и преображалась прямо на глазах первопроходцев.

После походов казачьих отрядов в глухой тайге и пустынной тундре, на краю бескрайних степей и у отрогов каменистых гор выраетали десятки русских поселений. Некоторые из них быстро превращались в живописные величественные города – явление, еще неведомое большинству сибирских народов. Рядом с крепостными стенами зашумели ярмарки. Далеко разносился звон церковных колоколов. Издревле пустовавшие земли покрывались хлебными нивами.

Такой скорости продвижения по неведомым диким землям, такого размаха их пре-

Карта-схема Н.И. Никитина

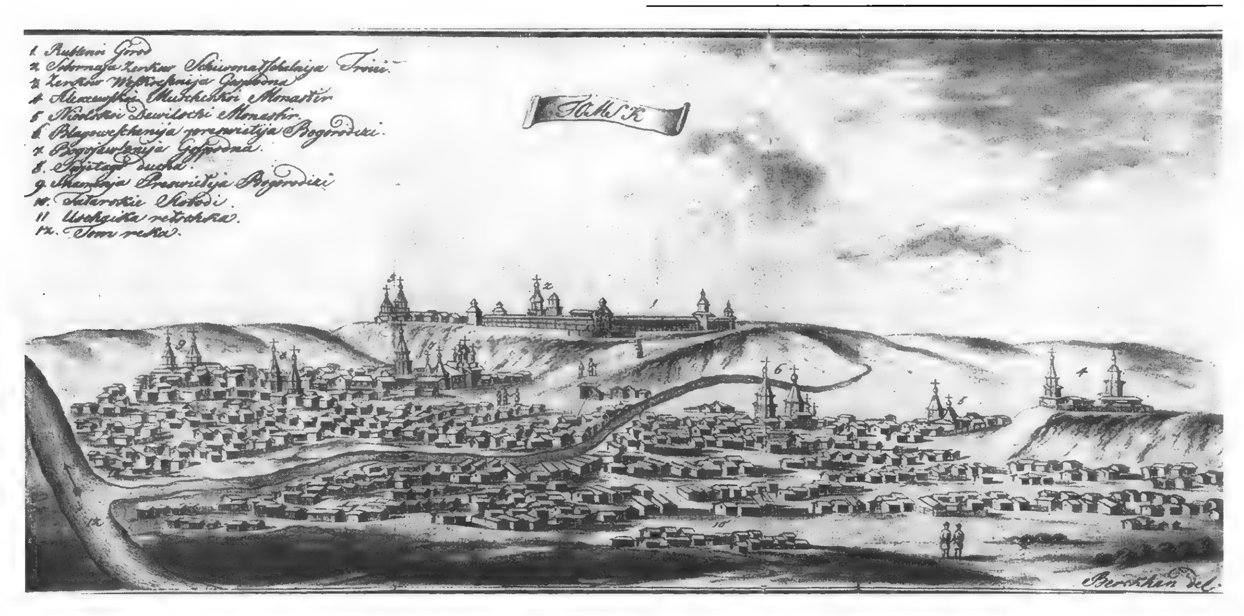

Панорама Тобольска.
Фрагмент гравюры XVIII в.

образований не знало человечество. И беспримерный подвиг русских первопроходцев по достоинству оценили не только наши, но и зарубежные ученые. Так, английский историк Д. Бейкер писал: «Продвижение русских через Сибирь в течение XVII века шло с ошеломляющей быстротой... На долю этого безвестного воинства достанется такой подвиг, который навсегда останется памятником его мужества и предприимчивости и равного которому не свершил никакой другой европейский народ»[134]. По мнению японского историка Синтаро Накамуры, «нельзя не удивиться героическим действиям этих людей, проходивших в те далекие времена совершенно неизведанные земли и тайгу, преодолевавших студеные реки и моря...»[135]

Но всех лучше передал чувство удивления и восхищения подвигом сибирских первопроходцев наш соотечественник – известный писатель и коренной сибиряк Валентин Распутин: «Уму непостижимо! Кто представляет себе хоть немного эти великие и гиблые расстояния, тот не может не схватиться за голову. Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимуя в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя с каждым переходом товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой, нередко в горстку людей, не ведая, что ждет их завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья на реках, и остроги, и чертежи, и записи "расспросных речей", и опыт общения с туземцами, и пашни, и солеварни, и просто затеси, указывающие путь, – для них же все было впервые, все представляло неизведанную и опасную новизну. И позже, когда каждый шаг и каждое дело сибирских строителей и покорителей без заминки называлось подвигом, нелишне было помнить и нелишне бы почаще представлять, как доставались начальные шаги и дела нашим предкам... Для осознания их изнурительного подвига не хватает воображения, оно, воображение наше, не готово следовать теми долгими и пешими путями, какими шли сквозь Сибирь эти герои»[136].

Нельзя, однако, забывать и о том, какой дорогой ценой досталась русскому народу Сибирь. Казаков и промысловиков никак не уподобишь туристам, героически сражающимся лишь с природными стихиями. Помимо таежных дебрей и топких болот, скалистых гор и порожистых рек, стай волков и туч гнуса, русских за Уралом встретило множество воинственных племен. Из них далеко не все были рады приходу чужеземцев, далеко не все изъявляли желание и готовность принять подданство далекого «белого царя». Стрелы и копья сибирских воинов уносили жизни русских землепроходцев так же, как лютые морозы, голод и болезни.

Панорама Томска.
Фрагмент гравюры XVIII в.

Коренные жители Северной Азии в подавляющем своем большинстве не были теми кроткими и беззащитными «туземцами», какими их нередко изображают в художественной литературе. Как правило, они были очень воинственны, отважны и жестоки в бою, хорошо вооружены и закалены в сражениях, которые вели с соседями часто и задолго до прихода русских. Тем не менее победы за Уралом чаще всего одерживали русские, и не только благодаря огнестрельному оружию. Мужество, смекалка, отчаянная храбрость – вот те качества, без обладания которыми русские отряды никогда бы не покорили Сибирь, и это событие по праву должно занимать одно из самых почетных мест в летописи русской воинской славы.

Конечно, по своим масштабам вспыхивавшие за Уралом баталии не могут идти в сравнение с войнами, которые происходили в то время в Европейской России. Там сражались десятки, а то и сотни тысяч людей. В сибирских же острогах военные силы обычно исчислялись сотнями, если не десятками ратников. Но нужно учитывать, что в Сибири какой-нибудь казачий атаман со своим крошечным отрядом мог решать такие задачи, которые не были по силам многотысячной рати к западу от Урала, вполне осознавая, что несет ратную службу в «дальней государевой вотчине» за всю свою огромную страну.

Покорителям Сибири выпало жить в суровую, жестокую эпоху. Тогда представления о том, что хорошо, а что плохо, что справедливо, а что нет, порой сильно отличались от нынешних. Так, завоевание других стран и народов не только не считалось чем-то предосудительным, но было предметом гордости, свидетельством того, что к победителю благоволят высшие, божественные силы. Однако мужество, отвага, героизм – это такие свойства человека, которые не устареют никогда. Они нужны обществу и будут в чести у людей всегда – до тех пор, пока существует само человечество. Поэтому ратными подвигами своих предков могут гордиться все населяющие Северную Азию народы, на чьей бы стороне они ни стояли во время покорения Сибири.

Нельзя не отметить, что русские продвигались за Урал плечом к плечу с украинцами, белорусами, коми-зырянами, татарами, представителями других народов, которые внесли немалый вклад в открытие и освоение новых земель. Активно включились в процесс присоединения Сибири к России и местные племена татар, вогулов, остяков, тунгусов, якутов, бурят, юкагиров. Их проводники-следопыты, погонщики оленных и собачьих упряжек сопро-

вождали казачьи отряды в дальних и тяжелых походах. Вместе с русскими сибирские воины стояли на защите новых владений России от нападений внешних врагов[137].

Войны были постоянным явлением в жизни коренных обитателей Северной Азии с незапамятных времен. В преданиях и легендах народов Сибири прежде всего прославлялось воинское мастерство, отвага и беспощадность к врагам, красочно описывались жестокие, кровавые битвы. Сохранились сведения о том, как побежденных уничтожали поголовно, включая младенцев, чтобы не осталось на свете ни одного мстителя... Это приводило к истреблению целых племен и народов.

Русские отряды не просто включились в эту войну всех против всех, а коренным образом изменили военно-политическую ситуацию в Северной Азии. Главной целью русских были уже не пастбища или охотничьи угодья, не военная добыча. Боевые действия теперь велись за включение сибирских земель в состав единого, могучего государства, заинтересованного не в уменьшении числа своих подданных-налогоплательщиков, «ясачных людей», а в росте их численности, в крайнем случае – сохранении на прежнем уровне.

Россия постоянно страдала от «малолюдства», и «пустые земли» ее правителям были не нужны. Жестокости по отношению к побежденным по этой причине не поощрялись. Вот и получилось, что, в отличие от «цивилизованных» западноевропейских стран, которые тогда же начали «очищать от дикарей» целые континенты, Российское государство, покоряя Сибирь, не истребило и не согнало со своих земель ни один народ[138].

Такая политика объяснялась, конечно, не только соображениями государственной выгоды. Здесь проявлялись и особенности русского национального характера. Как ни горячи бывали русские ратники в бою, к побежденным они относились с удивительным великодушием. Незлопамятность как свойство русского характера давно отмечалось иностранными наблюдателями. Она содействовала быстрому сближению сибирских народов с народом русским, взаимному обогащению их культур в ходе хозяйственного освоения Северной Азии, ставшей всего за столетие неотъемлемой частью России[139].

Отдавая дань благодарной памяти отважным первопроходцам, нам остается пожелать нашим соотечественникам, особенно сибирякам, не забывать о своих корнях, быть достойными воинской славы предков, сберечь и сохранить сибирские земли для будущих поколений россиян.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Герберштейн С.* Записки о Московии / Перевод с нем. *А.И. Малеина* и *А.В. Назаренко.* М., 1988. С. 156-161; *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. С. 13.

[2] *Анучин Д.Н.* К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды Московского археологического общества. Т. 14. М., 1890. С. 303.

[3] Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 13–16.

[4] Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Перевод *А.Г. Кузьмина.* Арзамас, 1993. С. 169.

[5] Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). С. 169; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 72–76.

[6] Очерки истории Коды. С. 76–77; Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997. С. 40–41.

[7] Югорск: от легенды до точки на карте. С. 41–44.

[8] *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 63–80, 210, 272–273.

[9] *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980. С. 108–113.

[10] На стыке континентов и судеб (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах). Ч. 1. Екатеринбург, 1996. С. 31–32.

[11] Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 97–98, 103–104; *Шашков А.Т.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 16–24.

[12] *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. С. 98–102, 191–195.

[13] Там же. С. 117–120.

[14] Там же. С. 180–185, 190.

[15] Там же. С. 198–200; *Шашков А.Т.* Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского ун-та. № 7. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 46–47.

[16] История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 63–64; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 217; *Митько О.А.* Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 175.

[17] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л., 1937. С. 219–221.

[18] Там же. С. 234–235.

[19] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 234–235.

[20] *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 228–234.

[21] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 239, 249–254.

[22] *Шашков А.Т.* Начало присоединения Сибири. С. 41–42.

[23] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 258–264; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 252–262.

[24] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 266–271; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 262–263.

[25] ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. С. 96–97.

[26] См.: *Никитин Н.И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятья» // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 51–87; РГАДА. Ф. 214. Сибирский приказ. Стб. 328. Л. 25–25 об. (Челобитная тобольского атамана Клима Бабашина).

[27] *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 265–267.

[28] *Никитин Н.И.* Соратники Ермака… С. 59–60.

[29] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 278–279, 288–300; История Сибири с древнейших времен до наших дней в 5 тт. Т. 2. Л., 1968. С. 35–36; *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 273–278; *Трепавлов В.В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 57–61.

[30] *Вершинин Е.В., Шашков А.Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. Сургут, 2004; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 143–145.

[31] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. М.; Л., 1941. С. 33, 104.

[32] Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 102–104; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 123–130.

[33] История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 тт. Т. 2. С. 42–43.

[34] *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 85–118. Ч. 2. С. 163–170; Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов. Екатеринбург, 2004. С. 33–34, 165; Очерки истории Югры. С. 163–165.

[35] Очерки истории Югры. С. 165–170, 175–177.

[36] Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 90–100.

[37] История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 36.

[38] *Бродников А.* Енисейский острог. Енисейск в XVII веке. Очерки по истории города и уезда. Красноярск, 1994. С. 16–32.

[39] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 149; *Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 136–137.

[40] Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953. С. 12–13.

[41] Там же. С. 13, 209–210; *Степанов Н.Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) М., 1973. С. 117; *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 289.

[42] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 151; Якутия в XVII в. С. 13–26; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 33–36.

[43] *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937. С. 31; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 38–39.

[44] *Бродников А.* Енисейский острог. С. 36–38.

[45] *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 37.

[46] *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 33–36; Якутия в XVII в. С. 13–26; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 37–38.

[47] *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 47, 80; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 201; *Бродников А.* Енисейский острог. С. 39, 75–77.

[48] Якутия в XVII в. С. 28–31.

[49] Там же. С. 31–36.

[50] *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 71–77.

[51] Якутия в XVII в. С. 36–38; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 45–46; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 38–39.

[52] Якутия в XVII в. С. 39–48; История Сибири с древнейших времен. Т. 2. С. 48.

[53] Якутия в XVII в. С. 288–296; История Сибири с древнейших времен. Т. 2. С. 143–144.

[54] Якутия в XVII в. С. 49–53; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 100–102.

[55] Якутия в XVII в. С. 54–56; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии. Сб. документов. М., 1951. С. 233–235.

[56] Якутия в XVII в. С. 53–54.

[57] *Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980. С. 116–117.

[58] Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии. С. 246, 260–261, 269, 276; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. Л.; М., 1952. С. 116, 122–132, 246; Якутия в XVII в. С. 60–62; История Русской Америки (1732–1867): В 3-х тт. Т. 1. М., 1997. С. 24–28; *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 207.

[59] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 269.

[60] *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 160.

[61] Там же. С. 64–69, 209, 212, 224–225.

[62] Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 50–53; Якутия в XVII в. С. 63–64; *Тураев В.А.* Первая русская экспедиция на Тихий океан. Опыт изучения и проблемы // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток, 1994. С. 9–22; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока... С. 104–105.

[63] *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VI. М., 1991. С. 568–569.

[64] Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии. С. 268–269; Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. С. 95; *Соловьев С.М.* Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VI. С. 114–115; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока... С. 124–125; *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 215–227.

[65] *Бахрушин С.В.* Казаки на Амуре. Л., 1925. С. 15–16; *Полевой Б.П.* Новое об Амурском походе В.Д. Пояркова (1643–1646 гг.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973. С. 112–126; *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 8–16; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока... С. 110–113; *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России XVII – начала XVIII века. Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 61–69.

[66] *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 16–18, 20, 42–48, 53–57.

[67] Там же. С. 62, 67–74.

[68] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 155; *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974. С. 74–78, 95–96; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 24–26; *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 75–78.

[69] *Бахрушин С.В.* Казаки на Амуре. С. 34.

[70] *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 83–86, 95–99; *Артемьев А.Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 30.

[71] *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 83–85; *Артемьев А.Р.* Города и остроги... С. 35.

[72] *Идес Избрант, Бранд Адам.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 150.

[73] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 154; *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 86–89; История Сибири с древнейших времен до наших дней. Т. 2. С. 51–53; *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск. 1984. С. 17–21; *Артемьев А.Р.* Города и остроги... С. 35–37.

[74] *Багрин Е.А.* Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013. С. 83.

[75] *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке. С. 99.

[76] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 120–121; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье в системе русско-китайских отношений. С. 26–29; *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 107–109; *Пастухов А.М.* Корейская пехотная тактика самсу в XVII веке и проблема участия корейских войск в Амурских походах маньчжурской армии // Российское краеведение. Альманах. М., 2004. С. 118–144.

[77] *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 2005. С. 202.

[78] *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 109–112.

[79] *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. С. 113–115; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 29–30; *Артемьев А.Р.* Города и остроги... С. 32–34; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов. С. 43–49; *Пастухов А.М.* Корейская пехотная тактика... С. 118–144; *Симбирцева Т.М.* Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 гг.: источники и историография // Традиционная культура Востока Азии. Сб. ст. Вып. 3. Благовещенск, 2001. С. 179–188.

[80] *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов. С. 135–137; *Артемьев А.Р.* Города и остроги... С. 64, 72.

[81] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 39–42, 46–48, 62–72, 120–123.

[82] Там же. С. 121.

[83] Там же. С. 136–137.

[84] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 124–127; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 37–39.

[85] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 138–143; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 40–42; *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке. С. 167–169.

[86] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 140, 252; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 38; *Скалон В.Н.* Русские землепроходцы... С. 51–52.

[87] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 144–147; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 42–44.

[88] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 148.

[89] Там же. С. 149, 253; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 30.

[90] Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. / Под ред. *А.А. Зимина*. М., 1962. С. 535–536.

[91] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 149–150.

[92] Там же. С. 150–154; *Мелихов Г.В.* Маньчжуры на Северо-Востоке. С. 175–181.

[93] *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 163–173.

[94] Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958. С. 9–10; *Яковлева П.Т.* Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958. С. 162–185; *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах. С. 175–190; *Беспрозванных Е.Л.* Приамурье... С. 51–56.

[95] *Артемьев А.Р.* Города и остроги... С. 112–114.

[96] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 499. Т. 2. С. 39–31.

[97] Там же. Т. 2. С. 36–37, 91.

[98] Там же. С. 97–101.

[99] *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. С. 191.

[100] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 2. С. 428–429.

[101] Там же. С. 420.

[102] Там же. С. 101–108.

[103] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 189–198.

[104] *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 320–322; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 199.

[105] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 150. Ч. 2. С. 200–201. Т. IV. М., 1959. С. 12.

[106] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 201–205; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 43–46; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. С. 122–123; *Соколовский И.Р.* Челобитная сибирского служилого человека Астафия Михалевского (1636 год) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. № 1. С. 114–119.

[107] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 204–205; *Резун Д.Я.* Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. Новосибирск, 1984. С. 43–75.

[108] *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 50; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. IV. С. 46.

[109] *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 51–52.

[110] Очерки по истории башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 106–111; *Преображенский А.А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956. С. 64–65.

[111] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 277–278.

[112] Дополнения к Актам историческим. Т. 4. СПб., 1851. С. 283–293; *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. С. 100–101.

[113] *Кондрашенков А.А.* Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // Ученые записки Курганского пед. ин-та. 1964. Вып. 6. С. 3–93; История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 62–63; *Дмитриев А.В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 78–83; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб., 2010. С. 242–243.

[114] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 209–210; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 53–55.

[115] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 212–215. Т. IV. С. 64; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 53–56.

[116] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 215–220; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 56.

[117] *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 56.

[118] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 221; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 57.

[119] Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. 3. М., 1788. С. 276–278, 283–285.

[120] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 222–224; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 57–58.

[121] История Сибири с древнейших времен. Т. 2. С. 39–41, 45–46, 184–185; *Евсеев Е.Н.* Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 47–59; История казачества Азиатской России. Т. 1. С. 50.

[122] История Русской Америки (1732–1867): В 3 тт. Т. 1. С. 34–38; *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 51–54; *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России XVII – начала XVIII века. Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 121–124.

[123] *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002. С. 224–225, 228–230; *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов… С. 55–57, 64–67; *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России… С. 125–127.

[124] *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов. С. 68–75.

[125] Там же. С. 76–82, 87–90.

[126] Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1891. Кн. 3. С. 15–18; *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов. С. 94–110.

[127] *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов. С. 121–135, 136–138.

[128] *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов. С. 138–139; *Полевой Б.П.* Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982. С. 15–16.

[129] *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 249–250.

[130] Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов. М., 1984. С. 49–50; *Полевой Б.П.* Первооткрыватели Курильских островов. С. 17–23, 41–43; *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 251–255; *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России. С. 141–143.

[131] *Зуев А.С.* Русская тактика осады и взятия «иноземческих» острожков (Из истории Северо-Восточной Сибири XVII–XVIII вв.) // «Мы были!». Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004. С. 62.

[132] *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири. С. 257–262.

[133] *Полевой Б.П.* Первооткрыватели Курильских островов. С. 38–41; *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России. С. 138–140.

[134] *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М., 1950. С. 231–232.

[135] Цит. по: *Васильевский Р., Резун Д.* Воспитание историей. Новосибирск, 1987. С. 93.

[136] *Распутин В.* Сибирь, Сибирь… М., 1991. С. 30–33.

[137] *Антипов И.П.* О роли коренного населения Сибири в русских географических открытиях XVII в. // Уч. зап. Вологодского пед. ин-та. 1951. Т. 8; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 163–175; *Вершинин Е.В., Шашков А.Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. Сургут, 2004.

[138] *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 171.

[139] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 246, 271.

Николай Иванович Никитин

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ СИБИРИ XVII в. ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ

В последние два десятилетия изучение военных факторов русской колонизации Сибири конца XVI – начала XVIII в. стало одним из ведущих направлений нашей историографии. Естественным следствием повышенного внимания к сибирской военной истории (и, соответственно, увеличения числа исследователей, ею занимающихся) стало появление множества вопросов, по-разному трактуемых в литературе. Без их хотя бы элементарной, первичной систематизации трудно представить себе дальнейшее развитие отечественного сибиреведения.

Дискуссионные вопросы военной истории Сибири естественным образом делятся на «общие» и «частные», «важные» («концептуальные») и «второстепенные», на те, по которым среди исследователей вполне возможны или уже намечаются компромиссы, и те, где спорящие стороны далеки от «консенсуса». Различия в «степени дискуссионности» этих вопросов в большинстве случаев обусловлены скудостью источниковой базы или слабой ее изученностью, а также разными методологическими подходами к теме, но порой в основе расхождений лежит элементарное невежество авторов, незнание ими давно введенного в научный оборот материала, и в последнем случае «дискуссионными» их точки зрения можно считать лишь условно.

Характерный тому пример – взгляды известного ученого, создателя оригинальной теории этногенеза Л.Н. Гумилева на происхождение казаков Сибири. Вот как оно выглядит в его изложении: «В XIV в. потомки обрусевших хазар сменили русское название “бродники” на тюркское “казаки”. В XV–XVI вв. они стали грозой степных ногаев и, перенеся войну в Сибирь, добили их последнего хана Кучума. Получив подкрепление от московского правительства, они за один век прошли Сибирь до Тихого океана. Нуждаясь в пополнении, они охотно принимали в свои отряды великороссов, но всегда отличали их от себя. Всех вместе их принято называть землепроходцами». «С самого начала освоения Сибири казаки шли на восток не одни, – пишет Гумилев. – В конце XVI – начале XVII в. активно шло в Сибирь и население Русского Севера, прежде всего жители Великого Устюга, желавшие попытать счастья за Каменным поясом. Обычно каждый отряд (ватага), отправлявшийся в Сибирь, состоял из основного ядра – казаков – и примкнувших к ним устюжан. Все они назывались “землепроходцами”. Казаки и великороссы вместе продвигались через дикие места, перетаскивали лодки через пороги, сражались плечом к плечу и при этом всегда помнили, кто из них казак, а кто русский – устюжанин»[1].

В этом пассаже уважаемого ученого сплошь либо грубые ошибки, либо бездоказательные и противоречащие данным науки утверждения. И это не только ничем не обоснованная «концепция» происхождения казачества от «обрусевших хазар». Хорошо и давно известно, что Кучум был не «ханом степных ногаев» (хотя и находился в союзе с ними), а чингисидом, пришедшим в Сибирь из Бухары[2], что русские прошли от Урала до Тихого океана не «за один век», а менее чем за полвека (поход Ивана Москвитина). А глав-

ное, все имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что не вольные казаки, положившие начало «покорению Сибири», принимали в свои отряды «великороссов» при дальнейшем движении «встреч солнца», а как раз наоборот: выходцев из вольного казачества за Уралом в XVII в. порой включали в воинские подразделения, набранные из лиц, никогда вольными казаками не бывших. Как убедительно доказано трудами нескольких поколений отечественных историков, устюжане и прочие представители северорусского населения составляли в XVII в. абсолютное большинство переселенцев за Урал в целом и сибирских гарнизонов в частности. А выходцы с Дона, Терека и других казачьих рек после похода Ермака попадали в Сибирь сравнительно редко и, как правило, лишь в качестве ссыльных, теряя свой «вольный» статус. Источников по истории казачества Сибири сохранилось довольно много, и мы можем выяснить личный состав сибирских гарнизонов XVII в. поименно (а казаков, не прикрепленных ни к одному из гарнизонов, за Уралом тогда не было), и эти источники однозначно свидетельствуют, что немногочисленные выходцы из вольного казачества в Сибири по статусу ничем не отличались (и никак не отличали себя) от «великороссов»[3].

Мнение Л.Н. Гумилева на этот счет, похоже, строилось лишь на впечатлениях известного этнографа В.Г. Богараза от общения с казаками XIX – начала XX в., которые уже прониклись сословным чванством и, действительно, стремились всячески дистанцироваться от «мужиков»[4], но к реалиям XVII в. это отношения не имеет. Единственное, в чем можно согласиться с Гумилевым и Богоразом, так это в том, что землепроходцы («казаки-завоеватели») в большинстве своем «были людьми неукротимой храбрости и стихийной инициативы» (т. е., по терминологии Гумилева, «пассионарными»)[5].

Позиция некоторых наших крупных историков, обращающихся к военной истории Сибири, порой вообще выглядит довольно странно – по меньшей мере не логично. Вот одна из типичных для современного сибиреведения ситуаций. В последние годы новые подтверждения получило уже высказанное в литературе (но в свое время весьма сдержанно встреченное научным сообществом) мнение о том, что военная активность Русского государства за Уралом нередко носила вынужденный характер, определявшийся необходимостью нанесения ответных и превентивных ударов. Не только сибирский, но и мировой опыт показал, что именно активная оборона, т. е. перенос боевых действий на территорию противника, часто являлась единственным продуктивным способом предотвращения регулярных набегов кочевников на оседлое население. Кроме того, русским часто приходилось отправляться в военные походы в ответ на просьбы ясачных людей (т. е. новых российских подданных) о защите от вражеских нападений[6]. Но у такой трактовки событий на Севере Азии появились решительные противники, и один из них – профессор МГУ, известный археолог Л.Р. Кызласов.

Еще С.В. Бахрушиным и В.А. Александровым было установлено, что на Верхнем Енисее русские натолкнулись на встречное движение киргизов и бурят, которые, опираясь на поддержку монгольских и джунгарских правителей, сами претендовали на взимание дани с аборигенного населения этого региона[7]. Будучи основанной на обширном документальном материале, эта точка зрения получила отражение и в академическом издании «Истории Сибири», вышедшем в 1968 г.[8] Л.Р. Кызласов отреагировал на нее 34 года спустя следующим образом: «Поражает степень безнравственности некоторых авторов этого “ученого” труда. В “агрессии” (это в XVII веке! – ***Л. К.***) ими были обвинены не царские воеводы и воинские люди, завоевавшие и разграбившие коренные земли сибирских народов, а, напротив, местные “киргизские и бурятские князцы”. Как раз те самые, которые в упорной борьбе защищали собственные земли от завоевателей, не поддаваясь злой воле царских сатрапов»[9].

Что ж, оценки событий далекого прошлого с использованием современной политической терминологии (в том числе термина «агрессия») действительно нежелательны, посколь-

ку нарушают принципы историзма. Однако из высказывания Кызласова остается непонятным, на чем основано убеждение ученого в том, что земли в верхнем течении Енисея являлись для «киргизских и бурятских князцов» (кочевавших много южнее) их «собственными» и тем более «коренными», и почему оправдание им киргизских и бурятских набегов на эти земли (сопровождавшихся сожжением селений, убийством и угоном в рабство не только русских, но и множества ясачных людей из числа подлинно коренных народов региона[10]) более «нравственно», чем их осуждение авторами «Истории Сибири».

Продвижение русских на восток под пером Л.Р. Кызласова вообще предстает в самом неприглядном виде, сравнивается с «чудовищным катком»[11]. По мнению А.С. Зуева, вовсе не склонного к идеализации действий русских в Сибири, Л.Р. Кызласов пишет, «явно сгущая краски». Ю.С. Худяков критикует позицию Кызласова более основательно, а М.В. Шиловский называет ее «крайностью», особенно свойственной в последнее время «историкам-националам»[12]. Д.Я. Резун, касаясь в целом проблемы русско-аборигенных отношений в Сибири, пишет: «Говоря об “имперской политике”, не надо все время кивать в сторону России. А разве калмыки, киргизы, джунгары не хотели создать великие государства “от моря до моря”? Более того, есть основания утверждать, что многие военные акции русских отрядов были вынужденные»[13]. Здесь, таким образом, мы имеем дело с расхождениями концептуального характера, а они редко заканчиваются компромиссом.

У историков в настоящее время нет единства и по ряду других вопросов, хоть и частных, но не менее важных для понимания роли военных факторов в колонизации Сибири. Так, в некоторых работах как аксиома преподносится высказанное еще в дореволюционной историографии мнение об абсолютном военном превосходстве русских над сибирскими аборигенами благодаря огнестрельному оружию, а противника казаков представляют как существ наивных, мирных, забитых, беззащитных («непассионарных») и неспособных к активному и результативному противодействию пришельцам[14]. Но у этой точки зрения немало и оппонентов. Ими уже давно отмечено абсолютное несоответствие столь живучего представления о «покорении Сибири» данным источников. А.П. Окладников еще в 1943 г., описывая присоединение Якутии к России, заметил, что «было бы несправедливо отрицать храбрость завоевателей, так же как и превосходство их оружия. Однако следует учитывать, что якутские и тунгусские воины вряд ли уступали казакам в храбрости. Их куяки и железное вооружение тоже были не хуже казачьих. Якуты умели даже строить собственные крепости… а их военный строй мало чем уступал военному строю русских отрядов»[15].

С той поры в научный оборот было введено множество новых материалов, и они также свидетельствуют, что присоединение Сибири нельзя рассматривать как цепь легких побед казаков при их продвижении от Урала до Тихого океана, что противник русских на этом пути не был в основной своей массе ни беззащитен, ни малодушен, а, как правило, отличался воинственностью, коварством и ужасавшей европейских наблюдателей жестокостью, был хорошо вооружен, опытен в ратном деле и часто наносил «государевым служилым людям» серьезные поражения.

При этом значение «огненного боя» в покорении Сибири современными историками не умаляется, но подчеркивается, что он не был определяющим фактором русских побед. Технические несовершенства пищалей XVI–XVII вв., быстрое привыкание аборигенов к «огненному бою» и выработка ими эффективных приемов и способов защиты от пуль, огромное численное превосходство над русскими – все это лишь позволяло «уравновешивать» силы сторон, поддерживать их своеобразный, пусть и неустойчивый паритет.

Кроме того, в Сибири XVII в., как уже не раз отмечалось в литературе, типичной была ситуация, когда для успешного ведения боевых действий русским катастрофически не хватало не только людей, но также оружия и боеприпасов[16]. В той же связи исследователи обра-

щают внимание на все более ширившееся уже в XVII в. использование огнестрельного оружия сибирскими аборигенами. Прежде всего оно появилось у такого традиционно сильного и высокоорганизованного противника России, как южносибирские кочевники, многие из которых (о чем с тревогой сообщалось в правительственных документах), покупая тайком пищали и порох в русских городах, «пищальной... стрельбе изучились, а лучную стрельбу покинули»[17]. Но, как выясняется, не только южносибирские кочевники, но и народы крайнего северо-востока Сибири порой использовали против русских добытые у них в бою пищали[18].

Какие же факторы, по мнению современных историков, определили успешный для русских исход военного противостояния на севере Азии в XVII в.? Военно-техническое преимущество русской стороны в последних исследованиях признается однозначно, но при этом обычно подчеркивается, что оно определялось не слабостью большинства ее противников, а комплексом причин объективного и субъективного характера.

Специалисты по военному делу тюркского населения Саяно-Алтая усматривают их в следующем: «Кочевникам пришлось столкнуться с хорошо вооруженным, обладавшим огнестрельным оружием и большим опытом вооруженной борьбы против номадов могущественным противником, имевшим иные, в большей степени соответствующие новым историческим условиям вооруженные силы и военные традиции»[19].

Е.А. Багрин при изучении присоединения к России юго-восточных районов Сибири пришел к заключению, что «тактика русских была простой и гибкой, быстро приспосабливающейся к новым условиям»: в степи в боях с кочевниками казаки стремились застать врага в «тесных» местах, чтобы не дать ему пространства для маневра; в противоборстве с обладавшими огнестрельным оружием маньчжурами упор делался на усиление конструкции судов и фортификационные сооружения, характерные для Европейской России, и т. д.[20]. Противник же русских, по мнению Багрина, напротив, обычно демонстрировал неспособность адекватно воспринимать исходящую от казаков опасность и использовал обычную для межродовых конфликтов «примитивную» тактику: аборигены выходили для боя на открытое пространство скученно, стремясь запугать врага своей многочисленностью, и потому сразу же несли большие потери от огнестрельного оружия русских, не организовывали при своих укрепленных городках четкой караульной службы, что позволяло нападать на них врасплох, не имели боевого опыта в сражениях внутри города[21]. Д.Я. Резун главные причины русских побед видел в стремлении казаков, отличившись в бою, «подняться по служебной лестнице» (чего в принципе не могло быть в «родовом обществе» у аборигенов), а также «в их корпоративной организации»[22].

А.С. Зуев рассматривает этот вопрос более детально – на примере взаимодействия русских с коряками, чукчами и эскимосами. Он тоже не склонен придавать решающего значения в победах русских их «огненному бою». Как полагает исследователь, «огнестрельное оружие XVII–XVIII вв. имело низкую скорострельность, его применение ограничивалось погодными условиями, владение им требовало определенных навыков, которыми из-за отсутствия соответствующего обучения обладали не все военнослужащие... Ощущался недостаток как самого оружия, так и боеприпасов к нему. Из-за техники заряжания это оружие в ближнем бою становилось почти бесполезным, в лучшем случае его можно было использовать в качестве дубины... Сами “иноземцы”, “вызнав русские порядки”, пытались совершенствовать свою тактику: шли в атаку в тот момент, когда русские перезаряжали ружья, нападали в плохую погоду». Поэтому важнейшим из определяющих победы сторон факторов А.С. Зуев считает «военный менталитет (war mentality) – комплекс ментальных установок и стереотипов поведения “человека воюющего”, который в свою очередь определяется духовными ценностями и представлениями, традициями и обычаями»[23].

В этой связи он отмечает психологическую неготовность аборигенов северо-востока Сибири к затяжным осадным боям, сумя-

тицу, вносимую в ряды «иноземцев» гибелью или пленением их предводителей, представление аборигенов о некой критической цифре потерь, допустимой в одном сражении, несмотря на боеспособность еще значительного числа воинов. «В целом, – пишет Зуев, – при неблагоприятном для аборигенов течении боя в какой-то момент в их настроении происходил перелом, их боевой задор исчезал, и они впадали в отчаяние»[24]. Общий же вывод исследователя таков: главные причины быстрого продвижения русских по Сибири и их устойчивых позиций здесь в период присоединения следует объяснять не отсутствием серьезного сопротивления со стороны аборигенов, а «превосходством русского вооружения, воинского искусства и боевого духа»[25].

На последнее обстоятельство обращали внимание историки, стоявшие у истоков сибирской историографии (И. Фишер ставил «покорителей Сибири» даже выше героев Древней Греции и Рима, полагая, что последние вряд ли бы отважились на то, что наши сибирские герои «учинили»[26]). «Неукротимая храбрость» казаков-землепроходцев была очевидна и для нашего современника – создателя «теории пассионарности» Л.Н. Гумилева[27]. Отчаянной смелостью склонны были объяснять причины казачьих побед и другие историки, включая автора этих строк[28], но вопрос этот, безусловно, заслуживает более пристального внимания и требует привлечения новых источников. Интересны, в частности, оценки боевых качеств казачьего войска Сибири, исходящие от противника. Они порой весьма красноречивы. Например, маньчжуры после столкновения с казаками на Амуре отзывались о них как о людях «храбрых, как тигры, и искусных в стрельбе»[29]. Чукчей, судя по их фольклору, проанализированному В.И. Кузьминых, в русских поражали и устрашали, помимо внешнего вида, «бешеная храбрость и непредсказуемость, а отнюдь не гром выстрелов»[30]. Вряд ли, правда, такие оценки в фольклоре сибирских народов можно считать доминирующими: аналогичные исследования, проведенные другими исследователями, показывают гораздо более сложную картину[31].

И еще один, казалось бы совсем частный, но тоже важный и совершенно по-разному трактуемый историками вопрос. Низкая скорострельность, ненадежность и сопоставимая с «лучным боем» дальность стрельбы русских пищалей XVII в. приводили к неизбежности рукопашных («съемных») боев. Некоторые исследователи считают, что русские стремились избегать рукопашных схваток и удерживать противника на дальней дистанции, в подтверждение чего указывают на затяжной характер многих сражений[32]. Однако нельзя не обратить внимания и на то, что победы в Сибири русские часто одерживали, навязывая противнику именно ближний бой – как в вылазках из осажденных крепостей, так и в ходе полевых сражений. Известно, что русские вообще были сильны в рукопашных схватках, и это, видимо, определялось навыками, заложенными традициями «кулачных боев», имевших сакральное значение, уходящее корнями в языческую древность, и вплоть до начала XX в. широко распространенных в народной среде (особо надо отметить бой «стенка на стенку», приучавший его участников чувствовать строй и действовать в любой ситуации согласованно)[33]. Но и европейский опыт такого рода находил в Сибири широкое применение. И.Р. Соколовский, ссылаясь на «русские документы», отмечает умелые действия в рукопашном бою сибирских служилых людей польско-литовского происхождения[34].

Особую позицию по этому вопросу занимает О.А. Митько. Он сомневается «в принципиальной возможности частых рукопашных схваток» и ссылается при этом на повесть Л.Н. Толстого «Хаджи-Мурат». Там говорится, что «рукопашной шашками и штыками» не бывало ни на Кавказе, «да и никогда нигде», за исключением случаев преследования бегущего противника. По мнению Митько, «косвенным подтверждением этому служит использование сибирскими казаками кистеней», поскольку «именно кистенем очень удобно добивать раненых и бегущего противника»[35].

Искусственность и некорректность подобных построений очевидны, как и их решительное расхождение с данными давно введенных

в научный оборот источников, свидетельствующих о довольно частых и ожесточенных «съемных боях» казаков с сибирскими аборигенами. Достаточно вспомнить хорошо известные обстоятельства походов С. Дежнева, И. Москвитина, Е. Хабарова. Да и «аманатская имка» (обычный в практике того времени захват заложников для принуждения их сородичей к уплате ясака), как правило, не обходилась без пусть и скоротечной, но рукопашной схватки. Довольно противоречиво выглядит по этому вопросу позиция Е.А. Багрина. Он утверждает, что у казаков «применение холодного оружия в схватках с аборигенами носило вспомогательный характер» и «никогда... не играло ведущей роли в бою», что русские в Сибири «в рукопашный бой вступали только в крайнем случае». Но вместе с тем в его же работах немало материалов и высказываний иного характера. Так, о широком применении казаками холодного оружия идет речь при описании походов Е. Хабарова на Амур, отмечается, что «необходимость использования защитного вооружения служилыми людьми... была вызвана» в том числе и «частым решением боевых задач, связанных с ведением рукопашного боя», и что «служилым людям довольно часто приходилось ввязываться в ближний, рукопашный бой, сводивший на нет преимущество в огнестрельном оружии». «Традиционно холодное оружие использовали при обороне стен острогов и при захвате туземных городков, – пишет Багрин. – Идя на штурм, служилые люди лишены были возможности быстро перезарядить свои пищали и мушкеты... и им приходилось вступать в рукопашную... Захват аманатов и опасность внезапного нападения, особенно во время сбора ясака, также требовали наличия у бойцов холодного оружия»[36].

Сибиреведам излишне напоминать, сколь часто казакам приходилось за Уралом штурмовать вражеские укрепления и брать аманатов. Остается сделать вывод, что противоречия и расхождения исследователей в оценках роли и места «съемных боев» в покорении Сибири, видимо, следует объяснять локально-временными особенностями этого процесса на столь обширной и разнородной во всех отношениях территории. Эти расхождения могут показаться мелкими и несущественными, по крайней мере по сравнению с освещавшимися выше, но, полагаю, что и они достойны специального рассмотрения, ибо имеют прямое отношение к принципиально важному для нас вопросу: насколько легко было русским «покорять Сибирь». А он для многих историков по сей день, кажется, так и не решен.

С предыдущим вопросом тесно связан еще один, традиционно спорный в сибирской историографии: доверять ли сообщениям служилых людей о степени ожесточенности сражений и числе убитых в них «иноземцев». У сторонников господствовавшей в 1950–1970-х гг. концепции преимущественно мирного характера присоединения Сибири, утверждавших, что, будучи заинтересованными в получении наград, казаки допускали «явное преувеличение» в определении численности поверженных врагов, есть единомышленники и среди современных исследователей[37]. Но есть, разумеется, и оппоненты, и суть их аргументации следующая.

Во-первых, как справедливо замечает А.С. Зуев, «суждение о сознательном преувеличении русскими потерь аборигенов не должно быть категоричным. Не исключено, что они преувеличивали не специально, поскольку не всегда могли подсчитать или вспомнить численность поверженного противника, оценивая его потери “на глазок”... К тому же нередко они приводили и вполне правдоподобные цифры»[38].

Во-вторых, как тоже отмечалось в литературе, «выпячивание заслуг» в уменьшении числа потенциальных и реальных плательщиков ясака было для казаков весьма рискованным делом, по крайней мере в XVII в. Тогда правительственные указы предписывали им «приводить иноземцев под высокую государеву руку ласкою и приветом», а в случае неудачи мирных способов принуждения к ясаку «тех непослушных людей смирять небольшим разореньем... чтоб их смирить слегка». Отсюда понятно, почему в своих отчетах и челобитьях о жалованье служилые люди, указывая число убитых

в бою «мужиков» из числа «немирных иноземцев», нередко добавляли: «потому что живыми их было взять не мочно»[39].

В-третьих, относясь с недоверием к указываемому казаками числу убитых врагов, исследователи демонстрируют непонимание специфики такого явления сибирской жизни XVII в., как «служилый мир» – корпорация «разных чинов людей», составлявших гарнизон того или иного города[40]. В свое время А.А. Преображенский, задавшись вопросом, насколько вообще правдоподобны официально оформленные показания сибирских казаков XVII в., писал: «Надо учитывать... с какой ревностью относились служилые к собственной "чести" и "службам". Они строго следили, насколько это было в их силах и возможностях, за всеми перемещениями, назначениями, изменениями окладов, порядком верстания, чтобы соблюсти некий неписанный этикет. Отклонения от этих норм обычно влекли за собой жалобы и тяжбы, докучавшие воеводам... В такой обстановке искажение послужного списка сводилось до минимума»[41]. И уже к последнему времени относится работа Д.Я. Резуна, утверждавшего, что «роспись боевых заслуг казаков» в Сибири производилась «под прямым контролем казачьего круга»[42].

С этими мнениями трудно не согласиться. Материалы Сибирского приказа свидетельствуют, что служилые люди тщательно следили за тем, как в отправляемой «государю» документации отмечаются заслуги не только их самих, но и товарищей. На оборотах «послужных списков» мы видим многочисленные «рукоприкладства» участников описываемых событий, подтверждающих достоверность изложенного[43]. И если кто-то преувеличивал свой вклад в победу над врагом, то тем самым «искрадывал» будущие «государевы милости» у других, чего «войско» стремилось всеми силами не допустить. Потому-то так скрупулезно фиксировались в приказной документации сведения о поведении служилого человека в бою и его ранениях, а первая резолюция властей на челобитную казака о наградном жалованье обычно гласила: «Выписать его службы»[44].

Так что преувеличения в описании служилыми людьми своих заслуг если и случались, то были минимальными, и содержащейся там информации о потерях сторон в сражениях в основном можно доверять. Кстати, ее изучение привело современных историков к выводу, что боевые потери для коренного населения Сибири в целом были сравнительно невелики: даже если считать казачьи сведения о вражеских потерях «преувеличенными», то, согласно им, за период с конца XVI по начало XVIII в. в столкновениях с русскими были убиты около 6 тыс. человек (при общей численности аборигенов в 200–220 тыс. человек), т. е. в среднем около 7,5% мужского населения[45].

Рассматривая менталитет сибирских служилых, мы также вступаем в область давних и острых дискуссий. Тема эта частично уже затрагивалась выше, но она столь обширна и многогранна, что нам и далее при специальном ее рассмотрении придется ограничиться лишь некоторыми, самыми «военными» ее аспектами, суть которых удачно сформулировал Д.Я. Резун: «Было время, когда о первых русских землепроходцах... было принято говорить только в положительных тонах и словах... Наступили другие времена, и в печати можно встретить уже другие характеристики, низводящие казаков-землепроходцев до фигур криминального мира»[46].

О былой идеализации русских первопроходцев довольно резко отзывается А.С. Зуев. В одной из своих последних работ он пишет: «Походы В. Пояркова и Е. Хабарова, сопровождавшиеся грабежами и избиением местного населения, под пером советских историков превратились в мирные путешествия любознательных землепроходцев. В целом при чтении достаточно большого количества работ, посвященных русским открытиям в Сибири, складывается впечатление, что русских туда привела не погоня за пушниной, а природная любознательность и тяга к поиску неведомых земель». Замечания резонные, но к тому времени (2007 г.) уже не актуальные. По словам самого А.С. Зуева, «лакировка образа русских землепроходцев» в нашей историографии «начинает исчезать»[47]. Но правильнее было бы ска-

зать – практически исчезла. И если, например, некоторый налет идеализации объектов своего исследования можно найти у Г.А. Леонтьевой в книгах о Хабарове и Атласове[48], то он вполне объясним спецификой этих работ. Книга о Хабарове предназначалась в первую очередь школьникам, которым трудно понять диалектику описываемой эпохи, а книга об Атласове носит «юбилейный» характер, и критический анализ поступков ее главного героя был бы еще менее уместен[49].

Что же касается противоположной тенденции – к «очернению» русских первопроходцев – то она, напротив, за последнюю четверть века набирает все большую силу в связи с обозначившейся с конца 1980-х гг. общей тенденцией к «дегероизации» отечественной истории. Каких только оценок и эпитетов не удостаивались казаки Сибири в ходе «переосмысления» нашего прошлого: «профессиональные убийцы», «конкистадоры, привыкшие убивать всякого, кто попадется», «бродяги, авантюристы и разбойники» и т. д.[50]. По наблюдениям А.С. Зуева, особенно часто подобные эмоции «перехлестывают через край» в популярных работах и в публицистике. Там действия русских все чаще характеризуются не иначе как «преступление», «кровавые похождения», рисуются жуткие картины «зверств» и «насилий» пришельцев над коренным населением[51]. Такая трактовка исторических событий сразу же вызвала неоднозначную реакцию у нашей общественности. Известный писатель, бывший диссидент В.Е. Максимов заметил: «Так критически к своей истории не относится ни одна интеллигенция в мире. Вы почитайте двухсотлетнюю историю Америки. Что они творили! Чумные одеяла забрасывали в индейские племена... Вырезали целыми селениями... И они не стенают по этому поводу. И только у нас этот мазохизм, это самоуничижение»[52]. Подобные замечания не могли, однако, повлиять на набиравшие в те годы тенденции, и взаимоотношения русского и аборигенного населения Сибири изображались в массовых изданиях обычно в самом негативном свете.

Приводимые в подкрепление негативных характеристик землепроходцев факты в большинстве случаев действительно имели место. Война – всегда крайне жестокая вещь, а в XVI–XVII вв. тем более. Нравы в эпоху покорения Сибири были весьма суровые – под стать эпохе. Ведь людей «делают обстоятельства», а «каков век – таков и человек». И это, естественно, не мое открытие, а мнение, которое еще во времена «тоталитаризма» и «застоя» высказывали весьма авторитетные авторы. Например, крупный советский писатель, лауреат Государственной премии Н.Н. Михайлов в «парадном» издании одного из своих сочинений, приуроченном к 50-летию Октябрьской революции, писал: «Землепроходцы были людьми высокого мужества. Но они были сынами жестокого века. Казацкая вольность переливалась через край, и поиски отрядов в стремлении собрать побольше ясака часто бывали безжалостны»[53]. А десятилетием раньше известный советский исследователь истории русских географических открытий в Арктике М.И. Белов так отозвался об одном из этих казаков-землепроходцев: «Будучи человеком своего времени, Атласов совершал поступки, которые не могут быть оправданы с позиций наших современных представлений»[54]. Якутский историк Ф.Г. Сафронов в связи с характеристикой «покорителя Приамурья» Е. Хабарова обратил внимание на воздействие «бунташного» XVII в. с его «непримиримыми противоречиями и резкими контрастами» на развитие личности и пришел к заключению, что «люди могли быть только такими, какими их сформировало время»[55].

Вопрос о допустимости подхода к событиям далекого прошлого с позиций современной морали и этики тоже с давних пор является дискуссионным и по сей день актуальным. Еще Н.М. Карамзин призывал «судить о героях истории по обычаям и нравам их времени». От подхода к поступкам людей прошлого с современными мерками предостерегал П. Мериме. В современной литературе этот вопрос тоже активно обсуждается. Ю.А. Поляков полагал, что «плох историк, не соблюдающий принципов историзма в оценке событий минувшего... Нельзя судить близких и далеких предков наших по нынешним меркам»[56]. Исто-

рик и писатель Н.Я. Эйдельман, исследуя вопросы историзма в научных биографиях, указывал на опасность «модернизации», подмены ранних человеческих представлений современными и считал необходимым для историка устанавливать контакт с психологией людей изучаемой эпохи. В этом вопросе его полностью поддерживает современная исследовательница из Владивостока В.Н. Чернавская[57]. «Есть такая научная дисциплина – герменевтика, – пишет профессор МГУ Ф. Минюшев. – Она учит, как надо интерпретировать любое прошлое событие... Если не придерживаться ее правил, можно легко скатиться к тому, что ценности и нормы лишь современной культуры будут являться единственными эталонами для истолкования прошлых фактов. Мы тогда просто приписываем людям прошлого наши сегодняшние ценности»[58].

В том же духе в последнее время высказываются многие. Но многие же придерживаются противоположной точки зрения – в том числе и в трактовках сибирской истории. Так, А.Б. Каменский сравнивает «завоевание Сибири» (Ермаком) с «преступлением» и заявляет, что хотя принципов историзма и надо придерживаться, но «мы тем не менее не можем не оценивать исторические события с позиций морально-этических норм нашего времени... чтобы знать, кто есть кто и что есть что в нашей истории»[59]. Примечательно, однако, что Екатерину II он характеризует как «дочь своего времени» и считает возможным оправдывать многие ее неблаговидные с точки зрения современной этики и морали поступки как раз характером эпохи[60]. Б.П. Полевой выразил решительное несогласие с «некоторыми авторами», которые «рекомендовали снисходительно относиться к насильственным действиям Хабарова, поскольку он был "человеком своего жестокого века". Однако изучение документов XVII в. ясно показывает, – пишет Б.П. Полевой, – что и в те времена на крайнем востоке России существовали различные люди: одни действительно проявляли большую жестокость, но уже тогда были "начальные люди" и противоположного типа»[61]. Возражая Б.П. Полевому, В.Н. Чернавская замечает, что «личность человека, сыгравшего свою роль в Истории, вряд ли можно рассматривать в отрыве от Времени, породившего его»[62].

Безусловно, соглашаясь с Чернавской, нельзя вместе с тем не согласиться и с Полевым в том, что и в «жестоком» XVII в. жили разные люди. По моему мнению (уже высказанному в печати[63]), Сибирь знала два основных типа казака-землепроходца. Первый – это типичный конкистадор, смыслом жизни которого являлись военные походы и военная добыча. Люди эти были, как правило, не просто храбрые и выносливые, а часто еще и авантюрного склада, отчаянные, не останавливающиеся ни перед чем для достижения поставленной цели. Поступки их, мягко говоря, далеко не всегда укладываются в современные представления об этике и морали, но нельзя не признать, что без таких «удальцов» покорение Сибири вряд ли бы состоялось. Как совершенно верно заметил Д.Я. Резун, «царское правительство понимало, что в сложной обстановке на сибирской окраине... было трудно обойтись без энергичных и инициативных, а порой и своевольных людей, и поэтому не стремилось прибегать для их обуздания к жестоким мерам»[64]. Люди подобного склада были востребованы своим временем и порождены им же, после чего (с наступлением другого времени) отношение правительства к ним стало меняться, и они довольно быстро сошли с исторической арены.

Землепроходцев второго типа отличали осмотрительность, неторопливость, деловитость, степенность. При необходимости они неплохо проявляли себя в ратном деле, но предпочитали решать все вопросы мирным путем. Им были свойственны совестливость, уживчивость и умение находить общий язык с представителями самых разных племен и народов. Именно за такими людьми стояло будущее русской Сибири, и они тоже были порождены и востребованы не только своим временем, но и тем, что наступило в Северной Азии после ее присоединения к России.

Самым известным и общепризнанным представителем сибирских служилых такого типа являлся С. Дежнев. А.С. Зуев считает,

что подобных Дежневу людей в Сибири было крайне мало, и они «растворялись в массе тех, для кого цель оправдывала средства»[65]. Полагаю, что это все-таки преувеличение. К числу близких Дежневу по духу и поведенческим стандартам людей можно отнести еще ряд широко известных персонажей сибирской истории XVII в. – П. Бекетова, М. Перфильева, Я. Тухачевского[66].

То, что деятельность служилых людей «конкистадорного» типа получила в источниках гораздо большее отражение, объясняется спецификой приказной документации, менее всего нацеленной на фиксирование обыденного, и в частности мирных, «человеческих» взаимоотношений русских и аборигенов. Но о достаточно широком распространении в Сибири именно таких взаимоотношений ясно говорят пусть и отдельные, случайно выявляемые, но весьма показательные и по большей части давно известные факты. Они свидетельствуют, что у русских за Уралом среди аборигенов в XVII в. имелись «старые други и знакомцы», что для улаживания конфликтов сибирские «иноземцы» просили присылать к ним знающих их обычаи служилых, пользующихся у коренного населения особым доверием, что, отправляясь в поход, казак мог оставлять свое хозяйство и семью на попечение знакомого «иноземца» (как это сделал, например, Дежнев), что «иноземцы» часто ходят к русским в гости и предупреждают их о готовящихся нападениях, что в момент смертельной опасности «иноземец» закрывает русского друга своим телом (эпизод из похода Атласова), что порой казакам удается отбиться от неприятеля лишь благодаря помощи ясачных якутов, тунгусов или бурят[67]. И вряд ли сильно приукрашивали деятельность своих предков сургутские казаки, когда в 1805 г. в исторической справке о гарнизоне Сургута особо подчеркнули их умение приводить «в спокойствие» ясачные народы «ласковостью» – «чрез знание сургутской команды старшинами и казаками их азиатския разговоры»[68].

Некоторые обвинения сибирских служилых в жестокости вообще плохо согласуются с данными источников, давно введенными в научный оборот и никем пока не опровергнутыми. Так, им решительно противоречит оброненное А.С. Зуевым замечание, что с аманатами «русские особо... не церемонились, мало заботясь об их выживании»[69]. Всякое, конечно, случалось между казаками и аманатами, но преобладало все же стремление во что бы то ни стало сохранить заложников живыми и здоровыми, ибо от их благополучия напрямую зависел ясачный сбор, поэтому так распространены были в Сибири XVII в. ситуации, когда казаки сами из-за нехватки «съестного припаса» голодали, но аманатов кормили исправно. Практиковалась также с согласия сородичей замена «старых» аманатов (чтобы они в неволе не «заскорбели») на «новых». И даже отказ от уплаты ясака «под аманата» вовсе не предполагал его неминуемую казнь (как можно понять из некоторых работ), и тому в литературе есть конкретные примеры[70].

О «толерантном» отношении казаков к противостоящим им «иноземцам» историки в последнее время пишут все чаще. Даже А.С. Зуев, рассматривающий русско-аборигенные отношения в XVII в. как в основном конфронтационные, считает нужным отметить «нейтральное оценочное восприятие русскими сибирских аборигенов», отсутствие ксенофобии[71]. (Лишь в XVIII в. в русских документах появляются «негативные эпитеты» в адрес чукчей и коряков, что А.С. Зуев склонен объяснять «упорным вооруженным сопротивлением» этих народов, но, возможно, тут проявилось и все усиливающееся к тому времени проникновение в среду российского чиновного люда западноевропейского восприятия «дикарей».)

Вместе с тем «обобщенный портрет русских землепроходцев» у А.С. Зуева выглядит следующим образом: «Большинство тех, кто шел "встречь солнцу", первыми вступал в контакты с иноземцами и устанавливал с ними отношения, подчиняя русской власти, были людьми весьма суровыми, совершенно не склонными к сентиментальности и добродушию. Но еще важнее то обстоятельство, что будучи в значительной части социальными маргиналами они... оказавшись

в сложных объективных условиях (плохое материальное снабжение, обремененность долгами и финансовыми обязательствами) и соответствующей обстановке (слабый контроль "сверху", враждебное окружение) без всяких колебаний вставали на стезю преступлений, прибегая к злоупотреблениям». По мнению А.С. Зуева, «контингент русских комбатантов, от начальствующего состава до рядовых, в подавляющем большинстве по менталитету отличался низким культурным и моральным уровнем, а также склонностью к девиантному поведению, выходящему за рамки морально-нравственных представлений даже своего времени»[72].

Действия сибирских казаков в XVII в., конечно, могли выходить «за рамки» свойственных той эпохе представлений об этике и морали – это вполне реальная вещь, официально называвшаяся в приказной документации того времени «воровством» и поступками «лихих людей». Однако остается открытым вопрос, насколько часто и как долго подобное происходило в Сибири. А.С. Зуевым приведен всего один пример действий, которые «перехлестывали через край даже по меркам того времени», да и то не слишком характерный[73], так что разговор на эту тему получается пока беспредметным.

Среди служилых людей Сибири, особенно в наиболее удаленных регионах, действительно было немало ссыльных уголовников и прочих маргиналов, и слабый контроль за ними со стороны администрации не мог не способствовать беззаконию и произволу, тем более что, как пишет сам Зуев, «мародерство и жестокость являются спутниками любой, даже "цивилизованной" войны». Но то, что «контингент русских комбатантов» в течение целого столетия состоял «в подавляющем большинстве» из «отребья нации» (выражение декабриста Д.И. Завалишина, цитируемого А.С. Зуевым), никак не подтверждается приведенными в работах Зуева источниками, и, похоже, это свое заключение он делает не на основе их анализа, а отталкиваясь от общих «ощущений эпохи». Между тем усилия властей по «наведению порядка» и последовавшее затем «качественное изменение состава самих комбатантов» (когда на смену «пассионариям» приходили «непассионарии»), которое отмечает сам исследователь[74], в свете имеющихся в нашем распоряжении материалов выглядят вполне убедительно.

Проявлением «модернизации» в подходе к событиям далекого прошлого можно также считать квалификацию А.С. Зуевым и некоторыми другими современными историками военных столкновений русских с народами Сибири как «колониальной войны» со стороны России и «национально-освободительной войны» со стороны аборигенов[75]. «Колониальная» терминология в данном случае вряд ли уместна. Во-первых, как убедительно и не раз за последние десятилетия показано исследователями, Сибирь не стала колонией России – по крайней мере в социально-политическом значении слова: за Уралом отсутствовал главный атрибут колониальной зависимости – управление территорией на основе особого (колониального) режима, отличного от того, что был в метрополии[76]. Во-вторых, сами события военной истории Сибири XVII – начала XVIII в. плохо согласуются с представлениями об «антиколониальной» и «национально-освободительной» борьбе народов.

Хорошо известно, например, что одной из главных причин «чукотской войны» явились попытки российских властей воспрепятствовать нападениям чукчей на ясачных (т. е. ставших российскими подданными) коряков, юкагиров и тунгусов. «Выступая в качестве союзников одних этнотерриториальных групп, русские становились врагами других», – замечает А.С. Зуев. Как явствует из его работ и исследований других авторов, практически у всех сибирских народов были широко распространены набеги на соседей с целью грабежа, захвата рабов, а также «для испытания силы и мужества воинов», ибо «грабительские набеги на "чужаков" считались удалью и похвальным действием»[77].

В противоречии с собственным утверждением о колониальном характере «русско-аборигенных» войн находится еще ряд заключений А.С. Зуева – в частности о том, что даже

если бы русские не пытались подчинить себе народы северо-востока Сибири, «провоцируя» их на конфликты, «те все равно проявляли бы агрессивность, которая детерминировалась их восприятием русских как "чужих – врагов", подлежащих уничтожению. Именно поэтому, – пишет Зуев, – коряки и чукчи нередко сами выступали инициаторами столкновений. К нападениям на русских их подталкивала и такая немаловажная причина, как потребность в приобретении материальных ценностей»[78]. Характерно приведенное автором свидетельство Я.И. Линденау, лично изучавшего коряков: «Чужим они подарков не делают, сами же охотно принимают подарки, но если им что дают, то они это не ценят, а рассматривают как некую обязанность, при этом исподтишка дарителя высмеивают, полагая, что все имеющееся у чужого принадлежит им, да еще ищут повода его убить и завладеть его имуществом»[79].

Уместно будет напомнить, что и многие другие народы Сибири XVII в. были склонны к ничем не спровоцированным, говоря современным языком, нападениям на русских. В их числе, например, ханты-мансийские племена, для которых, по словам С.В. Бахрушина, «война и военный грабеж долгое время были главным средством существования»[80]. Аналогичным образом поступали и некоторые из обитавших в западносибирской тундре самодийских племен (в особенности юраки – «юрацкая кровавая самоядь»). Объектами их нападений становились как остяцкие, так и русские поселения, партии служилых людей, следовавших с казенными грузами Северным «чрезкаменным» (через Урал) путем. Немало русских бывало при этом убито и ранено, случалось, что они по нескольку дней «сидели от той самояди в осаде». Как выяснили еще Н.Н. Оглоблин и С.В. Бахрушин, грабеж провозимых «с Руси» и «на Русь» продовольственных запасов и «соболиной казны», охота за потерпевшими крушение в Обской губе судами стали для некоторых ненецких родов чуть ли не постоянным промыслом[81]. Отрицание этих фактов некоторыми современными авторами не выдерживает, как показал А.Т. Шашков, никакой критики[82].

О воинственных наклонностях и постоянных набегах на русские селения кочевых народов лесостепной и степной зоны Сибири имеется еще больше сведений, также давно введенных в научный оборот. Причины, побуждавшие кочевников к набегам на земли оседлых соседей, в Сибири были теми же, что и во всем мире, и стары как мир. Военная активность степняков коренилась в особенностях самого кочевого образа жизни: слабые производительные силы кочевого общества не могли обеспечить его всем необходимым, а периодические падежи скота и прогрессирующая при росте населения нехватка пастбищ вообще ставили кочевые сообщества на грань голодной смерти. Грабежи соседей представлялись кочевникам наиболее доступным выходом из материальных затруднений, являясь традиционным элементом ведения кочевого хозяйства, а наиболее удобным объектом для набегов чаще всего становилось оседлое, земледельческое население – вследствие его малоподвижности, распыленности и отсутствия у большинства воинских навыков[83]. Даже современные апологеты «кочевых империй» (как, например, монгольский журналист Ч. Чойсамба, преисполненный «чувством национальной гордости» за деяния Чингисхана и Батыя) признают, что война служила для кочевника «главным источником жизни»[84].

В освещении истории русско-аборигенных отношений на севере Азии обращает на себя внимание давняя традиция нашей историографии: детально описывая (и осуждая) «жестокости» русских по отношению к аборигенам, исследователи умалчивают или упоминают лишь вскользь о «жестокостях» аборигенов по отношению к русским. Харьковский профессор П.Н. Буцинский, который в конце XIX в. попытался заострить внимание на фактах последнего рода, был заклеймен советской историографией как «откровенный колонизатор» и «реакционер»[85]. Но в особенностях менталитета одной воюющей стороны вряд ли можно разобраться, не рассматривая в тех же аспектах другую сторону. И в последнее время в печати все чаще появляются материалы, позволяющие рассматривать русско-абориген-

ные отношения всесторонне. «Отдельно следует сказать о боевом духе противников русских казаков, – пишет, в частности, А.Ю. Огурцов. – Современники отмечали, что крайней свирепостью и коварством отличались все сибирские аборигены, включая кузнецких татар (будущих шорцев). Иногда их безосновательно обвиняют в кротости и пассивности – напрасно. Более 20 лет кузнецкие татары ожесточенно сопротивлялись русской экспансии, беспощадно расправляясь с отдельными группами русских казаков»[86].

О былых нравах народов Сибири сохранилось немало свидетельств ученых, путешественников, чиновников и других современников. Юкагиры, например, характеризуются в этих отзывах как «кроткое», но вместе с тем «воинственное, на войне жестокое племя»; коряки – как «искони вероломные», «прегрубые, сердитые... злопамятные и немилосердные люди», которые «к убивствам человек кровожаждущие... ненависливы и противозлобны и ни с чего чужеземца убивают». Ительменам, по мнению европейских наблюдателей, были присущи «геройский дух» и «ужасающая жестокость». Отличительными чертами этих обитателей Камчатки назывались «ярость, ненависть, лицемерие», порождающие «войны как между собою, так и с соседними народами». Чукчи же, по словам анадырских жителей, вообще «из всех племен в крае были самые воинственные»[87]. А современный исследователь истории межэтнических отношений в России XVI–XVIII вв. В.В. Трепавлов отмечает такие особенности менталитета чукчей: считая себя единственным «избранным народом», они «относились ко всем своим соседям крайне высокомерно (что отразилось в языке и фольклоре)»[88].

Приведенные выше свидетельства современников, возможно, слишком субъективны и односторонни, чтобы полностью доверять им, но в распоряжении исследователей имеются аналогичные сведения чисто информативного характера, не содержащие каких-либо субъективных оценок. Из них мы знаем, например, что крайняя жестокость тазовских самоедов проявлялась в «поругании» даже убитых врагов – победители у них «носы и у рук персты резали»[89]. Енисейские киргизы отрезали уши и носы и у живых пленников. Жестоким истязаниям, как отмечают современные исследователи, подвергали перед смертью пленных русских и татары-кучумовичи с калмыками: «мучили... руки и ноги отсекали и тело резали»[90]. Но особенно изощренные, чудовищные по жестокости пытки и казни, по описаниям очевидцев, применяли к захваченным врагам народы северо-востока Сибири, в особенности чукчи: «жгли, резали, кишки из живых мотали, вешали за ноги и всякие делали надругательства». Более подробное изложение этой «антологии» пыток и казней здесь вряд ли уместно: прошу поверить, что перед ними меркнут самые жестокие способы расправы русских со своими врагами в Сибири (как заметил А.С. Зуев, «документальные данные и свидетельства современников ничего не сообщают о случаях столь жестокого обращения русских с пленными»)[91].

Размышляя над этой стороной русско-аборигенных отношений, О.А. Митько усматривает во многих действиях сибирских служилых людей не жестокость и коварство, а военную хитрость. «Точно так же, – пишет он, – ее можно увидеть и в "коварстве" противников русских, когда, заплатив ясак и приняв сборщиков "с честью и любовью", ночью на них нападали или, выбравшись из юрты, сжигали заживо спящих казаков... Законы войны везде одинаковы, и жестокость по отношению к врагу очень часто является лишь одним из способов доказательства своей силы»[92]. Объективная неизбежность проявления такого рода человеческих качеств отмечается и А.С. Зуевым. «И русские не отличались мягкосердечием. Жестокость порождала жестокость, и в результате возрастала взаимная ненависть и жажда мести, которые затрудняли переход от войны к миру»[93].

Рассматривая стереотипы и особенности военного менталитета сибирских аборигенов XVII в., нельзя не учитывать, что война являлась непременным спутником (а нередко даже образом жизни) сибирских народов, и за столетия до проникновения русских за Урал

у аборигенов Северной Азии формировались свои представления о том, что в противоборстве с врагом допустимо, а что нет. В этой связи вполне резонным выглядит следующее замечание А.С. Зуева (высказанное, правда, в порядке предположения): «На первых порах аборигены, исходя из собственных "социально-политических представлений"... воспринимали русских как равных, как представителей какого-то неведомого племени, случайно забредших на их территорию... с целью грабежа». И поскольку подобные ситуации были аборигенам знакомы (они «сами организовывали отряды для грабительских нападений на соседей»), «что делать с незваными гостями... хозяева уже знали по собственному опыту взаимных набегов»[94].

Разобраться в подобных ситуациях в целом и в вопросах военного менталитета в частности может помочь изучение фольклора тех народов, с которыми казаки контактировали в Сибири. В последнее время сибирскому фольклору стали уделять повышенное внимание не только филологи и этнографы, но и историки. Так, В.И. Кузьминых, анализируя чукотские мифы, демонстрирующие в основном крайне негативное отношение аборигенов к казакам, вместе с тем замечает: «Признание чукчами русских равными себе говорит о том, что пришельцы оказались достойными противниками. Чукчи относились ко всем своим соседям крайне высокомерно, и ни один народ в чукотском фольклоре, за исключением русских и самих чукчей, не назван собственно людьми»[95]. А.С. Зуев также обращает внимание на то, что в фольклоре народов северо-востока Сибири «русские изображаются как очень жестокие воины», но в то же время признает, что военные поражения аборигенов в столкновениях с ними «заставили их уважительно относиться к пришельцам»[96]. И такое отношение надо признать вполне естественным, если учитывать особенности менталитета того сурового времени, причем не только у народов Сибири и не только в XVII в.

И несколько слов в заключение. Я не ставил перед собой задачи проанализировать все работы, касающиеся сибирской военной истории, а стремился лишь определить основные направления и тенденции в ее изучении на современном этапе. Не претендую также на то, чтобы эти суждения воспринимались как истина в последней инстанции, и вполне отдаю себе отчет в том, что практически все означенные выше вопросы требуют дальнейшей и углубленной разработки. Возможности для этого у нас есть, ибо источниковая база по военной истории Сибири XVII в. далеко не исчерпана, а процесс познания прошлого, как и познания вообще, бесконечен.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990. С. 289; он же. От Руси к России. М., 1994. С. 258.

2 См., например: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. I. М.; Л., 1937. С. 190–201; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 103–104; *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 199, 208–210, 372–373.

3 См.: *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 26–27; *он же.* Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 5–6.

4 См.: История казачества Азиатской России. Т. 2. Екатеринбург, 1995. С. 137.

5 *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. С. 289.

6 См.: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987. С. 151, 157, 165–166; *он же.* Начало казачества Сибири. С. 72–73; *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. Новосибирск, 2002. С. 67, 157; он же. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII – XVIII век). Новосибирск, 2009. С. 42–43; *Дмитриев А.В.* Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008. С. 81, 83–84, 202; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI – XVII в.). СПб., 2010. С. 103.

[7] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 150; Ч. 2. С. 197–198; Т. 4. М., 1959. С. 18–22; *Александров В.А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 20–37.

[8] История Сибири с древнейших времен до наших дней в 5 томах. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 44–45.

[9] *Кызласов Л.Р.* Древнейшие города Сибири // Преподавание истории в школе. 2002. № 4. С. 8–9.

[10] См.: *Кузнецов-Красноярский И.П.* Из истории южных частей Енисейской губернии. Томск, 1908. С. 4–5; *Шунков В.И.* Ясачные люди в Западной Сибири XVII в. // Советская Азия. 1930. № 5/6. С. 262; *Александров В.А.* Русское население Сибири... С. 42–46.

[11] *Кызласов Л.Р.* О присоединении Хакасии к России. Абакан; М., 1996. С. 55.

[12] *Зуев А.С.* Отечественная историография присоединения Сибири к России: Учебное пособие. Новосибирск, 2007. С. 103–104; *Шиловский М.В.* Специфика колонизации США и Сибири // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 2. Новосибирск, 2002. С. 38.

[13] *Резун Д.* Быть острогу и слободе (Фронтир в истории Сибири и Северной Америки) // Родина. 2000. № 5. С. 77.

[14] См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 9. СПб., 1861. С. 370–387; *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889. С. 296; *Фирсов Н.Н.* Чтения по истории Сибири. Вып. 1. М., 1915. С. 15; *Халитов М.Х.* Не первопроходцы, а первоубийцы... // Родина. 1990. № 5. С. 75; *Измайлов И.* Письмо с историей, или Счеты и просчеты имперских историков // Мирас. 1992. № 11–12. С. 3–8; *он же.* Счеты и просчеты имперских историков // Родина. 1994. № 8. С. 28–33; Казачий Дон. Очерки истории. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995. С. 41; *Гумилев Л.Н.* От Руси к России. С. 236–237.

[15] *Окладников А.П.* Исторический путь народов Якутии. Якутск, 1943. С. 76.

[16] См.: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея... С. 151, 166–167; *Бродников А.А.* Ручное огнестрельное оружие служилых людей Кузнецкого острога в первой половине XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Кн. 2. Барнаул, 2003. С. 90–93; *Багрин Е.А.* Региональные особенности применения огнестрельного оружия в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII веке // Ойкумена. 2009. №2. С. 100–109; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 270; *Пузанов В.Д.* Указ. соч. С. 328, 359.

[17] *Главацкая Е.М.* Торговля с «государевыми ясачными людьми» в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Материалы научно-практической конференции. Екатеринбург, 1995. С. 124. См. также: *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Взаимовлияние русских казаков и тюркских народов Саяно-Алтая в военной области в эпоху позднего Средневековья и Новое время // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 15. 2009. С. 223.

[18] См.: *Никитин Н.И.* Сибирская эпопея... С. 52–57; *он же.* Начало казачества Сибири. С. 37–38, 74–75; *Элерт А.Х.* Новые материалы по истории русско-корякских отношений в первой четверти XVIII в. // Археография и источниковедение Сибири: Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 247; *Чернавская В.Н.* «Восточный фронтир» России XVII – начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 41–42; *Митько О.А.* Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004. С. 194–195; *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. С. 121–122; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 271, 301; *Пузанов В.Д.* Указ. соч. С. 73.

[19] *Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Указ. соч. С. 222.

[20] *Багрин Е.А.* История присоединения Прибайкалья, Забайкалья и Приамурья к России в 40–90-е гг. XVII в. (По материалам вооружения и тактики русских служилых людей). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. С. 26–27.

[21] *Багрин Е.А.* Тактика ведения боевых действий русскими служилыми людьми в Восточной Сибири в 40–60-е гг. XVII в. (по материалам Прибайкалья и Приамурья) // Война и оружие: Новые исследования и материалы. Международная научно-практическая конференция Ч. 1. СПб., 2010. С. 44–67.

[22] *Резун Д.Я.* Люди на сибирском фронтире в 17 в. // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки... Вып. 2. С. 26–27.

[23] *Зуев А.С.* О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2008. Т. 7. Вып. 1. История. С. 35–36.

[24] *Зуев А.С.* Диалог культур на поле боя (о военном менталитете народов северо-востока Сибири в XVII–XVIII вв.) // Aus Sibirien – 2006: научно-информационный сборник. Тюмень, 2006. С. 36–38.

[25] *Зуев А.С.* Отечественная историография... С. 85–86.

[26] *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774. С. 630–631.

[27] *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. С. 289.

[28] См.: *Никитин Н.И.* Русские землепроходцы в Сибири. М., 1988. С. 52–53; История казачества Азиатской России. Т. 1. Екатеринбург, 1995. С. 67.

[29] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 155.

[30] *Кузьминых В.И.* Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-сибирское казачество в панораме веков: Тезисы докладов научной конференции. Томск, 1994. С. 35.

[31] См.: *Трепавлов В.В.* «Белый царь»... С. 121–123.

[32] *Нефедкин А.К.* Военное дело чукчей: середина XVII – начало XX в. СПб., 2003. С. 239; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 305.

[33] См.: *Никитин Н.И.* Начало казачества Сибири. С. 79.

[34] *Соколовский И.Р.* Участие служилых людей польско-литовского происхождения в присоединении и освоении Сибири в XVII в. (Томск, Енисейск, Красноярск). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000. С. 19.

[35] *Митько О.А.* Указ. соч. С. 197–198.

[36] Ср.: *Багрин Е.А.* Тактика ведения боевых действий… С. 57; *он же.* Место ножа в комплексе холодного оружия русского служилого человека на территории Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Ойкумена. 2008. № 1. С. 46–47; *он же.* Защитное вооружение служилых людей в Сибири и на Дальнем Востоке в XVII – начале XVIII в. (по письменным источникам) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования. Т. 5. Ч. 1. Владивосток, 2007. С. 269–283.

[37] См., например: *Нефедкин А.К.* Указ. соч. С. 41; *Москаленко С.В., Скобелев С.Г.* Потери коренного населения Сибири в ходе боевых действий в конце XVI – XX в. // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001. С. 157–183.

[38] *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 298.

[39] См.: *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1998. С. 38–39.

[40] См.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 75–107.

[41] *Преображенский А.А.* У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию академика М.В. Нечкиной. М., 1976. С. 382.

[42] *Резун Д.Я.* Люди на сибирском фронтире в 17 в. С. 27.

[43] См., например, послужной список «амурских казаков», оборонявших от маньчжуров Кумарский острог в 1655 г. (*Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров: Книга для учащихся старших классов. М., 1991. С. 139–140).

[44] См.: *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев... С. 104–105, 121–122.

[45] *Скобелев С.Г., Москаленко С.В.* Указ. соч. С. 157–183.

[46] *Резун Д.Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XIX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005. С. 49.

[47] *Зуев А.С.* Отечественная историография... С. 83, 110.

[48] *Леонтьева Г.А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров… *Она же.* Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997.

[49] Подробнее об этих книгах см.: *Никитин Н.И.* Биографический жанр в сибиреведении: новые успехи и старые проблемы // Отечественная история. 1999. № 5. С. 188–191.

[50] См., например: *Халитов М.Х.* Указ. соч. С. 75; *Измайлов И.* Счеты и просчеты... С. 28–33.

[51] См.: *Зуев А.С.* Отечественная историография... С. 106–107.

[52] См.: Литературные новости. 1994. № 4.

[53] *Михайлов Н.Н.* Моя Россия. Кн. 1. Российские просторы. М., 1966. С. 52.

[54] *Белов М.И.* Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. Т. 2. М., 1957. С. 103.

[55] *Сафронов Ф.Г.* Ерофей Хабаров. [Хабаровск], 1983. С. 6.

[56] См.: Российская империя: от истоков до начала XIX века. Очерки социально-политической и экономической истории. М., 2011. С. 45–46.

[57] *Эйдельман Н.Я.* Об историзме в научных биографиях (на материалах русской истории XIX века) // История СССР. 1970. № 4. С. 18–31; *Чернавская В.Н.* Указ. соч. С. 148.

[58] *Минюшев Ф.* Смешивая правду и истину // Литературная газета. 2010. № 42–43. С. 10.

[59] *Каменский А.Б.* «Под сению Екатерины». Вторая половина XVIII века. СПб., 1992. С. 156.

[60] *Каменский А.Б.* Жизнь и судьба императрицы Екатерины Великой. М., 1997. С. 32, 121, 202–203, 268.

[61] *Полевой Б.П.* Изветная челобитная С.В. Полякова 1653 г. и ее значение для археологов Приамурья // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995. С. 26.

[62] *Чернавская В.Н.* Указ. соч. С. 90.

[63] *Никитин Н.Н.* Семен Дежнев: первопроходец или первооткрыватель? // Преподавание истории в школе. 1999. № 2. С. 13–14; *он же.* Семен Дежнев // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 141.

[64] *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 37.

[65] *Зуев А.С.* Русские и аборигены... С. 149.

[66] См.: *Курилов В.Н., Люцидарская А.А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 33–37; *Полевой Б.П.* Изветная челобитная С.В. Полякова… С. 26; *Вершинин Е.В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 35–49.

[67] См.: *Буцинский П.Н.* Указ. соч. С. 332–334; *Курилов В.Н., Люцидарская А.А.* Указ. соч. С. 37; *Леонтьева Г.А.* Якутский казак Владимир Атласов… С. 74; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев... С. 47–49; *Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 386; *Багрин Е.А.* Место ножа... С. 55–57.

[68] Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 154.

[69] *Зуев А.С.* Русско-аборигенные отношения на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII–XVIII веке: от конфронтации к адаптации // Народонаселение Сибири: Стратегии и практики меж-

культурной коммуникации (XVII – начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 95.

[70] См.: Якутия в XVII веке (Очерки). Якутск, 1953. С. 280–281; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев... С. 37, 50–51, 114, 126. А.С. Зуев приводит примеры другого рода, датируемые концом 1730-х гг., когда служилые люди бóльшую часть «аманатского корму» употребили «про себя» (*Зуев А.С.* Присоединение Чукотки... С. 354). Возьму на себя смелость утверждать, что случай этот совершенно нетипичен, по крайней мере для XVII в.

[71] *Зуев А.С.* Отечественная историография... С. 23; *он же.* Русско-аборигенные отношения... С. 88–89, 151–152.

[72] *Зуев А.С.* «Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // Ab Imperio. 2001. № 4. С. 106; *он же.* Русско-аборигенные отношения... С. 87; *он же.* Отечественная историография... С. 111–112.

[73] *Зуев А.С.* Русские и аборигены... С. 146.

[74] *Зуев А.С.* Русско-аборигенные отношения... С. 152,

[75] *Зуев А.С.* Отечественная историография… С. 105.

[76] См.: *Горюшкин Л.М.* О характере колониальной зависимости Сибири в эпоху капитализма // Бахрушинские чтения 1971 г. Новосибирск, 1972. С. 66–67; *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 9; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 18.

[77] *Зуев А.С.* Русско-аборигенные отношения... С. 153; он же. Русские и аборигены… С. 41, 67, 155–158, 165; *он же.* Присоединение Чукотки… С. 357, 368.

[78] *Зуев А.С.* Русско-аборигенные отношения... С. 153.

[79] Там же. С. 93.

[80] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 112–134.

[81] *Оглоблин Н.Н.* Обзор столбцов и книг Сибирского приказа. Ч. 3. М., 1900. С. 79; *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 85–118; Ч. 2. С. 6–12, 95. Новые материалы по этому сюжету введены в научный оборот Е.В. Вершининым (см.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сборник документов. Екатеринбург, 2004. С. 6; *Вершинин Е.В.* Бегство к свободе: русская колонизация и сибирские самоеды в XVI–XVII веках // Уральский исторический вестник. № 13. Екатеринбург, 2006. С. 110–128).

[82] См.: *Шашков А.* Обдорский край в XVII столетии // Югра. 1999. № 3. С. 26–29.

[83] См.: *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948. С. 416–419; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 90; *Каргалов В.В.* Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. Феодальная Русь и кочевники. М., 1967. С. 6; *Илюшечкин В.П.* О влиянии природных условий на формирование и развитие аграрных цивилизаций // История взаимодействия общества и природы: факты и концепции. Ч. 1. М., 1990. С. 118–119; *Крадин Н.Н.* Экономический фактор в образовании экзополитарных кочевнических структур // Там же. С. 120; *он же.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // Вопросы истории. 2001. № 4. С. 23–24; Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству: Взгляд из XXI века. М., 2003. С. 30, 32, 34, 45.

[84] *Чойсамба Ч.* Завоевательные походы Бату-хана. М., 2008. С. 147, 155.

[85] *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири (Домарксистский период). М., 1970. С. 365–366.

[86] *Огурцов А.Ю.* Оружие (URL: http://admnkz.info/document.do?id=93291).

[87] См.: *Коцебу О.* Новое путешествие вокруг света в 1823–1826 гг. М., 1981. С. 181; *Огородников В.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. Иркутск, 1920. С. 31; *Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 130; *Зуев А.С.* Русские и аборигены... С. 158–159.

[88] *Трепавлов В.В.* Образ русского в представлении народов России XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 110.

[89] *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 2. С. 6.

[90] *Резун Д.Я.* Родословная сибирских фамилий. С. 151.

[91] *Христофоров В.* Копье и чаша // Мир Севера. 1997. № 3. С. 79–81; *Митько О.А.* Указ. соч. С. 199; *Зуев А.С.* Русские и аборигены... С. 160; *он же.* Русско-аборигенные отношения... С. 106; *он же.* Присоединение Чукотки... С. 353, 362.

[92] *Митько О.А.* Указ. соч. С. 198–199.

[93] *Зуев А.С.* Русские и аборигены... С. 160.

[94] Там же. С. 150–151.

[95] *Кузьминых В.И.* Указ. соч. С. 34.

[96] *Зуев А.С.* Русско-аборигенные отношения... С. 105; *он же.* Присоединение Чукотки... С. 362.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Российский государственный архив древних актов. Фонд 214. Сибирский приказ. Стб. 328.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984.

Александров В.А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964.

Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. XIII–XVII вв. Иркутск, 1941.

Антипов И.П. О роли коренного населения Сибири в русских географических открытиях XVII в. // Уч. зап. Вологодского пед. ин-та. 1951. Т. 8.

Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды Московского археологического общества. Т. 14. М., 1890.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в. Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013.

Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. Л., 1925.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. III. Ч. 1–2. М., 1955.

Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV. М., 1959.

Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950.

Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980.

Беспрозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983.

Богоявленский С.К. Вооружение русских войск в XVI–XVII вв. // Исторические записки. 1938. Т. 4.

Бродников А. Енисейский острог. Енисейск в XVII веке. Очерки по истории города и уезда. Красноярск, 1994.

Васильевский Р., Резун Д. Воспитание историей. Новосибирск, 1987.

Вершинин Е.В. Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. №5.

Вершинин Е.В., Шашков А.Т. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее и будущее. Сургут, 2004.

Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.

Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск, 2008.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960.

Дополнения к Актам историческим. Т. 3–4. СПб., 1848–1851.

Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.

Древняя российская вивлиофика. 2-е изд. Ч. 3. М., 1788.

Евсеев Е.Н. Экспедиция И.Д. Бухолца и основание Омской крепости // Города Сибири (Экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974.

Зуев А.С. Русская тактика осады и взятия «иноземческих» острожков (Из истории Северо-Восточной Сибири XVII–XVIII вв.) // «Мы были!» Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. 1. СПб., 2004.

Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй поло-

вине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.

Зуев В.Н. К вопросу об изучении так называемой «чукотской войны» (30–70-е гг. XVIII в.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995.

Иванов В.Н. Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999.

Идес Избрант, Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

История казачества Азиатской России. В 3 тт. Т. 1. Екатеринбург, 1995.

История Русской Америки. В 3 тт. Т. 1. М., 1997.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 тт. Т. 2. Л., 1968.

Кондрашенков А.А. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв. // Уч. зап. Курганского пед. ин-та. Вып. 6. Курган, 1964.

Леонтьева Г.А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991.

Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997.

Марголин С.Л. Вооружение стрелецкого войска // Труды Государственного исторического музея. Вып. 20 (Военно-исторический сборник). М., 1948.

Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М., 1974.

Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1–2. М.–Л., 1937–1941.

Митько О.А. Люди и оружие (воинская культура русских первопроходцев и коренного населения Сибири в эпоху позднего средневековья) // Военное дело народов Сибири и Центральной Азии. Вып. 1. Новосибирск, 2004.

На стыке континентов и судеб (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах) Ч. 1. Екатеринбург, 1996.

Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятья» // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001.

Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. документов. Екатеринбург, 2004.

Окладников А.П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Л., 1937.

Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов на северо-востоке Азии. Сб. документов. М., 1951.

Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1, Ч. 1. Уфа, 1956.

Пастухов А.М. Корейская пехотная тактика самсу в XVII веке и проблема участия корейских войск в Амурских походах маньчжурской армии // Российское краеведение. Альманах. М., 2004.

Полевой Б.П. Новое об Амурском походе В.Д. Пояркова (1643–1646 гг.) // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). Новосибирск, 1973.

Полевой Б.П. Первооткрыватели Курильских островов. Южно-Сахалинск, 1982.

Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. М., 1987.

Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М., 1956.

Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.) СПб., 2010.

Распутин В. Сибирь, Сибирь… М., 1991.

Резун Д.Я. Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993.

Резун Д.Я. Русские в среднем Причулымье в XVII–XIX вв. Новосибирск, 1984.

Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Сб. документов о великих русских географических открытиях на северо-востоке Азии в XVII в. Л.–М., 1952.

Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. Сб. документов. М., 1984.

Русско-китайские отношения. 1689–1916. Официальные документы. М., 1958.

Сборник Кирши Данилова. М.–Л., 1958.

Се повести временных лет (Лаврентьевская летопись). Перевод *А.Г. Кузьмина.* Арзамас, 1993.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.

Симбирцева Т.М. Участие корейских отрядов в Албазинских войнах 1654 и 1658 гг.: источники и историография // Традиционная культура Востока Азии. Сб. ст. Вып. 3. Благовещенск, 2001.

Скалон В.Н. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. 2-е изд. Новосибирск, 2005.

Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986.

Соколовский И.Р. Челобитная сибирского служилого человека Астафия Михалевского (1636 год) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. № 1.

Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. Кн. VI. М., 1991.

Степанов Н.Н. Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма) М., 1973.

Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

Тураев В.А. Первая русская экспедиция на Тихий океан. Опыт изучения и проблемы // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX веках (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток, 1994.

Хрестоматия по истории СССР XVI–XVII вв. М., 1962.

Чернавская В.Н. «Восточный фронтир» России XVII – начала XVIII века. Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003.

Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1891. Кн. 3.

Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001.

Шашков А.Т. Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Известия Уральского ун-та. № 7. Серия гуманитарных наук. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.

Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997.

Яковлева П.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

Якутия в XVII в. (Очерки). Якутск, 1953.

При оформлении книги использован иллюстративный материал следующих изданий:

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в. Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб., 2013.

Белов М.И. Мангазея. Л., 1969.

Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.

Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994.

Зуев А.С. Сибирь: вехи истории (XVI–XIX вв.). Новосибирск, 1998.

Идес Избрант и Брант Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967.

История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 тт. Т. 2. Л., 1968.

История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999.

Кузнецов В.С. От стен Новой столицы до Великой стены. Новосибирск, 1987.

Кычанов Е.И. Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск, 1980.

Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955.

Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.

Родина. Российский исторический иллюстративный журнал. М., 2000. № 5.

Савельева Е.А. Олаус Магнус и его «История северных народов». Л., 1983.

Самойлов В.А. Семён Дежнёв и его время. М., 1945.

Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008.

Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М., 1979.

Югорск: от легенды до точки на карте. Екатеринбург, 1997.

Серия «Ратное дело»

Дмитрий Николаевич Никитин,
Николай Иванович Никитин

ПОКОРЕНИЕ СИБИРИ
Войны и походы конца XVI – начала XVIII века

Научный редактор: А. В. Малов

Рецензенты:
доктор исторических наук А. С. Зуев (г. Новосибирск),
доктор исторических наук Д. А. Редин (г. Екатеринбург),
кандидат исторических наук К. И. Зубков (г. Екатеринбург)

Макет и обложка: В. А. Передерий
Верстка: Л. А. Навдаева
Цветоделение: В. И. Изъюров
Корректоры: Ю. В. Хамзина
В.И. Корякина

Фонд «Русские Витязи»
125009, Москва, Нижний Кисловский переулок, д. 6, стр. 1.
Тел.: +7 (495) 690-27-98, 690-32-81
www.aerospaceproject.ru
oldzeughaus.com
русские-витязи.рф
E-mail: fsark@yandex.ru, fsa12@yandex.ru

Формат 84 × 108/16
Тираж 1000 экз. Заказ 0534

Сибирское ханство.
Карта-схема А.П. Зыкова, С.Ф. Кошкарова, Д.А. Редина, А.Ф. Агзамова

Книги серии «Ратное дело» посвящены войнам, сражениям, походам и осадам в первую очередь в истории России. Особое внимание уделяется слабоизученным или вовсе неизвестным военным событиям. Серия обращена прежде всего к широкому кругу читателей — любителей военной истории и истории Отечества, но будет интересна и профессионалам. Подобная универсальность достигнута благодаря привлечению к работе над серией ведущих специалистов-историков. С одной стороны, это позволило гарантировать оригинальность и качество содержания книг. С другой — авторы серии взяли на себя труд рассказать о событиях доступным повествовательным языком.

Никитин Дмитрий Николаевич. Кандидат исторических наук. Окончил исторический факультет МГУ (1993 г.) и там же аспирантуру (1996 г.). Работал в Музее истории города Москвы (1997–1998 гг.), в Министерстве по делам национальностей РФ (1999–2001 гг.), в Федеральной миграционной службе МВД РФ (2002–2003 гг.), преподавал в МГИМО (2005–2009 гг.).
С конца 2003 г. работает в Церковно-научном центре «Православная энциклопедия». Зав. редакцией. Автор статей по отечественной истории, истории церкви, по проблемам миграционных процессов и межнациональных отношений.

Никитин Николай Иванович. Кандидат исторических наук. В 1970 г. окончил исторический факультет МГУ, в 1973 г. — аспирантуру Института истории СССР АН СССР (ныне Институт российской истории РАН), с 1974 г. — в его штате. Ведущий научный сотрудник. Автор работ по истории русской колонизации, казачества, Российской империи.

В серии «Ратное дело» готовятся к выходу следующие книги:

Кругов А.И., Нечитайлов М.В. Персидская армия в войнах с Россией, 1796–1828 гг.

Зорин А.В. Битва за Ситку, 1802–1804 гг.

Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин.

